КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬ – ФАРАБИ

УДК 94 (574) «1831/69» (043)

На правах рукописи

ДЮСЕМБЕК ЖАННА

ИНСТИТУТ ДИСТАНОЧНЫХ И МЕСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В 1831-1869 ГГ.

Специальность: 8D02206 - История

Диссертация на соискание ученой степени
доктора философии (PhD)

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, профессор
Султангалиева Г. С.

Зарубежный научный консультант:
Доктор, профессор Б. Пенати
(Ливерпуль, Великобритания)

Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ 3
ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ 4
ВВЕДЕНИЕ…… 5
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ …… 15
1.1 Методология изучения проблемы ……. 15
1.2 Историография проблемы …….. 27
1.3 Источниковедческий анализ проблемы ……..…… 41
2 ДИСТАНОЧНАЯ СИСТЕМА КАК ИНСТРУМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1831-1868)…… 47
2.1 Дискуссии региональных российских чиновников и Центра о введении дистаночной системы управления …….. 47
2.2 Типология, структура и географическая траектория: численность и родоплеменной состав ……..... 63
3 ДИСТАНОЧНЫЕ И МЕСТНЫЕ НАЧАЛЬНИКИ: ФУНКЦИИ, СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ……..... 81
3.1 Механизм назначения дистаночных и местных начальников..... 81
3.2 Функции и обязанности дистаночных и местных начальников……..... 93
3.3 Социальное обеспечение дистаночных и местных начальников …….. 102
4 ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДИСТАНОЧНЫХ И МЕСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ С СУЛТАНАМИ-ПРАВИТЕЛЯМИ И РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ..... 112
4.1 Султаны-правители, дистаночные и местные начальники: вертикаль взаимодействия …… 112
4.2 Дистаночные, местные начальники и Оренбургская пограничная комиссия: от конфликтов к сотрудничеству……... 118
4.3 «Социальная инженерия»: включение детей дистаночных и местных начальников в имперский образовательный процесс …… 128

ЗАКЛЮЧЕНИЕ …….. 147

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 151

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Список дистаночных и местных начальников Восточной, Средней и Западной частей казахов оренбургского ведомства (1831-1869) …… 161

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Дистанции – административно-территориальные структуры между крепостями, созданные в 30-е годы XIX века для учета кочевого населения и сбора налогов на территории казахов Оренбургского ведомства.

Прилинейные дистанции – административно-территориальные участки вдоль пограничных и военных укрепленных линий.

Степные дистанции – административно-территориальные участки на внутренних, степных отдаленных от укрепленных линий районах.

Местности – дробные административные единицы напротив каждого форпоста, крепости.

Дистаночный начальник – управляющий дистанцией находился в подведомстве султана-правителя.

Местный начальник – аульный старшина находился в подведомстве дистаночного начальника.

Есаул – военный чин IX класса соответствует капитану в 1798–1884 гг.

Зауряд-хорунжий, зауряд-сотник – исправляющий должность, носящий звание, чин на время службы.

Сотник – военный чин XII класса в 1798–1884 гг., соответствующий поручику.

Регион – это географическая пространственная проекция, естественное пространство, при котором существует социокультурная деятельность населения.

Региональная власть – система имперского управления, в которой ключевую роль играли Оренбургская пограничная комиссия и оренбургский генерал-губернатор. Данная административная модель сочетала функции военно-политического контроля, обеспечивала интеграцию степных территорий в структуру Российской империи.

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

МВД – Министерство внутренних дел

МИД – Министерство иностранных дел

ОО ИРГО – Оренбургский отдел императорского Русского географического общества

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области

ОПК – Оренбургская пограничная комиссия

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

ЦГИА Грузии – Центральный государственный исторический архив Грузии

ВВЕДЕНИЕ

Описание исследовательской работы. Диссертационное исследование посвящено изучению проблемы формирования и функционирования института дистаночных и местных начальников на территории казахов оренбургского ведомства в 1831–1868 гг.

Актуальность темы исследования. Современные тенденции в изучении политики центра в периферии подчеркивают сдвиг к микроисторическим подходам, акцентирующим агентность местных элит в имперских структурах. Изучение отдельных регионов в рамках микроистории дает понимание деталей исторического процесса: механизма назначения начальников, их повседневную практику, конфликты, взаимодействие. Региональный подход ставит фокус на изучение различий через изучение структуры пространства, над которым осуществлялся контроль, позволяет сместить акцент с макроисторического подхода на конкретные регионы, где институт дистаночных и местных начальников выступает как некий инструмент, соединяющий центр и локальные системы управления.

В этом контексте изучение процессов институционализации местного управления в Казахской степи в первой половине XIX в. представляется актуальным. Во-первых, данный институт представлял собой низовое звено административного управления Российской империи в Казахской степи XIX века, обеспечивая взаимодействие центра с казахским кочевым населением. Во-вторых, понимание логики функционирования данной системы управления послужит основой для осмысления процессов формирования административной политики на современном этапе.

Ключевые факторы, детерминирующие проблемный статус исследования института дистаночных и местных начальников включают:

- фрагментарность исторических исследований и недостаточную степень изученности вопросов учреждения дистанций и местностей, причины их создания и динамику внедрения в Казахскую степь, включая логику их локализации, административно-территориальной конфигурации;
- отсутствие комплексных моделей анализа взаимоотношений между представителями казахской знати и региональной администрации в условиях интеграционных процессов;
- дефицит критического переосмысления имперских реалий в степи, что актуализирует необходимость комплексного, системного и объективного исследования и всестороннего анализа имперской политики на территории Казахской степи с целью внесения новых корректив относительно механизмов внедрения института дистаночного управления.

Потребности в изучении вопросов развития сотрудничества, взаимодействия казахской кочевой знати и региональной власти, инструменты вовлечения казахских султанов на службу империи и изучение имперской политики через восприятие «глазами и голосом казахов» составляют актуальность проблемы.

Важность изучения данной проблемы заключается в необходимости анализа и реконструкции механизмов рекрутирования и инкорпорации элиты казахского кочевого социума в структуру имперской администрации, способов и методов привлечения их на службу Российской империи, а также оценки роли и вклада дистаночных и местных начальников в реализацию имперских стратегий в степном пространстве.

Степень изученности исследуемой темы представлена посредством анализа дореволюционной, советской и современной отечественной и зарубежной литературы. (См. в разделе 1.2. представленной диссертации).

Дореволюционная историография представлена в трудах таких авторов, как Г. Ф. Генс [1], А. И. Левшин [2], И. И. Крафт [3], И. М. Казанцев [4], А. И. Добросмыслов [5], Л. Мейер [6], А. В. Васильев [7], А. Е. Алекторов [8], Н. И. Ильминский [9], И. Ф. Бларамберг [10], работы которых содержат ценные сведения об административной политике империи, дистаночной системе управления, однако носят нарративный характер.

В советский период издавались работы, посвященные проблемам административной политики империи, колониальной системы, а также вопросам просвещения Е. Б. Бекмаханов [11], С. З. Зиманов [12], А. Ф. Рязанов [13], [14], Т. Т. Тажибаев [15].

В постсоветский период начался новый этап в осмыслении политики империи административного управления в Казахской степи. Свидетельством этому явились исследования по изучению политики Российской империи, в частности исследования Б. М. Абдрахмановой [16], Г. Б. Избасаровой [17], Д. В. Васильева [18], И. В. Побережникова [19], Р. Почекаева [20] и др. Одновременно стало разрабатываться новое направление в отечественной историографии, раскрывающее влияние административных реформ в Казахской степи на социально-культурное развитие кочевого общества. Казахстанский исследователь Г. С. Султангалиева [21] поставила вопрос о важности изучения трансформационных процессов в казахском кочевом обществе XIX в. и появления новых социальных слоев, в частности казахского чиновничества, дворянства, почетного гражданства. Ею определена сеть должностей для представителей казахского кочевого общества в системе местного управления, включая дистаночных и местных начальников. Дальнейшее развитие этой проблемы по регионам Казахской степи нашло отражение в работах Т. Т. Далаевой [22], С. К. Удербаевой [23], М. Абдрахим [24]. Роль имперского образования в социальной истории казахского кочевого общества рассматривают Г. С. Султангалиева [25], Т. Т. Далаева [26], А.А. Айтмухамбетов [27], А. Бисенова [28] и др.

Вопросы исторической географии Казахской степи XIX в. представлены исследования Р. А. Идрисова [29], Г. Н. Ксенжик [30], где есть материалы о дистанциях и местностях, созданных на территории казахов оренбургского ведомства.

Вместе с тем, нужно отметить, что в исторической литературе отсутствуют комплексные исследования, посвящённые проблеме формирования института

дистаночных и местных начальников в Казахской степи в первой половине XIX вв. На сегодняшний день остается ряд не исследованных вопросов по представленной теме, в частности, слабо изучены мотивы внедрения дистаночной системы управления на территории казахов оренбургского ведомства, не выявлены в полной мере имена дистаночных и местных начальников, факторы и условия включения казахов в имперскую систему управления. Подробная историография исследования со ссылками на исследования авторов представлена в первом разделе, подраздел 1.2.

Источниковедческий анализ проблемы. Источниковая база по исследуемой проблеме основывается на широком круге письменных источников, которые разделены на следующие группы:

1. Законодательные акты. Особую значимость приобретают законодательные документы Российской империи первой половины XIX века, такие как: «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» от 1824 года, разработанный оренбургским генерал-губернатором Оренбургского края П.К. Эссеном, Положение об управлении оренбургскими казахами от 14 июня 1844 года, документы (№17998, №17999, Т.19) из Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ) и Положение о школе для казахских детей при Пограничной комиссии закрепили новые формы административного и территориального устройства, по-новому обозначили возможности и границы местного управления. Рассмотрение законодательных актов в их хронологической последовательности дает возможность установить, что институт дистаночных и местных начальников возник и развивался в рамках общей эволюции имперской политики, направленной на постепенную институционализацию контроля в степи и подчинение ее административным механизмам центра. Дополнением к законодательным документам можно считать статью председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса «К истории административного устройства у киргизов».

2. Вторая группа источников включает архивные документы-делопроизводственные материалы Оренбургской пограничной комиссии, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива РК (г. Алматы, Республика Казахстан), Объединенного государственного архива Оренбургской области (г. Оренбург, Россия), Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва, Россия), Архива внешней политики Российской империи (г. Москва, Россия), Центрального государственного исторического архива Грузии (г. Тбилиси, Грузия), включающие отчеты, деловую переписку, распоряжения. Данные материалы содержат сведения о практике управления, назначения казахов на должности дистаночных и местных начальников, а также их взаимоотношения с кочевым населением и региональной властью. Особенно ценными являются такие документы, как рапорта, прошения, приказы, донесения, представления, докладные записки, распоряжения, заключения, уведомления Пограничной комиссии из архивных фондов ЦГА РК.

Основой для изучения данной проблемы послужили материалы ЦГА РК фонд № 4 (Областное правление Оренбургскими киргизами, 1794–1868 гг.), ОГАОО фонд № 6 (Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора, 1796 – 1881 гг.), РГВИА фонд № 231 (Заметки П.П. Сухтелена о Хиве, Средней Азии, Оренбургском крае), ЦГИА Грузии, фонд № 1116 (Оренбургский генерал-губернатор, 1851–1891 гг.), где представлены материалы по созданию дистанции на Мангышлаке.

Третья группа источников включает официальные справочные и статистические материалы – адрес-календари, справочные и памятные книги, путеводители-справочники Оренбургской области, и адрес-календари должностных лиц, которые были на службе империи – это официальное ежегодное издание в Российской империи с 1765 года по 1916 год с указанием должностных лиц и их чинов.

Четвертую группу составляют материалы периодической печати, в частности публикации «Тургайской газеты» за 1898 год. Особый интерес представляет статья, автором которой является Г.Ф. Генс. Данный источник содержит сведения о территориальном расположении первых 22 дистанций, а также информацию о лицах, занимавших должности дистаночных начальников.

К пятой группе относятся материалы устного народного творчества. Колониальная политика Российской империи, активизировавшаяся в первой половине XIX веке по освоению степного пространства стала главной темой акынов и жырау эпохи «Зар-заман» («эпоха скорби и плача»). Это нашло отражение в произведениях «Что толку?», «Обращение к султану Баймагамбету» акына Махамбета Утемисулы (1803-1846); Шернияза Жарылгасулы (1807-1867) в его стихотворениях «Обращение к хану Баймагамбету», «Сказание о Бекете»; Шортанбая Канайулы (1818-1881) в творчестве «Обманная жизнь», «Бай проклят Богом», «Бала зары»; Мурата Монкеулы (1843-1906) в стихах «Три эпохи» и др., труды которых сформировали основу казахского фольклора нового времени.

В советский период в литературно-художественном сборнике «Степные огни» издано стихотворение народного поэта Жамбыла Жабаева «Песня об Орымборе» [32].

Шестую группу источников составляют опубликованные сборники документов. Среди них «Материалы по истории политического строя Казахстана» (1960), где представлена выписка из записки Областного правления оренбургскими казахами относительно функциональных обязанностей начальников дистанций и местностей, а также проекты нового положения в отношении управления кочевым обществом [33, с. 214–215].

Важное значение для настоящего исследования представляет также сборник документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.» (1964), в котором представлена инструкция Оренбургской пограничной комиссии для местных старшин Оренбургской линии, регламентировавшая порядок управления казахами [34, с. 256]. Опубликованные сборники документов позволяют обратиться непосредственно к нормативным основам

организации местного управления и проследить характер административных предписаний, определявших деятельность местных должностных лиц.

В постсоветский период были изданы ряд сборников, посвященных административной политике Российской империи в Казахской степи. Среди них следует отметить сборник документов «Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова» (1996). В данном сборнике раскрываются взаимоотношения дистаночных начальников с Кенесары Касымовым, а также противоречия и раскол внутри кочевого общества в XIX веке [35].

В сборнике документов «Национально-освободительное движение казахского народа в конце XVIII – начале XX вв.» (2019) приведены сведения о борьбе казахского народа против колониального угнетения империи и попытки сохранения государственной независимости [36].

Сборник документов «Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане» (1999) содержит законодательные акты, согласно которым осуществлялась практика местного управления в Степи, среди которых ключевую роль играют «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» от 1824 года, Положение об управлении оренбургскими казахами от 14 июня 1844 года, Положение о школе для казахских детей, учрежденной при Пограничной комиссии, Указ о преобразовании управления казахами оренбургского и сибирского ведомств от 1868 года [37].

Особое место среди опубликованных источников занимает сборник документов «История Казахстана в документах и материалах» (вып.1), в котором представлен документ «Краткое обозрение управления Оренбургскими казахами», составленный председателем Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генсом. Представленные в нем сведения представляют интерес для изучения территориально-административной организации управления степным регионом и позволяют установить количественный состав дистанций. Вместе с тем приведенные данные охватывают лишь 52 из 57 существовавших дистанций [38].

Существенное значение для исследования поставленной проблемы имеет также сборник документов «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах», опубликованный в серии «История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.» [39]. Данный сборник материалов содержит ценные сведения о дистаночных и местных начальниках, в частности, приведены формулярные списки, служебные письма султанов-правителей о должностных лицах, позволяющие раскрыть место службы, степень их вовлеченности в систему управления.

Значительный вклад в изучение проблемы формирования казахского чиновничества внес сборник документов и материалов «Казахские чиновники на службе Российской империи» под редакцией Султангалиевой Г. С. В данном сборнике представлены документы и материалы, раскрывающие особенности привлечения казахов к службе и механизмы их инкорпорации в структуру

пограничного и местного управления, награждения дистаночных и местных начальников чинами, медалями и орденами [40].

Таким образом, исторические документы, использованные в данном исследовании, позволяют проанализировать формирование и ход развития института дистаночных и местных начальников как промежуточного звена между кочевым населением, местной знатью и региональной администрацией, выполнявшие посреднические, медиаторские функции.

Цель диссертационной работы заключается в системной реконструкции функциональной роли и практической деятельности дистаночных и местных начальников в процессе реализации административной политики Российской империи на территории казахов оренбургского ведомства. Для достижения данной необходимо решить следующие **задачи:**

- создание концептуальной рамки исследования;
- критический анализ исторической литературы по исследуемой проблеме;
- установление количественных параметров и геоадминистративной локализации дистанций и местностей на территории казахов оренбургского ведомства;
- реконструкцию территориальной конфигурации расселения казахских родов в дистанциях;
- определение стратегических и тактических приемов в процессе вовлечения представителей казахской кочевой элиты на административную службу империи;
- выявление персональных данных дистаночных и местных начальников (социальное происхождение, образование, место службы);
- анализ восприятия казахами деятельности дистаночных и местных начальников;
- определение мотивов сотрудничества казахской кочевой знати с оренбургской администрацией.

Методология и методы исследования сформирована в русле новой имперской, истории, локальной истории, микроисторической оптики, что дает возможность рассматривать институт дистаночных и местных начальников не как административную конструкцию, а как систему локально ориентированных практик управления, посредничества и коллаборации между имперской властью и казахской кочевой элитой. В рамках данного направления империя подразумевает собой пространство, в котором центр и регион находились в состоянии постоянной взаимной адаптации, а механизмы власти осуществлялись посредством вовлечения местных акторов в управленческие структуры.

В данном исследовании применены просопографический метод, метод типологизации, метод системного анализа. Просопографический метод позволяет осуществить коллективную реконструкцию социального состава, происхождения, карьерного продвижения дистаночных и местных начальников. Это, в свою очередь, дает возможность выявить устойчивые модели рекрутирования и административной мобильности. Специфика данного метода подробно рассмотрена в работе авторов K. Verboven, M. Carlier, J. Dumolyn [31].

Применение просопографического метода позволяет сформировать коллективный портрет дистаночных и местных начальников на основе анализа их формулярных (послужных) списков, содержащих биографические данные, сведения о службе, лояльности, усердии и преданности имперскому правительству.

На основе применения данного метода нам удалось составить коллективные характеристики дистаночных и местных начальников. Среди дистаночных начальников насчитывалось 47 представителей султанского происхождения, тогда как число местных начальников, принадлежавших к султанскому сословию, было значительно меньше. Большинство местных начальников были выходцами из почетных казахов. Из 442 персоналий дистаночных и местных начальников, выявленных нами в фондах ЦГА РК, знали русский и татарский – около 23%, из них 48 казахов – выпускники школы при Оренбургской пограничной комиссии.

В данном исследовании нами применены метод типологизации, метод системного анализа. Метод типологизации позволяет классифицировать дистанции по типам (прилинейные, степные, особые), а также разделить местных управленцев по статусу, происхождению, функциям. Метод системного анализа позволяет изучить систему местного управления как целостную структуру, которая состоит из взаимосвязанных уровней (общее управление, частное управление и низовое звено управления).

В совокупности указанные теоретико-методологические основания обеспечивают комплексное изучение института дистаночных и местных начальников. Такое сочетание методов позволяет перейти от описания формальных административных функций к анализу реальных механизмов имперской интеграции казахской кочевой знати, а также к выявлению конкретных форм взаимодействия между местным управлением и региональной властью в условиях трансформации степного пространства.

Объектом исследования является система колониального административного управления Российской империи на территории казахов оренбургского ведомства в первой половине XIX века.

Предметом исследования выступают особенности функционирования института дистаночных и местных начальников, социальный состав, полномочия и направления деятельности дистаночных и местных начальников, их роль в трансформации традиционной системы власти в Казахской степи в 1831–1868 гг.

Хронологические рамки диссертации определяются периодом введения новых административных структур на территории казахов оренбургского ведомства в 30-е г. XIX века и завершаются к концу 60-х годов XIX века, когда дистаночная система была ликвидирована и внедрена волостная система на низовом звене управления.

Территориальные рамки диссертации определяются территорией проживания и кочевания казахов Младшего жуза, разделенной в результате

административных реформ в начале XIX века на Западную, Среднюю и Восточную части, составляющие территорию казахов оренбургского ведомства.

Научная новизна диссертационной работы:

- выявлена географическая локализация дистанций и местностей, функционировавших на территории казахов оренбургского ведомства;
- рассмотрено участие казахов в процессе создания новых дистанций (№№32-41).
- проведена типологизация дистанций с выделением их категорий (прилинейных, степных и “особых” дистанций) с определением их количественного соотношения по территориальному принципу;
- предложена периодизация функционирования дистанций: прилинейных, степных и «особых» дистанций;
- системным методом реконструированы территориальные границы расселения родов и маршруты их сезонных кочевий в пределах дистанций и местностей;
- показаны внутри-степные подвижные границы между казахами оренбургского и западносибирского ведомств;
- впервые систематизирован корпус персоналий–дистаночных начальников (144) и местных старшин (298), выявлены династии казахских должностных лиц (Бикбулатовы, Сюгалины, Бабасовы);
- впервые определен механизм назначения дистаночных и местных начальников, процедуры их утверждения, практика их распределения по дистанциям и местностям;
- показана новая вертикаль власти внутри кочевого общества султан-правитель - дистаночный начальник - местный начальник;
- определены функциональные обязанности дистаночных и местных начальников в контексте взаимодействия их с региональной администрацией и султанами-правителями.

Научные положения, выносимые на защиту:

1. Теоретические рамки исследования института дистаночных и местных начальников включают ряд методологических подходов от теорий коллаборационизма (Р. Робинсон), фронтира (Ф. Тернер, А. Каппелер, Т. Тебаев, И.В. Побережников, Р. Почекаев) до регионального подхода (А. Каппелер, К. Мацузато, А. Ремнев), что позволило рассмотреть систему дистаночного управления как особую зону контактирования имперской власти с локальными формами традиционной кочевой власти в контексте развития административных коммуникативных практик.

2. Дистаночная система управления, созданная в 1831 году, подразумевала собой многоуровневую административную и территориальную структуру – количество дистанций насчитывалось 57 (10 дистанций в Западной части, 19 дистанций в Средней части и 28 дистанций в Восточной части оренбургского ведомства) между крепостями, разделенными на местности напротив форпостов и станиц. На основе анализа хронологии создания дистанций предложена

периодизация функционирования дистанций: прилинейных (1831–1840 гг.), степных (1841–1850 гг.) и «особых» (1848–1850 гг. и 1862–1867 гг.).

3. Процесс назначения представителей казахской кочевой элиты на должности начальников дистанций и местностей рассмотрен через определенные интересы как региональной власти, так и местного населения. Общее количество дистаночных начальников за 1831–1868 гг. – 144 (в Западной части - 37, в Средней части – 46, в Восточной части - 61); местных начальников – 298 (в Западной части - 71, в Средней части – 114, в Восточной части - 113).

4. Анализ функциональных обязанностей дистаночных и местных начальников (сбор кибиточной подати, обеспечение стабильной обстановки внутри дистанции, сбор сведений о передвижении казахских родов и т. д.) раскрывает степень включенности их в систему имперского управления.

5. Вертикаль власти (местные начальники подчинялись дистаночным начальникам, дистаночные начальники – султанам-правителям) сочеталась с возможностью обращений и донесений напрямую к региональной администрации, что обеспечивало гибкость системы и превращало дистаночных и местных начальников в агентов, способствуя формированию «верных» и «преданных» российской власти должностных лиц.

6. Вопрос «социальной инженерии» и формирования новой кочевой элиты рассмотрен через призму обучения детей дистаночных и местных начальников в казахской школе при Пограничной комиссии.

7. Дистаночные и местные начальники представляли гибридную форму власти. С одной стороны, они были представителями имперской власти, так как назначались региональной администрацией, а с другой стороны, они были представителями казахского кочевого общества, защищающими интересы своего рода.

Научная и практическая значимость диссертационной работы. Исследование предполагает развитие казахстанской исторической науки и способствует росту общественного сознания общества. Выводы, полученные в результате исследования, дают возможность для применения опыта исторического прошлого для развития системы административного управления. Результаты данного исследования могут войти в учебные планы и учебные издания по новой истории Казахстана.

Апробация диссертационной работы. Диссертация выполнена на базе кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения факультета истории КазНУ им. аль-Фараби. Основные результаты и заключения исследования за 2020-2025 гг. были опубликованы в материалах конференций (2), журналах, рекомендованных Комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (2), а также входящих в базу данных Scopus, квартиль Q1 (2). Всего – 6 статей. Отдельные разделы исследования были продемонстрированы в виде докладов в работах известных международных научных конференций «Change and Challenge» (University of Liverpool’s Annual History PGR Conference 2022); «The problem of social mobility in the Kazakh

nomadic society of the XIX-early XX centuries: forms, opportunities and motives» Европейского общества исследования Центральной Азии (ESCAS) в 2023 году) и на международной конференции «The Russian Empire as Great Power and Multi-Ethnic Polity», организованной фондом PAULSEN в Великобритании 27-30 июня 2024 года.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

1.1 Методология изучения проблемы

В настоящее время историческая наука претерпевает значительные трансформации в методологическом и теоретическом понимании, поскольку научные знания не стоят на месте, появляются все больше различных трудов с задачей найти новые теоретические обоснования и методологические подходы. На сегодняшний день историческая наука нуждается в пересмотре концепций, переосмыслении теорий, конструировании новых концептуальных основ и теоретико-методологических разработок. Это все происходит благодаря увеличивающемуся опыту междисциплинарного подхода и применению научных достижений отечественных и зарубежных ученых.

Теоретико-методологическая основа исследования института дистаночных и местных начальников в системе административного управления следует выстраивать на основе комплекса подходов, разработанных как в дореволюционной, так и современной научной литературе, а также через анализ корпуса нормативных актов Российской империи, определявших административно-правовой статус степного пространства. Исследование данной проблемы предполагает ее осмысление в контексте колониальной политики, эволюции имперских механизмов управления и традиционных форм общественной организации, государственного управления и социальной трансформации традиционного общества, что обусловливает необходимость междисциплинарного исследовательского подхода.

В теоретическом плане представляется принципиально важным рассмотреть институт дистаночных и местных начальников как один из инструментов имперской власти, встроенный в общую систему административного управления и обеспечивавший практическую реализацию политики центра в регионе. В данном отношении продуктивным оказывается обращение к понятию «инкорпорация окраин», позволяющей интерпретировать интеграцию казахской степи в имперское пространство как длительный процесс институциональной адаптации, в ходе которого традиционные формы власти не устранялись полностью, а трансформировались и использовались в интересах имперской администрации. Именно это сочетание позволяет рассматривать дистаночных и местных начальников не просто как посредников, как особо важное звено между локальным обществом и имперской властью, посредством которого российская администрация осуществляла наблюдение, контроль, адаптацию и последовательное включение региона в состав общеимперской структуры власти.

Особую значимость для анализа приобретают административные реформы, пограничное управление, разработанные в дореволюционной историографии. Деятельность Оренбургской пограничной комиссии рассматривалась как особый административный институт, через который

имперская власть осуществляла контроль над степными территориями, сочетая надзорные, распорядительные и посреднические функции. В этой связи институт дистаночных и местных начальников следует понимать как функциональный элемент данной системы, обеспечивающий практику реализации управленческих решений на локальном уровне. Иными словами, именно через таких представителей центральная власть получала возможность не только присутствовать в степи, но и включаться в повседневное регулирование отношений в степи, опираясь на промежуточные звенья административного управления.

Сегодня, исследуя проблему формирования института дистаночных и местных начальников на территории казахов Оренбургского ведомства первой половины XIX века, нужно рассмотреть данный административный феномен с позиции нескольких научных парадигм – новой имперской истории, локальной истории, регионального подхода, теории фронтира, теории естественных границ и теории коллаборационизма. Такой подход в изучении данной проблемы обусловлен характером изучаемых источников и исследовательской традиции: указанная проблема фиксируется не только в законодательных актах, но и в делопроизводственной практике Оренбургской пограничной комиссии, что выходит за рамки нарративного описания.

Новая имперская история и региональный подход. Внедрение механизмов административной власти по имперскому сценарию характеризуется как довольно длительный и сложный процесс. Региональная неоднородность Казахской степи, неоднозначность имперской политики, геополитическое положение и другие факторы дают возможность исследователям находить новые аспекты для научных дискуссий.

Формирование новых концептуальных схем происходит за счет выдвижения на первый план вопросов преобразования в административном управлении Казахской степи и влияния таких изменений на трансформацию политико-правового восприятия и сознания местных жителей.

Наиболее важным и набирающим обороты в научной сфере является подход новой имперской ситуации или новая имперская история. На формирование концепции новой имперской истории большое влияние оказали работы А. Каппелера. Австрийский исследователь А. Каппелер, издавший основополагающий труд в рамках новой имперской истории относительно Российской империи выделил интеграционный процесс, формирование местного чиновничества в качестве немаловажного элемента в становлении многонациональной империи. Согласно мнению А. Каппелера, проблема контактов периферийной элиты и элиты метрополии заключается в элементах функционирования империй Автор исследовал такие проблемы как способы экспансии и присоединения в состав империи территорий с «как этнически, так и конфессионально чуждым населением», отношение местных элит к захвату их территорий, итоги преобразований и изменений в самой Российской империи, в ее политической, территориальной структуре после присоединения новых земель. Он, проанализировав характер российского государства, пришел к

выводу, что Российская империя не являлась "колониальной державой", а была многонациональным государством с элементами кооптации представителей «нерусских народов на службу империи» [41].

Однако труд А. Каппелера в контексте новой имперской истории вызвал дискуссию и ряд возражений среди других исследователей. Так, в своем исследовании К. Мацузато отмечает, что А. Каппелер сосредоточил свое внимание не на этнополитическом, а на этнографическом контексте русской истории. В исследовании К. Мацузато отражено положение о том, что Российская империя была организована и сформирована только по территориальным принципам. Инструментами имперского управления были не этнические группы, а территории (генерал-губернаторства), которые управляли этническими группами по согласованию с «центром». В этом контексте можно констатировать, что работы А. Каппелера и К. Мацузато, представляющие парадигму новой имперской истории в современной историографии, показывают, что предмет изучения Российской империи значительно сдвинулся и расширился [42].

В контексте новой имперской истории важно исследовать дистаночных и местных начальников не только как проводников политики центра, но и как посредников, функционирующих в новых условиях имперских реалий.

Однако не следует рассматривать направление новой имперской истории как монополию среди исследовательских перспектив. Несмотря на значительный вклад данного направления в ревизию истории Российской империи и СССР, имеются ограничения в исследовательских оптиках в истории Казахстана и Центральной Азии. Как подчеркивает исследователь А. Бисенова, в поле научных исследований сохраняется асимметрия между объектом и субъектом изучения, выраженная в ограниченности разработки собственных концептуальных и теоретических подходов и продолжении сохранения метропольной оптики в регионах. По мнению А. Бисеновой, Казахстан и Центральная Азия в контексте деколониальных исследований должны выступать не только полем исследований и поставщиками эмпирического материала, тем самым продолжая быть объектом исследования, но и площадкой формирования самостоятельных научно обоснованных концепций, способных участвовать в глобальных академических дискуссиях [43].

В контексте деколониальных направлений следует выделить концепцию «колониальность власти» A. Quijano, M.V. Tlostanova, W.D. Mignolo [44], направленные на критику евроцентризма и «колониальности знания». Деколониальный подход смещает фокус от изучения механизмов функционирования империй к анализу категорий производства знаний, возникших в колониальный период, признанию плюрализма форм знания и расширению местных научных, исследовательских школ, участвующих в теоретических разработках исторических процессов на глобальном уровне.

В этом ключе важность приобретают работы, разработанные в рамках сравнительных исследований империй, где раскрывается роль формирования периферийных институтов в процессе взаимодействия центра и локальных

социумов. Применительно к оренбургскому ведомству это означает, что дистаночные и местные начальники функционировали в рамках переговоров между административными предписаниями имперской власти и нормами степного кочевого общества. Это наблюдение дает возможность интерпретировать деятельность имперской администрации как практику адаптации: они были вынуждены учитывать нормы обычного права казахов и авторитет биев, что трансформировало характер имперского управления. В этой связи следует упомянуть Лазаревского Ф., который предлагал в качестве механизма управления предоставить власть суду биев [45, с. 175–179].

В настоящее время наиболее популярными и инновационными на сегодняшний день являются работы, выполненные в контексте регионального подхода, позволяющего изучать природу многонациональной империи в различных аспектах. Интересными областями в научных исследованиях становятся история и теория регионализма, империи как полиэтнического государства [46, с. 24–26].

Основополагающим трудом в области имперского управления является коллективный труд российских историков «Национальные окраины Российской империи» (1997) [47]. Представление региона только как административной единицей считается ошибочным мнением. По сути, регион – это географическая пространственная проекция, естественное пространство, при котором существует социокультурная деятельность населения. Так, крупные региональные образования создают по общей схеме свой центр и свою периферию. В Азиатской России большие региональные общности были оформлены в генерал-губернаторства с выраженным военно-административным управлением [48, с. 380–383].

По мнению исследователя в контексте регионального нарратива А. В. Ремнева в формировании административно-территориальной системы единого подхода не было ни в самой Российской империи, ни в азиатских регионах. В результате имперской практики в строительстве империи царизм усвоил методы и приемы, способствовавшие поддержанию территориальной целостности страны и недопущению глобальных затруднений в региональном управлении. Просчеты и ошибки в административной организации в других регионах империи, учет зарубежного колониального опыта приводили к тому, что империя более тщательно подходила к вопросам в региональном управлении.

Ремнев А. В. в своей статье сделал вывод о том, что обширная территория Российской империи, слабость властных коммуникаций и частичное присвоение новых территорий требовали формирования новых центров на пограничной линии, которые передавали функции главного имперского центра отдаленным регионам для создания локальных центров имперской власти [49].

Изучение административной политики империи в рамках регионального подхода актуализирует дихотомию «центр – периферия» как одну из ключевых категорий имперского пространства. В данном контексте взаимоотношения между центральной властью и регионами характеризуются неравными в имперском пространстве. Данное обстоятельство определялось спецификой

исторического развития регионов, их геополитическим значением, этноконфессиональным составом населения и степенью интеграции в имперскую систему управления. Административный аппарат управления империи в регионах представлял собой сложный комплекс управленческих механизмов и практик, направленных на сохранение территориальной целостности государства, поддержание политической стабильности, реализацию правовых функций власти. В то же время система административного управления выступала инструментом хозяйственного освоения регионов и распространения общеимперских норм управления. В этой связи региональная политика империи сочетала элементы централизации и адаптации к локальным условиям, что обусловливало многоуровневый и неоднородный характер имперского управления.

В данном контексте следует также отметить, что при строительстве империи важным условием интеграции регионов в состав империи явилось обозначение и закрепление четко определенных территориальных границ как одного из ключевых факторов обеспечения территориального единства империи. Установление границ имело не только политико-правовое, но и стратегическое значение. В этой связи особое значение приобретает понятие политической, или действительной государственной границы, под которой подразумеваются так называемые “естественные границы”, обусловленные природными, географическими и стратегическими особенностями территории. Концепция «естественных границ» рассматривалась как важный элемент легитимации имперской экспансии, так как позволяла обосновывать включение регионов в единое политико-административное пространство империи.

Е. Безвиконная в своем исследовании отмечает, что за основу разделения региона были взяты “естественные пределы”, т.е. реки, озера, горные хребты для установки пограничных знаков [50]. Такого же взгляда придерживался исследователь А. В. Ремнев, который изучал вопрос об определения внутренних границ и степени властных полномочий местных органов управления [51]. Автор выделил главную цель административных преобразований в Азиатской России, сформулированную М. И. Венюковым: "Создать большие административные группы, которые наиболее соответствовали естественным, т. е. физико-географическим, этнографическим и экономическим условиям различных частей Азиатской России» [52].

Таким образом, имперская система и ее организация в региональном управлении определялась, прежде всего, путем изучения регионов по отдельности, с целью реконструировать основные приемы и механизмы имперской политики в удержании власти в региональном контексте. Рассмотреть имперскую политику как процесс, империю как живой организм возможно применяя комплексный подход и разный круг источников.

Следующий важный подход в изучении проблемы взаимоотношений местной кочевой знати и региональной администрации представляют авторы, которые придают большое значение тому, что российская власть и кочевая знать должны были учитывать как взаимные интересы, так и интересы других

политических игроков, а также учитывать внутренние и внешние факторы и их взаимообусловленность.

На сегодняшний день смещение фокуса исследования от политического к коммуникационному или контактному представляется весьма актуальным. В рамках данного подхода формируется концептуальная схема изучения процессов взаимодействия приграничных социумов, контактов между акторами, субъектами того или иного политического процесса, что приводит к изучению формирования контактной зоны.

В рамках локальной истории задача исследования заключается в реконструкции конкретных практик функционирования института дистаночных и местных начальников в рамках конкретного региона – территории казахов оренбургского ведомства.

Если рассматривать административное преобразование и его воздействие как широкий круг ресурсов и взаимных интересов, то с такой позиции местные элиты могли рассчитывать на карьерный рост в российских региональных и административных ведомствах. Имперские ведомства привлекали местных жителей, которые играли ключевую роль в решении политических задач, а именно, в изучении политической ситуации, обычного права, переписи населения, составления карт и т. д.

В исследовании Г. Б. Избасаровой по политике Российской империи на территории казахов оренбургского ведомства отмечалось, что в первой половине XIX в. на основе докладных записок чиновников оренбургской администрации рассматриваются взгляды чиновников на создание административно-территориальной модели управления, подчеркивается стремление к совершенствованию системы управления степным регионом без коренных преобразований. Одним из ключевых направлений региональной политики империи являлось сохранение практики проведения судебного разбирательства и следственных процедур на основе обычного права казахов. Это свидетельствует о том, что административная политика Российской империи в Казахской степи отличалась относительной гибкостью по сравнению с подходами, применявшимися в других регионах [53].

Разноплановые научные исследования привели к изучению имперской истории с разных ракурсов, в разных контекстах и к возникновению нового направления как фронтирная история или теория фронтира.

Теория фронтира играет ключевую роль для данного исследования, поскольку позволяет выйти за рамки тривиального представления о границе как пограничной линии, дает возможность показать ее как зону контактов, динамичное пространство, при котором центр и регион взаимодействуют, пересекаются интересы акторов, а также позволяет раскрыть процесс создания новых административных структур и их продвижения в степь. Кроме того, теория фронтира помогает описать практики коллаборации, через которые реализовалась имперская стратегия на локальном уровне.

Термин «фронтир» был введен в научный оборот американским исследователем Ф. Тернером, который впервые употребил это понятие в 1893 г.

в докладе «Значение границы в американской истории». Не предлагая четкого, целостного определения, в общем виде Ф. Тернер трактовал фронтир как границу между освоенными и неосвоенными землями, как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды». Позднее в изложении другого американского ученого Е. Фернисса фронтир выглядел как «точка или момент встречи между дикостью и цивилизацией» [54].

Что же такое фронтир? Судя по последним дискуссиям относительно данной проблемы в исторической науке, концепт фронтира не приобрел точных и четких определений и значений, поскольку все больше рассматривается с новых позиций. Данный концепт, применимый к разным странам и ситуациям, вызывает некие противоречия в силу расширяемости и видоизменяемости понятия и требует более глубокого изучения в настоящее время. Если для одних исследователей фронтир – это граница, то для других – это контакт.

В многочисленных исследованиях исследователи по-разному преподносили значение понятия «фронтир», выделяя особенности наиболее актуальные для изучаемого пространства. Именно поэтому «фронтиром» называли и границу, и регион, и пространство. Фронтир – это способ описания пространства, в котором встречаются и взаимодействуют представители различных культур и социальных традиций. Ф. Дж. Тернер признавал, что введенный им в широкий научный оборот концепт не требует строгой точности в определении. Теория фронтира сформировалась в рамках исследований имперских пограничных пространств, в которых граница интерпретируется не как линия территориального разграничения, а как зона контакта, в пределах которой осуществляется взаимодействие различных культур, политических институтов, социальных практик [55].

В развитие теории фронтира и фронтирной модернизации внес существенный вклад исследователь Ю. Маликов. Автор в своем труде рассматривает термин «фронтир» (borderland) с одной стороны не как географическую границу, а как динамичную зону, где происходило взаимодействие приграничных народов в повседневной жизни, с другой стороны как зону барьера, разделявшую колонизаторов и местное кочевое население, что препятствовало к любому контакту между ними. Критически исследуя данные положения, анализируя и переосмысляя пограничное присутствие, автор приходит к выводу, что фронтир – это не барьер и не фронт войны, а пространство, в котором стороны были вынуждены договариваться, вести торговлю, адаптироваться друг к другу. Кроме того, «контакты между местным населением и переселенцами с севера» способствовали к формированию фронтирного общества, отличавшегося как от русской, так и от казахской традиционных социокультурных систем. По мнению автора, Казахская степь – это не зона разграничения народов, а пограничное пространство формирования гибридных форм, в котором шел процесс культурного синкретизма посредством адаптации взаимодействующих сторон [56, с. 32].

В 2010–2013 гг. И. В. Побережниковым была предложена концепция фронтирной модернизации, которая объясняет особенности и противоречия российской модернизации имперского периода «в условиях продолжавшегося расширения страны, присоединения новых земель и их освоения». В рамках теории фронтира концепция фронтирной модернизации охватывает ряд ключевых аспектов, в том числе воздействие административных преобразований на общественно-политические процессы в Казахской степи, роль и деятельность акторов имперской политики в степном регионе, а также особенности функционирования политических коммуникаций [19, с.74-75].

Вопрос формирования «новой казахской элиты», представленной выходцами из кочевой родовой знати, подробно представлен в труде Р. Почекаева. Автор анализирует процессы модернизации через призму властных коммуникаций, уделяя особое внимание взаимодействию различных участников административно-политических процессов, а также их роли в разработке и практической реализации задач имперской модернизации; всесторонне рассматривает личностные характеристики ключевых региональных лидеров как со стороны российского правительства, так и со стороны «новой элиты» казахского общества [20].

В современной казахстанской историографии в контексте новой имперской истории и теории фронтира и ее модернизации исследователи фокусируют внимание на процессе введения административного управления Российской империи в Казахской степи на протяжении XIX века, а также степени его влияния на сознание и восприятие новой власти обществом. Исследование казахстанского историка Г.С. Султангалиевой раскрывает процесс инкорпорации казахов в имперскую систему власти через анализ деятельности султанов-правителей, дистаночных и местных начальников и др., которые принимали участие в формировании и функционировании новой административно-территориальной структуры в первой половине XIX века. [57].

На наш взгляд, концепт фронтира применительно к Казахской степи следует рассматривать в контексте понятия «*пограничная контактная зона*», что подразумевает собой контактирование, взаимодействие линейных жителей и местного кочевого населения в пограничном пространстве, сопровождавшееся процессом вовлечения, интеграции и удержания казахского населения со стороны имперского правительства.

В этом ключе дистанции и местности выступали не просто административными участками, а были динамичной контактной зоной, где происходили взаимовлияние и трансформация социальных структур, институтов власти и моделей управления. Деятельность начальников дистанций и местностей включала не только исполнение предписаний, но и посредничество в вопросах налогообложения, в судебных спорах и регулировании маршрутов кочевок. Именно посредничество становится ключевым для понимания специфики модели управления в оренбургском ведомстве, что отражается в архивных материалах и их интерпретациях в современной историографии.

При изучении фронтирной зоны не просто как пространство для переговоров, а как стратегически важный проект следует обратиться к теории «естественных границ». На наш взгляд, теория «естественных границ» тесно связана с понятием «подвижных границ». В основу теории естественных границ закладывалось освоение новых земель, продвижение и расширение границ до естественных рубежей, под которыми понимались в географическом смысле реки, озера, горы, моря и т. д. Такие акты освоения земель оправдывались российской стороной желанием достичь естественных границ. Примером продвижения рубежей империи вглубь степи явилось создание особых дистанций, которые создавались в процессе колонизации степи. Свидетельством может послужить факт создания особой дистанции в 1866 году напротив Александровского форта на полуострове Мангышлак, где проживали казахи рода адай.

Имперская завоевательная политика по отношению к восточным соседям обусловливалась военными и стратегическими мотивами. Поэтому русский чиновник как М.И. Венюков связывал продвижение России на восток с необходимостью установления четких контуров на своих границах. В связи с этим, авторы полагали, что строительство военных укреплений на пограничных зонах с Казахской степью обусловлено опасностью и угрозой нападений со стороны кочевников и любое государство должно защищать свои границы, вследствие нужны такие территориальные участки, в которых возможно строительство новых укрепленных линий, защищающих естественные рубежи [58].

Теория «естественных» («подвижных») границ предполагает стабильное военное положение государства на естественных границах, под которыми понимались горы, реки, озера. По сути, колонизацию и аннексию имперского государства представляли как расширение территории государства до естественных рубежей. На наш взгляд, это «оправдательное» объяснение деятельности российского правительства в завоевательной политике окраин, прикрывая истинно колониальную политику империи теорией «естественных или подвижных» границ через строительство сооружений и военных укреплений, служивших защитой и барьером от нападений номадов. В этой связи следует отметить сведения П.П. Сухтелена и Г. Ф. Генса о нападении кочевников на линии и караваны. Согласно сведениям А. Ф. Рязанова полковник Г. Ф. Генс, изучив систему охраны приграничных районов был крайне недоволен и пришел к выводу, что она совершенно не устраняет опасности от внезапных нападений со стороны кочевников. Вернувшись в Оренбург Г. Ф. Генс предложил П. П. Сухтелену реорганизовать систему охраны пограничной линии с привлечением самих казахов. Для реализации этого проекта Нижне-Уральская линия от Буторинского (Бударинского) форпоста до г. Гурьева была разделена на дистанции. Кандидатов на должности начальников дистанций Г. Ф. Генс избрал лично. Учреждение института дистаночных и местных начальников играло важную роль в обеспечении безопасности границ. Если раньше ни один не был ответственен за нападения на линию, то местные старшины обязаны были

предупреждать линейных начальников о подобных нападениях и были ответственны за безопасность в приграничных районах [13, с. 262–265].

П. П. Сухтелен в своих заметках об Оренбургском крае также отметил о нападениях на караваны вблизи оренбургской и троицкой таможни. Кроме того, он привел сведения о численности голов скота вдоль линии, также представил таблицу казахских ханов, в частности династии Абулхаир хана [59, л. 7–8].

По мнению русских чиновников номады представляли собой разрушительную силу, противостоять которым можно с помощью такой же силы. Данная теория легла в основу концепции «самосохранения» Российского государства, целью которой было изъяснить внутренний механизм имперской политики в восточном направлении и причин присоединения народов. Такой подход приводил авторов к идее о необходимости дальнейшего продвижения вглубь казахских степей и в Среднюю Азию. Так, М. И. Венюков писал: «В степях по самому свойству их обитателей приходится следовать правилу: все или ничего» [60]. Приняв в русское подданство Средний и Младший жуз, имперское правительство поставило себя перед выбором – пройти степь и выйти на естественные рубежи или отступить к Иртышу и Уралу. Русское правительство выбрало первый путь, и это привело к присоединению территории Казахстана и Средней Азии [61, с. 26].

Однако, по мнению Венюкова М. И., государственный рубеж оставался фиктивным. В связи с этим возникла концепция «двух государственных границ». На границах присоединенных территорий создавались военные линии, на остальной территории сохранялись прежние порядки и нормы до присоединения. По его мнению, такое несоответствие между реальной и фиктивной границами государства, приводило к дальнейшему продвижению русского государства. Он считал, что по мере образования новой линии, она становилась предметом нападения кочевников, что требовало периодической высылки карательных отрядов и строительства новых укреплений. Так оправдывалось продвижение русских колонизаторов вглубь степи [58, с. 140].

В данном контексте следует также отметить, что при строительстве империи и ее расширения в территориальном плане, важным элементом в интеграции регионов в состав империи являлось утверждение четких государственных границ как гаранта имперского территориального единства. В связи с этим выделилась политическая или действительная государственная граница, под которой подразумевались “естественные границы”. В контексте теории естественных границ Горшенина С. в своей статье преподнесла разные трактовки данной проблемы и представила механизм взаимодействия метрополии и периферии. В работе автор отметила, что собственные границы России трактовались как подвижный фронтир, ее чаще называли «оборонительной линией», состоящей из заградительных укреплений, военных поселений, фортификационных сооружений. Автор поясняет, что по этой причине российские войска, защищая российские земли от кочевников, последовательно перемещали собственную границу, не затрагивая «чужой». Переходя от одного естественного рубежа к другому, границы не были

оформлены вплоть до 1870-х гг. Это давало возможность их дальнейшего перемещения к юго-востоку, до следующего «естественного рубежа» [62].

На современном этапе появляются научные труды, где большую роль играют местные голоса, в данном случае, это голос казаха-кочевника. П. Сартори и П. Шаблей в совместном исследовании отметили, что процесс интеграции Казахской степи в состав империи реализовался при участии местных жителей, особенно с учетом мнения местной правящей верхушки и родовой знати. Российские власти при введении механизмов имперской власти учитывали мнения казахского населения, образ жизни, быт и обычаи кочевого народа, т. е. «голос казаха». При продвижении границ вглубь степи не учитывались мнения казахов, строились фортификационные сооружения, укрепления, оборонительные линии [63].

Для анализа механизмов сотрудничества между казахской знатью и центральной властью следует обратиться к теории коллаборации. Важность изучения института дистаночных и местных начальников в рамках данной теории позволяет проанализировать официальную логику имперской власти и реальные практики ее реализации и функционирования через локальных коллаборационистов. Теория коллаборации дает возможность рассматривать дистаночных и местных начальников как активных субъектов имперской политики, вовлеченных в сотрудничество с центральной властью.

В этой связи в контексте «коллаборативной» деятельности казахских посредников следует выделить теорию коллаборации R. Robinson, концептуальные основы которой можно применить к казахской правящей элите. Исследователь представляет в качестве коллаборатров местные влиятельные элиты, землевладельцев, торговцев или других посредников, которые играли немаловажную роль во взаимоотношениях колонизаторов и колоний [64, p.117-119]. Дистаночных и местных начальников, выполнявших посредническую функцию, можно назвать «коллаборатрами».

В данном контексте выдвигается проблема «посредничества». В этом направлении следует отметить американского исследователя I. Campbell, который показал, что имперское правительство в целях модернизации Казахской степи не обходилось без помощи казахских посредников, которые могли находить методы сотрудничества, выгодные для империи, они не только приняли принципы модернизации, но и «сохраняли степень интеллектуальной автономии и деятельности». По мнению исследователя, «колониальные знания находятся в прямой зависимости от туземных знаний и интерпретаций туземных жителей» [65, p. 8–9].

О посреднической роли казахских интеллектуалов, которые получив русское образование, впоследствии заложили костяк будущей интеллигенции в XX в. Бисенова А. конкретизирует, что посредники могли договариваться с колониальной администрацией в зависимости от ситуации о приемлемых условиях для казахов. При этом российская администрация воспринимала казахов как образованных посредников, которые должны были иметь определенное влияние среди кочевого народа [66, с. 450].

Следовательно, с методологической точки зрения изучение института дистаночных и местных начальников требует сочетания нескольких аспектов. Во-первых, анализ законодательной базы как выражение имперского замысла; во-вторых, реконструкция локальных практик управления на основе архивных источников; в-третьих, интерпретация данных в рамках новой имперской истории, локальной истории, микроистории, теории фронтира, теории коллаборации. Такое сочетание подходов даст возможность представить данный институт как гибридную форму власти, сформировавшуюся в имперских реалиях и адаптируемую в новых условиях.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и системности, позволяющие рассматривать институт дистаночных и местных начальников не как статичное административное явление, а как изменчивый элемент административной практики, трансформировавшийся в условиях последовательного пересмотра политики империи в отношении Казахской степи. Обращение к принципу историзма предполагает анализ формирования, развития и модификации института с учетом политико-правовых решений, которые определяли статус степного пространства в структуре административного управления империи. Тем самым принцип историзма позволяет проследить динамику продвижения политики империи от переходных форм управления к регламентированным и унифицированным моделям, которые предполагали усиление контроля со стороны имперской администрации и сокращение автономии местной власти.

Не менее важное значение имеет системный подход, позволяющий рассматривать институт дистаночных и местных начальников как составную часть сложной административной структуры, в которой взаимодействовали как традиционные, так и имперские структуры управления. В этом отношении особенно важно подчеркнуть, что институт не функционировал отдельно, а был включен в сеть разных взаимосвязанных уровней управления, охватывавших центральные (министерство иностранных дел), региональные (пограничная комиссия, канцелярия генерал-губернатора) ведомства и местные звенья власти (султаны-правители).

Системный анализ также дает возможность определить, что организация степи в административном порядке строилась на синтезе имперских принципов управления с сохранившимися инструментами традиционного управления, что определяло гибридный характер управленческой конструкции: с одной стороны, центр стремился к подчинению и унификации, с другой стороны – вынуждена была учитывать местные реалии управления. В этой связи институт дистаночных и местных начальников следует рассматривать как один из механизмов кооперации центра и региона, посредством которого империя не только видоизменила административное устройство Степи, но и трансформировала общественные отношения в степном регионе. Исследователи в последние десятилетия сделали значительный прорыв в историографии, исследовав вопросы инкорпорирования местного населения на службу империи. Применительно к Российской империи исследователи важным считали изучение

нерусских регионов империи, осознание и восприятие политики империи на локальном уровне, т. е. восприятие местным населением. Взаимоотношение центра с регионами, окраинами подразумевало собой контакты центральных и местных управленцев.

Подводя итоги по рассмотрению различных концептуальных подходов к изучению имперской политики в казахской степи, следует отметить, что современная историография располагает значительным материалом, посвященным формированию и функционированию административных проектов имперской власти в степном регионе на локальном уровне. Вместе с тем анализ имеющихся работ позволяет выявить аспекты данной проблематики, которые до настоящего времени не получили достаточного освещения. Такое положение открывает перспективы для дальнейших научных исследований, направленных на реконструкцию картины формирования и функционирования института дистаночных и местных начальников.

1.2. Историография проблемы

Приоритетные направления и попытки взглянуть по-новому на исторические процессы и события все больше набирают обороты в исторической науке на современном этапе. На сегодняшний день все больше исторических исследований, где внимание авторов фокусируется на проблеме казахского чиновничества, казахской элиты, истории повседневности местной власти.

Первая половина XIX века стала периодом значительных преобразований в жизни кочевого общества. Изменения затронули практически все сферы общественной и административной организации кочевого общества.

В целях разработки имперской политики в отношении Казахской степи, внедрения административного аппарата управления и преобразований политической системы имперское правительство создавало определенные методы для эффективного управления новыми территориями. Одним из ключевых инструментов в проведении имперской политики в степном регионе было внедрение института начальников дистанций и местностей на территории казахов оренбургского ведомства, который представлял собой аппарат чиновников из представителей казахской кочевой знати.

Создание корпуса чиновников в лице начальников дистанций и местностей играло ключевую роль и являлось основополагающим фактором в реализации колониальной политики российской власти, а также в силе воздействия на внутренние дела казахского общества. Целью такого подхода империи было установление полного контроля над казахским обществом.

Внедрение института дистаночной системы управления в Казахской степи было обусловлено необходимостью систематического учета и мониторинга количества хозяйств, контроля над численностью казахского населения в местностях и дистанциях, а также поголовьем скота. Кроме того, создание вышеупомянутого института было связано с отсутствием специализированного административного аппарата, уполномоченного регулировать взаимоотношения

между казахским населением и жителями линейных поселений. Основные полномочия представителей дистаночной системы управления в лице дистаночных и местных начальников заключались в осуществлении надзора и контроля над поведением казахского населения, поддержании общественного порядка на подведомственных территориях и сборе кибиточной подати (1 руб. 50 коп. серебром с кибитки). Таким образом, функционирование дистаночного управления было направлено не только на усиление административного контроля над кочевым населением, но и на обеспечение регулярного поступления денежных средств в государственную казну российского государства.

Историография проблемы становления и деятельности института дистаночной системы управления в оренбургском ведомстве в первой половине XIX века формировалась неравномерно и продолжительное время оставалась фрагментарной, поскольку в фокусе исследователей находились либо общие вопросы административной политики Российской империи, либо более широкие процессы колонизации, тогда как сами механизмы низового управления, воплощенные в практике дистаночного управления, оказывались на периферии научного анализа. Обращение к историографии позволяет зафиксировать постепенное смещение исследовательского интереса – от описательных интерпретаций к аналитике повседневных административных практик, следовательно и смену научных парадигм - от описательной к постколониальной.

Историографическое осмысление института дистаночных и местных начальников в 1831–1869 гг. формировалось в русле более широкого изучения административной политики Российской империи в Казахской степи и эволюции форм местного управления. При этом развитие научных представлений о данном институте проходило несколько этапов, отражающих изменение исследовательских подходов и источниковой базы.

Историографию проблемы внедрения нового административного устройства на территории казахов оренбургского ведомства как дистаночная система управления следует разделить на три периода: дореволюционный (XIX в. - 1917 г.), советский (1917–1991 гг.), современный (постсоветский) период с 1991 года по настоящее время.

Особое место в дореволюционной историографии занимают труды представителей административной практики, таких как Г.Ф. Генс [1], А.И. Левшин [2], И.И. Крафт [3], (работы, посвященные административному устройству). Их исследования носят во многом нарративный характер, однако содержат ценные сведения о функционировании системы управления, включая порядок назначения и обязанности дистаночных начальников. В этих работах прослеживается стремление обосновать эффективность имперской политики, что требуют критического подхода к интерпретации представленных данных.

Труд А. И. Левшина служит базовым корпусом знаний о регионе, в котором была предпринята попытка системного описания социальной и административной структуры кочевого социума в условиях инкорпорации в

состав Российской империи. А. И. Левшин рассматривает интеграцию степи в административное поле империи как цивилизаторскую миссию. Хотя А. И. Левшин не анализирует институт дистанций, автор зафиксировал процессы трансформации традиционной власти и усиления административного контроля. Административные реформы в его понимании – это логически обоснованное завершение процесса административного упорядочивания степного пространства.

Первый этап знаменателен тем, что появляются исследовательские работы наравне с законодательными документами. Важным этапом в изучении истории Казахстана в дореволюционный период стали работы И. М. Казанцева [4], А. И. Добросмыслова [5], Л. Л. Мейера [6].

В изучение истории местного управления на территории Младшего жуза внес И. М. Казанцев, который указал в своем труде количество родов, распределенных между административными участками – дистанциями, а именно указал 33 рода, кочевавших на территории Младшего жуза. Кроме того, он выделил имена султанов-правителей, указал последовательность занятия должности султана-правителя в Западной и Средней частях оренбургского ведомства [4, с. 62].

А. И. Добросмыслов в своем труде, на основе архива Тургайского областного правления, раскрыл сложный процесс внедрения новой административной системы управления, выявил персоналии в лице султанов-правителей с указанием периода правления и фамильной ветви. Отдельно дал краткое описание местностям, раскрыл функциональные обязанности дистаночных начальников, которые отражены в инструкции или «особых правилах» Г. Ф. Генса [5, с. 275].

Л. Л. Мейер показал положительные результаты по внедрению административной политики Российской империи на территории казахов оренбургского ведомства, раскрыл вопросы социального обеспечения представителей местного управленческого аппарата, в частности им выделены размеры жалованья дистаночным начальникам. В труде Л. Мейер представил, какие дистанции были расположены во всех частях на территории казахов оренбургского ведомства, а также указал количество дистанций и местностей [6, с. 51–59].

Создание новой административной структуры как дистаночной системы управления в дальнейшем сформировало спрос на образованных, лояльных правительству чиновников, что привело к организации подготовки новых управленцев из среды казахского населения.

По вопросу вовлечения детей казахов в образовательный процесс Добросмыслов А. И. в своей статье отметил, что еще с XVIII века велись попытки просвещения казахов. Он указал о намерениях императрицы Екатерины II просветить своих подданных, сделать первые попытки к образованию казахов, чтобы они часто общались с русскими, обучались русскому языку и грамоте, внушая им, что русский язык необходим и даст способность со всеми русскими говорить без переводчиков, писать и читать письма [67, с. 50–53].

Вопрос образовательной подготовки казахов для системы местного управления, в частности дистаночной, раскрывается в труде А. В. Васильева, в котором раскрыты основные вехи становления школы для казахских детей, описаны ее учебное положение, состав зачисленных казахских воспитанников по четырем выпускам школы. Особое внимание автором уделено статистическим данным посещаемости школы учениками из Западной, Средней и Восточной частей оренбургского ведомства, что позволило отразить динамику охвата образованием среди казахов в географическом и социальном плане [7, с. 12]. Определенное значение для службы в дистаночной системе управления имела казахская школа при Пограничной комиссия, учрежденная в 1850 г. Материалы по этой школе, представили А. Е. Алекторов [8] и Н. И. Ильминский [9, с. 4-26], которые подробно охарактеризовали состав преподавателей, выделили и проанализировали первых выпускников школы. Наряду с И. Алтынсариным, упоминаются выпускники, которые были назначены на должность письмоводителей к дистаночным начальникам, что позволяет сформировать общее представление о подготовке и использования казахской элиты в рамках имперской административной и образовательной политики.

И.Ф. Бларамберг в своем труде приводит ценные сведения, характеризующие как природно-географические особенности региона, так и его административное устройство и численность населения. Особое значение представляют данные о внутренней организации территории казахов оренбургского ведомства, поскольку они позволяют проследить специфику административно-территориального управления степью в середине XIX века. По сведениям автора, к середине 1840-х годов в составе оренбургского ведомства насчитывалось 54 дистанции из 75 предусмотренных административной системой. При этом точное число местных начальников не устанавливалось, поскольку их назначение и численность зависели от решения оренбургского военного губернатора. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что организация административного устройства в степи в рассматриваемый период еще не обладала окончательной устойчивостью и в ряде случаев определялась практическими потребностями управления, а также решениями региональной администрации.

Не менее важное значение имеют приведенные И. Ф. Бларамбергом статистические данные о численности казахского населения оренбургского ведомства на 1845 год. Согласно его данным, население подразделялось по трем частям следующим образом: в Восточной части – 18876 кибиток, 90897 душ обоего пола; Средней части – 17293 кибиток, 48747 душ; Западной части – 23084 кибиток, 42833 души. Общая численность составляла 59253 кибиток и 182477 душ обоего пола. Кроме того, автор приводит сведения о летних и зимних кочевьях казахских родов и отделений, расселившихся во всех трех частях оренбургского ведомства. Приведенные показатели позволяют получить представление как о масштабах расселения казахов, так и о его территориальном распределении в пределах оренбургского ведомства. Вместе с тем сам автор обращает внимание на относительность подобных статистических подсчетов.

Определение точной численности населения степи представляло значительные трудности даже при наличии усилий местной администрации по установлению порядка и контроля в степи. Одной из основных причин являлся кочевой образ жизни казахов. Постоянные перекочевки родов и отделений затрудняли проведение систематического учета и не позволяли обеспечить стабильность показателей. Дополнительным фактором, осложнявшим учет населения, И. Ф. Бларамберг называет поведение султанов-правителей, которые не всегда проявляли необходимую заинтересованность в проведении точных переписей. Существенную роль играло и стремление самих казахов скрыть часть населения во избежание платы кибиточного сбора. Наличие налогообложения создавало объективную заинтересованность в сокрытии реальной численности хозяйств и населения, что, в свою очередь, снижало достоверность официальных отчетов [10, с. 91–95].

В этом отношении сведения И. Ф. Бларамберга представляют значительный интерес для изучения административных и социально-экономических отношений в степном пространстве.

В целом, дореволюционная историография характерна тем, что в трудах, изданных в дореволюционный период, отсутствует критика колониальной политики империи, а реформы 20-30-х годов XIX века интерпретируются как цивилизаторская миссия, прогрессивные мероприятия, направленные на усмирение и интеграцию казахского кочевого населения.

На наш взгляд, приведенные сведения в рамках дореволюционной исторической традиции позволяют рассматривать статистические данные не только как количественный показатель, но и как важный источник для анализа специфики административной политики империи в степном регионе. Сопоставление числа дистанций, кибиток и населения показывает, что к рассматриваемому периоду имперская система управления имела определенную организационную структуру, но ее реализация на практике оставалась неполной. Постоянная мобильность населения, сохранение родоплеменной организации, зависимость местного управления от решений региональной администрации и сложности налогового учета существенно ограничивали возможности русской администрации по установлению тотального контроля в степи.

Таким образом, дореволюционная литература отражает не только фактические данные по административно-территориальному устройству степного региона, но и те проблемы, с которыми сталкивалась имперская администрация в процессе инкорпорирования кочевого пространства в систему имперского управления.

2. В советский период в казахстанской историографии произошел сдвиг. Историография проблемы приобрела иной характер, связанный с изменением методологии исследования. В советский период происходит поворот к осмыслению имперской политики, где центральным становится колониальный аспект. В данный период историография основывалась на марксистской идеологии, что привело к переосмыслению политики империи как формы колониального угнетения. С. Асфендияров сфокусировал внимание на

социальных и экономических последствиях реформ, связывая их с разрушением традиционных структур казахского социума и усилением колониальной эксплуатации.

Советская историография не выработала специального интереса к изучению данной проблемы, однако внесла важный вклад в ее изучение.

Среди работ следует выделить труд А. Ф. Рязанова «Оренбургский край. Исторический очерк», в котором приведено количество первых дистанций – 22, их дислокация, особое внимание уделено политике, проводимой оренбургским военным губернатором В. А. Перовским по колонизации казахской степи [14, с. 103–105].

В работе Е. Б. Бекмаханова «Казахстан в 20-40-е годы XIX века» институт дистаночного управления рассматривается в контексте колониальной политики Российской империи и как один из факторов, способствовавших нарушению устойчивости традиционных общественных отношений. Автор, основываясь на значительном корпусе архивных источников, обращает внимание на усиление административного влияния на казахское общество, а также на возрастание роли пограничных чиновников в системе управления степным регионом, хотя и не выделяет дистаночных начальников как особую категорию. Его интерпретация акцентирует внимание на эксплуатации и сопротивлении. Автор в своем труде акцентировал внимание на проблемах экономического, социального положения казахов, политической ситуации в Казахской степи и подчеркнул роль дистаночной системы в качестве реформы административного характера, внедренной в 1831 году, как один из проектов имперской политики. В исследовании автором указано количество дистанций к 50-м годам XIX века – 57, из них 32 – прилинейные и 25 – степные дистанции. По его мнению, дистаночная система не только ликвидировала независимость казахов в пограничных районах, но и установила постоянный политический контроль над кочевым населением. Это он определил, что «дистанционные начальники выполняли роль надсмотрщиков и агентов» русского правительства в степи. Е. Б. Бекманов в своем труде использовал термин «агент» по отношению к деятельности дистаночных и местных начальников. По сути, он видел в дистаночных и местных начальниках коммуникативные функции между русской администрацией и казахским населением [68, с. 132].

Кроме того, автор подробно описывает антиколониальное восстание Кенесары Касымова на основе анализа архивных документов и фольклорных материалов, он раскрыл не только эмоциональное восприятие событий современниками, но и общественные настроения, сложившиеся в условиях колониальной политики империи. Автор в своем труде приводит песни, сказания акынов и жырау, которые выступают важнейшими историческими свидетельствами эпохи, передающими народное мнение о восстании и личности Кенесары (поэма Нысамбая «Кенесары-Наурызбай», «Прощальная песня» Досхожи-акына, «Джасаул кыргыны», песни о батырах – «Саржан батыр», «Агыбай батыр» и др.). В данном труде автора упоминаются дистаночные начальники: начальник дистанции №34 – Бабакай Абилев, начальник 46-й

дистанции, зауряд-хорунжий Толеген Жанкабылов, в под ведомстве которого находились часть рода жаппас и часть рода аргын в под ведомстве родоначальника Чегена Мусина. Впоследствии, и эта часть рода аргын примкнула к восстанию и сам родоначальник их Чеген Мусин стал проявлять враждебный настрой по отношению к султану-правителю Ахмету Джантюрину. Это было связано с тем, что султан-правитель без его согласия дал разрешение на строительство укреплений на территории расселения рода аргын [68, с. 173–178].

В академических учебных изданиях, таких как «История Казахской ССР» (Т.3, 1979)» дистаночная система описывается преимущественно в институциональном ключе и, подчеркивая, что организация дистанций и старшинств ограничила, но не ликвидировала влияние прежних родовых начальников. Не во всех родах сохранилась власть родоправителей, однако в каждом отделении и подотделении были бии и старшины. Часть из них в ходе введения дистаночной системы получила официальные административные должности, а другая часть продолжала действовать в статусе неофициальных родовых лидеров. В данном издании количество дистанций в частях Оренбургского ведомства к середине XIX в. – 54 [69].

На наш взгляд, дистаночные и местные начальники были посредниками, акторами, коммуникаторами между русской администрацией и казахским населением. Казахское население, в частности, родовая знать вынуждена была адаптироваться к новым реалиям того периода в результате трансформации кочевой жизни практически во всех сферах в условиях проводимой имперской политики.

В советский историографии одним из наиболее значимых исследований, посвященных административным преобразованиям в Казахской степи, является труд С. З. Зиманова. В своей работе автор рассмотрел территориальное расселение казахских родов Младшего жуза в Восточной части казахов оренбургского ведомства. Кроме того, исследователь привел сведения о количестве хозяйств в Западной части ведомства, систематизировав их по дистанциям на примере дистанций с №1 по №5. При этом другие дистанции не были указаны автором, например, не были указаны дистанции с №6 по №57 [12, с. 202–209]. Кроме того, исследователь Зиманов С. З. привел сведения о расселении казахских родов во всех трех частях оренбургского ведомства и привел сведения о количестве кибиток в дистанциях, от 2000 до 2300 хозяйств, а в местности число хозяйств составляло от 200 до 400, хотя данные показатели не соответствуют сведениям архивных документов, в которых указывается, что количество кибиток, к примеру, в Западной части было от 1500 до 6000 кибиток [70, л. 1].

Если рассматривать изучение светского образования казахов в советской исторической литературе, то можно выделить книгу Тажибаева Т. «Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в.», в которой автор выделил пункты Положения о казахской школе, утвержденного 14 июня 1844 года. Указанный труд важен для данного исследования, так как в нем содержатся

сведения о детях дистаночных и местных начальников, которые обучались в этой школе [71, с. 445–447].

3. Постсоветский период характеризуется плюрализмом подходов и активизацией казахстанских историков в научные дискуссии. В казахстанской современной историографии смещается фокус исследования и в центре внимания оказывается не анализ законодательной базы, а практика их реализации на местах, т. е. взаимодействие русской администрации с родовой знатью, трансформация традиционной власти, роль и деятельность казахских чиновников.

Современную историографию следует разделить на следующие проблемно-тематические блоки:

1. *География власти* охватывает исследования по теории естественных границ, теории фронтира и регионального подхода, представленные в исследовании Г. Б. Избасаровой [72] и зарубежных авторов А. В. Ремнева [73], С. Горшениной [62], А. Киреева [74], А. Каппелера [75], И. В. Побережиикова [19], Р. Почекаева [20], К. Мацузато [42].

Г.Б. Избасарова в своей работе «Кочевая ментальная карта пространства...» подчеркивает, что проведение административных границ между сибирским и оренбургским ведомствами в 1822 – 1824 годах изменило пространственные представления номадов, ограничило их мобильность, способствуя их оседанию из-за сокращения пастбищ [72].

А. В. Ремнев в работе «Сибирь в имперской географии власти...» (2015) рассматривает взаимодействие центра и периферии через административные структуры и использование знаний для интеграции регионов. Основной тенденцией была постепенная унификация управления и переход от надзора за традиционными институтами к общероссийской бюрократической системе [73].

Исследование С. Горшениной «Теория естественных границ и завоевание Кульджи (1870-1871 гг.)» акцентирует внимание на понимании механизмов взаимодействия центра и региона. Теория естественных границ как основа легитимации имперской экспансии через поиск естественных границ (горы, реки, озера) явилась методом оправдания военного продвижения вглубь Азии. Автор подчеркивает, что через постепенное продвижение правительство стремилось к созданию безопасных рубежей [62].

А. Киреев в работе о типологизации границ анализирует границы как динамические структуры и приходит к выводу, что границы в Степи эволюционировали от оборонительных линий к административным рубежам [74].

Относительно теории фронтира А. Каппелер рассматривает Степь как зону контакта и взаимодействия разных этнических групп, где политика центра колебалась между сотрудничеством с местной элитой и необходимостью их жесткого контроля [75].

2. *Административная политика и региональное управление империи* представлены в исследованиях казахстанских историков Г. С. Султангалиевой

[76; 77], Г. Б. Избасаровой [78] и зарубежных исследователей Д. В. Васильева [18], В. А. Воропанова [79; 80], Ю. А. Лысенко [81], А. Каппелера и Р. Уортмана.

По проблеме административного устройства казахстанский исследователь Султангалиева Г. С. в своей статье, раскрывая сущность административной политики Российской империи на территории Казахской степи, акцентировала внимание на институте. По мнению исследователя мероприятия, проводимые русским правительством на территории кочевых народов — это результат поиска подходящего пути трансформации кочевых народов и их адаптации к новым имперским реалиям. На основе компаративного анализа автором выявлены особенности административной политики не только внутри Казахской степи: в Младшем, Среднем и Старшем жузе, но и проведены параллели среди других кочевых народов, таких как калмыки, башкиры и народы Северного Кавказа [76, с. 126–132].

Подробный анализ региональной политики империи, инструментов кооптации казахской элиты, должностей и жалованья казахских чиновников был представлен в исследовании Г. С. Султангалиевой «Казахские чиновники Российской империи в XIX веке: особенности восприятия» [77, с. 653–675].

Исследователь Избасарова Г. Б. посвятила ряд научных трудов проблеме административного устройства в степном регионе оренбургского ведомства в XIX веке. Избасарова Г. Б. в своей диссертационной работе, посвященной опыту Российской империи по управлению регионом, приходит к выводу, что политика империи характеризовалась гибкостью и поиском оптимальных путей инкорпорации региона. Административные реформы закрепили трехзвенное управление, (губернатор – султан-правитель – дистаночный начальник). Произошел переход от опоры на чингизидов к назначению на должности представителей «қара сүйек» и формированию лояльного чиновничества на основе личных заслуг и верности престолу. Автор восстанавливает поименный список султанов-правителей и некоторых дистаночных начальников, доказывая их роль как связующего звена между кочевниками и региональной властью [78].

В современной российской историографии по проблеме административного устройства интерес представляет исследование Васильева Д. В., раскрывающее особенности реформ 1824 г. и 1844 г., в управлении казахами оренбургского ведомства предполагает, что имперские власти в начале XIX в. искали наиболее приемлемые и подходящие модели управления кочевым народом. Разбирая суть реформ, автор привел сведения о некоторых функциях местных управленцев в лице султанов-правителей, дистаночных и местных начальников и добавил, что эти реформы заложили основу административной модели управления на территории оренбургского ведомства. Данная модель управления подразумевала учет местных традиций. Интерес представляет его гипотеза о том, что русское начальство в Казахской степи через поиск оптимальной модели было нацелено на превращение региона в единое целое с государственным организмом, с учетом особенностей местной внутренней и внешнеполитической обстановки [18, с. 40–45].

Заслуживают внимания работы Воропанова В. А., в которых автор раскрыл особенности нового административного устройства в 20-х годах XIX века. Автор подчеркнул, что «неравномерность пространства и населения обусловливалась влиянием этнической структуры» и обозначил начало введения дистаночной системы управления [79; 80].

В коллективной монографии «Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.)» приведен широкий круг проблем, связанных с имперской политикой в отношении казахского общества. В частности, рассматриваются процессы формирования системы местного управления, перехода кочевого населения к оседлости, землеустройства, трансформации института суда биев, а также правовое положение казахского населения в общеимперской структуре российского государства. Особого внимания заслуживает вопрос формирования двух различных административных моделей управления казахским населением, что отражало практику дифференцированного подхода к организации управления регионами. Несмотря на различия в принципах построения управленческих систем, введение соответствующих Уставов повлекло за собой изменение административно-правового положения как Младшего, так и Среднего жузов, закрепив за ними новый правовой статус в системе территориального устройства Азиатской России. При этом данные административные образования сохраняли ряд особенностей: упрощенную структуру управления с одновременным функционированием традиционных институтов власти, длительное преобладание военной администрации над гражданскими органами управления, а также мобильность внешних административных границ [81].

3. *Трансформация власти и институт дистаночного управления* на территории казахов оренбургского ведомства представлены в исследованиях Б. М. Абдрахмановой [16], Г. С. Султангалиевой и Ж. Дюсембек [82], Г. Б. Избасаровой [83], Г. К. Ерменбаевой [84], Р. А. Идрисова [85], Г. Н. Ксенжик [86], Ж. М. Тулибаевой [87].

В исследовании Абдрахмановой Б. М. рассматриваются значение и степень влияния административно-политических реформ, проводимых в Казахстане и их влияние на трансформацию казахского социума. Также Б. М. Абдрахманова рассматривает вопрос функционирования на территории Казахской степи правительственных органов царизма, начиная с 1820-х гг. [16].

Султангалиева Г. С., Дюсембек Ж. в статье приводят сведения о деятельности дистаночных и местных начальников, раскрывают значение дистаночной системы управления и роль дистаночных и местных начальников [82].

Избасарова Г. Б. приводит хронологию создания дистанций и местностей, а также их количество, 52 и 206 соответственно. Ею даны сведения о расположении дистанций в монографии по проблеме административного устройства казахской степи оренбургского ведомства в XIX веке. Однако автор допустила неточности по количеству дистанций по Западной, Восточной и

Средней частям. В Западной части указала количество дистанций 7 вместо 10, при этом в данной части не указаны дистанции №2-3, №6, а 9-я дистанция, отнесенная исследователем к Западной части, относится к Средней части, в Восточной части указано 20 дистанций вместо 28, в Средней - всего 6 дистанций вместо 19 [83].

Ерменбаева Г. К. отмечает, что дистаночная система является одним из элементов механизма действия российского самодержавия, совпавшая с периодом ослабления родовой системы в казахском обществе, ростом разобщенности среди родоуправителей, старшин и султанов, сыграла свою роль в процессе усиления колониальной зависимости казахского населения [84].

Идрисов Р. А. в своей работе приводит ряд сведений о дистаночной системе управления, в частности хронологию учреждения дистанций, их количество, сведения о жаловании начальников дистанций, разделенных на разряды [85].

Исследователь Ксенжик Г. Н. в монографии приводит число хозяйств в дистанциях, в среднем до 2000 хозяйств, однако такие сведения не соответствуют данным архивных документов. Кроме того, автор дала описание географической локации дистанций, но в работе указано неполное количество степных дистанций и не указаны дистаночные начальники в некоторых дистанциях [86].

В работе Тулибаевой Ж. М. даются фрагментарные описания о дистаночных начальниках в контексте взаимоотношений Степи с Бухарским ханством, не уделяя внимание таким вопросам как географические локации дистанций в частях казахов оренбургского ведомства [87].

4. *Социальная инженерия и формирование казахского чиновничества* включает труды Г.С. Султангалиевой [25], Т.Т. Далаевой [26], А.А. Айтмухамбетова [27].

Проблема образования казахов оренбургского ведомства рассмотрена в исследовании Султангалиевой Г.С., посвященное проблеме этнокультурных контактов в период XVIII-XX вв. Автор определила персоналии первых 30 зачисленных казахских учеников в школу при Пограничной комиссии [25].

Далаева Т. Т. в своей работе акцентирует внимание на деятельности органов власти и инициативе казахской общественности в вопросе становления и развития образования в школах в Степном крае в XIX - начале XX вв. 263].

Айтмухамбетов А.А. в своем исследовании дает описание казахским служащим, используя региональный подход. Кроме того исследователь акцентирует внимание именно на просветительской и общественной деятельности казахских служащих [27].

На сегодняшний день в казахстанской современной историографии изучение проблемы казахского чиновничества, административного управления на местах в Казахской степи рассмотрены в исследованиях Г. С. Султангалиевой [21], Т. Т. Далаевой [88; 89], С. К. Удербаевой [23], М. Е. Абдрахим [24].

Султангалиева Г. С. на основе архивных документов и материалов фокусирует внимание на проблеме формирования чиновничьего аппарата и деятельности казахских чиновников в период XIX – XX вв. [21].

Далаева Т. Т. в статье, посвященной механизмам получения военного чина казахами Западно-Сибирского ведомства в XIX веке, рассмотрела использование наград как знак статуса и постепенное изменение оснований для их получения: от поощрения и пожалования за услугу до награждения за усердную службу [88].

По проблеме казахского чиновничества следует отметить научные исследования Т. Т. Далаевой. В трудах автора рассмотрены деятельность волостных управителей по легитимации местной власти и эволюция социокультурной идентичности казахских чиновников [89].

Научные исследования историка Удербаевой С.К. посвящены проблеме формирования казахского чиновничества в Семиреченской области и Туркестанском крае, а также формирования волостного института в Семиреченской области [23].

Абдрахим М. Е. в своей диссертационной работе раскрыл значения терминов «чиновничество», «служащий», «бюрократия» в контексте исторического измерения социальной действительности казахского общества, также раскрыл суть вопроса о создании должностей для представителей казахского населения в контексте создания имперских административных структур и их функционирования [24].

По проблеме инкорпорирования казахов на службу империи, вхождения казахских султанов в привилегированное сословие дворянства Российской империи интересной представляется работа Султангалиевой Г.С., Тулешовой У., посвященная процессу вхождения султанов в состав российского чиновничества, в которой заключили, что последовавшие трансформации кочевого общества после внедрения реформ в первой половине XIX в. на территории Младшего и Среднего жузов способствовали ликвидации ханской власти и возникновению нового сословия, как дворянство (потомственное и личное). Местные управленцы - султаны-правители и ага-султаны в Младшем и Среднем жузах приведены как влиятельная страта в проведении имперской политики и «единственные носители власти в кочевом обществе». Авторы выделили династию Баймухаммедовых в качестве примера вхождения султанов в высшее привилегированное сословие Российской империи – дворянство. Очевидно, что такое вовлечение казахских султанов, биев и старшин было в интересах русских властей, поскольку только такой подход позволял влиять и воздействовать на кочевое население и держать под контролем казахских чиновников. Как отмечает историк Султангалиева Г.С., пример семьи Баймухамедовых не являлся гарантом пользования всеми привилегиями дворянства, «они не имели помещичьих имений, не освобождались от налогов и т.д.» [90].

Таким образом, имперское правительство обретало социальную опору в лице родовой знати, что создавало условия для взаимовыгодного сотрудничества. Кочевая элита была заинтересована в сохранении своих властных полномочий и привилегированного статуса внутри казахского

общества. было выгодно обеим сторонам, то есть кочевая знать была заинтересована в сохранении своей власти и привилегий среди казахского народа. Данный подход играет важную роль в историографии, поскольку позволяет преодолеть тривиальное представление об имперской экспансии как колонизаторского проекта и перейти к анализу сложного процесса переговоров, компромиссов и пониманию механизмов взаимодействия, в ходе которого формировались гибридные модели управления, сочетающие элементы традиционной власти и бюрократической вертикали.

5. *Проблема коллаборации и посредничества*.

Качественный сдвиг в историографии связан с постсоветским периодом и изучением проблемы в контексте новой имперской истории и смежных направлений. В этом отношении особое значение имеет работа Вирджинии Мартин. Автор, опираясь на судебные дела и административную переписку, подчеркивает, что «имперская власть в степи зависела от переговоров с представителями местной власти, нежели чем их замена». Эта позиция принципиально важна для исследования, поскольку позволяет рассматривать местных начальников как агентов такого «переговорного» управления. Ее тезис о правовом плюрализме задает теоретические рамки, в которых институт дистанций перестает быть лишь административной структурой и предстает как пространство взаимодействия различных нормативных систем [91].

В зарубежной западной историографии имеется ряд научных работ, которые так или иначе косвенно интерпретируют данное направление в контексте имперской политики в регионах. Так, следует выделить материалы статей международной конференции под редакцией Томохико Уямы, в котором Азиатская Россия отражается как пространство «асимметричного взаимодействия», где власть империи сталкивалась с недостатком адекватной информации и ресурсов для управления разнообразными поданными. В степных регионах это приводило к ситуации, когда местные управленцы использовали гибкие стратегии для манипулирования правилами, установленными центром, что зачастую ограничивало реальный контроль администрации [92].

Относительно политики империи можно выделить исследование Дж. Бурбанк и Ф. Купер, в котором империя определяется через «политику различия», которая подразумевает собой управление многообразным населением без стремления к полному единому управлению, при этом «народы внутри империи управляются по-разному». В данном контексте степной регион рассматривается не как объект ассимиляции, а как пространство, где империя поддерживает иерархию и различия, инкорпорируя новые группы населения. Важной стратегией было использование «имперских посредников» в лице местных элит, которые за счет своего влияния в обществе поддерживали порядок, сбор налогов при минимальных затратах для центра [93].

А. Каппелер в своем труде подчеркивает, что анализ управления периферийами показывает, что имперская администрация часто использовала «разделение труда между центром и регионами», оставляя локальные дела в ведении местных структур, но жестко пресекая любые политические движения.

В современной научной литературе «региональный подход» становится важным инструментом деконструкции имперской политики, что дает возможность проследить «множественность пространств», в которых жили разные подданные в периферии, и сложность их «множественной идентичности и лояльности» [94].

Н. Пианчиола и П. Сартори раскрывают гибкость имперских практик управления в Центральной Азии. Авторы указывают, что имперское управление не было монолитным и постоянно адаптировалось через взаимодействие с местными правовыми и социальными структурами [95].

Р. Уортман в труде «Сценарий власти» анализирует роль церемоний в символической репрезентации власти империи. Автор доказывает, что участие казахских депутаций в церемониях в Петербурге использовалось для внушения лояльности через демонстрацию величия империи и личное признание заслуг казахских чиновников императором для интеграции казахской элиты в «сценарий власти». По мнению автора символическая власть была не менее важна, чем административная [96].

На наш взгляд, фундаментальным трудом в западной историографии относительно казахских посредников-коммуникаторов является исследование Яна Кэмпбелла, который рассматривает процесс взаимодействия центра и степи через производство знаний и роли местных посредников. Основной вывод автора заключается в том, что существовала не просто вертикаль власти, а был сложный механизм взаимодействия, при котором русская администрация зависела от информации, предоставляемой кочевой элитой. Казахские посредники выступали не только проводниками, но и акторами имперской власти в степи [65, с. 8–15].

Современные исследования чаще базируются на междисциплинарности, включая постколониальные исследования и правовую антропологию. Применение междисциплинарных подходов, в том числе постколониальные исследования, дают возможность проанализировать по-новому источниковую базу. Исследователи анализируют не только нормативные акты и положения, но и архивные документы и материалы (переписка чиновников, предписания, распоряжения, отчеты Пограничной комиссии и др.). Такой подход подразумевает выявление недостатков между правовой моделью и повседневной практикой управления.

Таким образом, анализ историографии по проблеме формирования института дистаночных и местных начальников показал, что отечественные и зарубежные исследователи в последние десятилетия сделали значительный прорыв в историографии, поставив на первый план вопросы инкорпорирования и значения местной кочевой знати в контексте реализации имперской политики. Применительно к Российской империи исследователи важным считали изучение нерусских регионов империи, осознание и восприятие политики империи на локальном уровне, т. е. восприятие местными жителями. Взаимоотношение центра с регионами, окраинами подразумевало собой

контакты центральных и местных управленцев, позиции которых зачастую не совпадали.

На наш взгляд, в казахстанской историографии встречается ряд нерешенных вопросов в исследовании данной проблемы, выражающиеся во фрагментарных, неточных описаниях дистанций, местностей и их географических траекторий, что, в свою очередь, актуализируют данную исследовательскую работу.

Можно сделать вывод, что все названные работы фрагментарно и косвенно отражают суть дистаночной системы управления. В связи с этим, можно полагать, что на сегодняшний день в исторической науке нет систематизированного комплексного исследования по данной проблеме. Данная проблема является актуальной для современной исторической науки, что требует фундаментального исследования с использованием комплексного подхода в изучении, метода системного анализа.

Историография проблемы демонстрирует постепенный переход от описания института дистанций как элемента административной системы к его интерпретации как сложного социального и политического феномена. Для данного исследования важно, что современные исследования, опираясь на конкретные архивные материалы и теоретические разработки, позволяют рассматривать дистаночных и местных начальников как участников многоуровневого процесса взаимодействия, в котором имперская власть не только реализуется, но и трансформируется. Именно в этом направлении, на наш взгляд, и следует развивать дальнейшее изучение данной проблемы, опираясь на уже накопленный корпус работ и источников.

В целом, историография имперской политики в степи представляет собой своего рода площадку между разными исследовательскими направлениями. Для современного исследователя важен не только анализ нормативной базы реформ, но и методы их интерпретации в научной литературе, так как в них отражается эволюция представлений о колониализме, власти и локальной агентности. Следует подчеркнуть, что проблема изучения чиновничества, местного управления в Казахской степи, института дистаночного управления, траектория дистанций и маршруты кочевий казахов является малоизученным объектом исследования.

1.3 Источниковедческий анализ проблемы

Источниковедческий анализ по данной проблеме основывается на широком круге письменных источников, которые следует разделить на следующие группы:

1. Законодательные акты Российской империи первой половины XIX века. Отправной точкой для изучения административной политики имперской власти является положение «Утвержденное мнение Комитета Азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» от 1824 года, разработанное оренбургским генерал-губернатором Оренбургского края П. К.

Эссеном, которое заложило основу будущего административного переустройства степи. В отличие от Устава о сибирских киргизах, в котором основное внимание уделено организации окружной системы управления, административная модель в оренбургском ведомстве предусматривала иные принципы территориального устройства. В частности, территория расселения казахского населения была разделена на три части - Западную, Среднюю и Восточную, с определением территориальных участков кочевания казахских родов в пределах каждого из них. Важной особенностью данной модели стало учреждение института султанов-правителей, наделенных административными полномочиями. Нормативно-правовое оформление этих преобразований было закреплено в Положении об управлении оренбургскими казахами от 1844 года, а также в Положении о школе для казахских детей, учрежденной при Пограничной комиссии. Оба документа были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ) [97, с. 392–403]. В данных законодательных документах изложены порядок управления, состав управления, порядок определения и увольнения чинов, должностные обязанности и ответственности султанов-правителей, дистаночных и местных начальников. Однако не представлены сведения о географической траектории дистанций, местностей, не указаны типы дистанций и какие именно дистанции относились к прилинейным или степным.

2. Важную группу источников составляют архивные источники - делопроизводственные материалы Оренбургской пограничной комиссии, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива РК (г. Алматы, Республика Казахстан), Объединенного государственного архива Оренбургской области (г. Оренбург, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва, Российская Федерация), Архива внешней политики Российской империи (г. Москва, Российская Федерация), а также Центрального государственного исторического архива Грузии (г. Тбилиси, Грузия). В состав изученных источников входят отчетная документация, служебная переписка и распоряжения, позволяющие проследить особенности практической реализации управленческих механизмов, порядок назначения должностных лиц, а также характер их взаимодействия с местным населением. Они содержат сведения о практике управления, назначения должностных лиц и их взаимодействия с местным населением. Особенно ценными явились такие документы, как рапорта, приказы, донесения, прошения, докладные записки, преставления, распоряжения, уведомления, заключения Пограничной комиссии из архивных фондов ЦГА РК. Основой для изучения данной проблемы послужили материалы фонда № 4 (Областное правление Оренбургскими киргизами, 1794–1868 гг.) ЦГА РК; фонда № 6 (Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора, 1796–1881 гг.) ОГАОО; фонда № 231 (Заметки П.П. Сухтелена о Хиве, Средней Азии, Оренбургском крае, 1804-1833 гг.) РГВИА; фонда № 1116 (Оренбургский генерал-губернатор, 1851–1891 гг.) ЦГИА Грузии, где представлен материал по созданию дистанции на Мангышлаке.

Корпус источников, включающий служебную переписку канцелярии Пограничной комиссии, распорядительные акты (приказы, указы, инструкции, распоряжения, предписания), а также справочно-информационные материалы (отчеты, докладные записки, рапорты, донесения) и протокольную документацию (журналы заседаний, протоколы) позволяют реконструировать «диалог центральной и местной власти» по вопросам административных преобразований. Данные документы обладают значительным информационным потенциалом, так как содержат ценные материалы об эффективности функционирования властных структур в регионе, отражая реальное состояние управления и специфику взаимодействия имперской администрации с традиционными институтами власти в степи.

Третья группа источников включает официальные справочные и статистические материалы - адрес-календари, справочные и памятные книжки, путеводители-справочники Оренбургской области, Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества и адрес-календари должностных лиц, которые были на службе империи – это официальное ежегодное издание в Российской империи с 1765 г. по 1916 г. с указанием должностных лиц и их чинов. К примеру, в адрес-календаре за 1836 год имеются сведения о 22 дистаночных начальниках с указанием назначения их в дистанциях, а именно при Нижнеуральской линии расположены дистанции №№1-8, при Новоилецкой, Бердянской и Куралинской линиях - дистанции №№9-10, при Верхнеуральской линии - дистанции №№11-22 [98].

В адрес-календаре за 1868 год приведены сведения о заседающих от казахского народа – выпускники школы для казахских детей при ОПК, а также персоналии султанов-правителей: в Восточной части Области – подполковник султан Мухамед Джантюрин, помощник его – подполковник султан Сулейман Джигангиров; в Средней части Области – полковник султан Мухамеджан Баймухамедов (исправляющий должность), помощник его – зауряд-сотник Баядиль Кийкин; в Западной части – состоящий при Армейской кавалерии ротмистр, султан Альмухамед Сейдалин 1-й, помощник его – зауряд-сотник султан Мухамед-Галий Юсупов. Вместе с тем в данном издании указаны прилинейные дистанции, смежные с Оренбургской губернией. В Западной части - обе половины 8-й дистанции, в Средней части - №9, №№11-18, №23, №№25-56; в Восточной части - №19, №№20-21, №№26-27 [99, с. 50; 53].

Четвертую группу составляют материалы периодической печати, в частности издание №28 «Тургайской газеты» за 1898 год. Особый интерес представляет статья председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса «К истории административного устройства у киргизов». Данный источник содержит сведения о территориальном расположении первых прилинейных 22 дистанций, а также информацию о лицах, занимавших должности дистаночных начальников. Кроме того, в данной статье были изложены инструкции для дистаночных и местных начальников. Однако нет сведений относительно степных дистанций [1].

К пятой группе относятся материалы устного народного творчества. Колониальная политика Российской империи в XIX веке по освоению степного пространства стала главной темой акынов и жырау эпохи «Зар-заман» Махамбета Утемисулы (1803-1846) «Что толку?», «Обращение к султану Баймагамбету»; Шернияза Жарылгасулы (1807-1867) «Обращение к хану Баймагамбету», «Сказание о Бекете», Шортанбая Канайулы (1818-1881) «Обманная жизнь», «Бай проклят Богом», «Бала зары»; Мурата Монкеулы (1843-1906) «Три эпохи» и др., труды которых сформировали основу казахского фольклора нового времени, а именно эпохи «Зар заман». Лейтмотив произведений указанных авторов связан с критическим осмыслением колониальной политики империи в Казахской степи. Авторы обращают внимание на ухудшение социально-экономического положения казахского народа, обусловленное изъятием обширных плодородных земель и произволом чиновников, а также на рост социальной напряженности в степи, связанного с активной колониальной политикой империи.

Особое внимание авторы уделяют представителям казахской родовой знати, сотрудничавшим с имперской властью. В осмыслении данного явления такая часть кочевой знати получает отрицательную характеристику и представляется как некая социальная группа, действовавшая в ущерб интересам казахского народа. Через образы таких персонажей раскрываются мотивы предательства, корыстного сотрудничества с колониальной администрацией и отхода от общественных интересов.

Поэтическое наследие представителей эпохи «Зар-заман» дает возможность понять ментальность казахского народа, миропонимание, общественное сознание и восприятие сложившейся социально-политической ситуации в степи, приведшей не только к ликвидации степного института власти, но и ограничению веками устоявшегося кочевого образа жизни и быта казахов. По оценке исследователей, именно устные источники казахского народа, сохранившиеся до наших дней, являются наиболее достоверными источниками, поскольку отражают дух и настроение той эпохи [100].

Между тем, следует выделить среди собранных и переведенных «образцов казахской поэзии» произведение «Песня о Кенесары», изданное в Оренбурге в 1872 году казахскими интеллектуалами - член-сотрудником ИРГО, султаном Т.А. Сейдалиным и действительным членом, султаном С.А. Джантюриным [101, с. 313-419].

Сомнения в пользе казахской элиты, получившей образование в русских учебных заведениях, и их критика нашла отражение и в литературе в начале XX века. Особое место в изучении взаимоотношений между кочевым народом, кочевой знатью и русским правительством занимают фольклорно-поэтические источники, которые позволяют выявить восприятие новых политических и экономических реалий представителями казахского общества. В данном отношении интерес представляет произведение народного поэта Ж. Жабаева «Песня об Орымборе», которое представляет собой важный источник для изучения общественного настроения о характере колониальной политики

империи в казахской степи. Автор раскрывает представления, связанные с политическим давлением, экономическим разорением и противоречивыми отношениями между российской властью и традиционной казахской знатью [32].

В целом, фольклорно-поэтические источники отражают коллективную память и эмоциональное восприятие социальных трансформаций, происходивших в казахском обществе в рассматриваемый период. Основной функцией такого рода произведений является художественное осмысление исторического опыта и передача коллективных представлений из поколения в поколение. Вместе с тем устное народное творчество представляет существенную ценность для реконструкции не только исторических процессов, но и интерпретаций восприятия происходивших социально экономических и политических процессов в казахском обществе.

Шестую группу источников составляют опубликованные сборники документов и материалов. В их числе следует выделить издание «Материалы по истории политического строя Казахстана» (1960) [33, с.214-215], в котором содержится выписка из записки Областного правления оренбургскими казахами, посвященной вопросам определения функций и должностных обязанностей начальников дистанций и местностей. Более того, в сборнике представлены проекты нового положения об управлении казахами, представляющие интерес для изучения процесса совершенствования административной системы управления Казахской степью.

Отдельного внимания заслуживает сборник документов и материалов «Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв.» (1964) [34, с.256], в котором опубликована инструкция Оренбургской пограничной комиссии, адресованная местным старшинам Оренбургской линии и регламентирующая порядок управления в степи. Данные материалы представляют интерес для изучения механизмов регулирования общественных отношений в степном пространстве, а также определения полномочий местных представителей имперской власти.

В постсоветский период были изданы ряд сборников, посвященных административной политике Российской империи в Казахской степи. Среди них следует отметить сборник документов «Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова» (1996). В данном сборнике раскрываются взаимоотношения дистаночных начальников с Кенесары Касымовым, а также противоречия и раскол внутри кочевого общества в XIX веке. [35].

В сборнике документов «Национально-освободительное движение казахского народа в конце XVIII – начале XX вв.» (2019) приведены сведения о борьбе казахского народа против колониального угнетения и попытки сохранения государственной независимости. [36].

Важное место среди опубликованных источников занимает сборник документов «Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане» (1999), в котором представлены законодательные акты, определявшие правовые основы и практические механизмы организации местного административного управления в степи. Сборник содержит

нормативно-правовые документы, которые позволяют проследить эволюцию законодательных основ имперской политики, а также выявить изменения в моделях управления казахским населением до конца 60-х годов XIX века [37, с. 69].

В сборнике «История Казахстана в документах и материалах» содержится документ «Краткое обозрение управления Оренбургскими казахами» 1844 г. Г.Ф. Генса, где указывается количество дистанций. При этом представлено только 52 дистанции из существовавших 57. В данном сборнике документов и материалов приведены хронология создания дистанций, их количество по периодам, частично излагается, какие рода проживали в дистанциях [38, с. 87].

Важным подспорьем в изучении данной проблемы является издание сборника документов «О почетнейших и влиятельнейших ордынцах», включенного в серию «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков». Данный сборник материалов содержит ценные сведения о дистаночных и местных начальниках, в частности, приведены формулярные списки, служебные письма султанов-правителей о должностных лицах, позволяющие раскрыть место службы, степень их вовлеченности в систему управления. Корпус документов в сборнике представляет важный источник для анализа политики центра и для изучения социальной и служебной мобильности кочевой элиты в пределах оренбургского ведомства. К примеру, начальник 9-й дистанции Тауке Айшуаков в Средней части, прослуживший до преклонного возраста, начальник 53-й дистанции Сулейман Джигангиров в Восточной части, благодаря усердной и отличной службе продвигался по служебной лестнице [39, с. 6-9].

Значительный вклад в изучение проблемы формирования казахского чиновничества внес сборник документов и материалов «Казахские чиновники на службе Российской империи». В сборнике представлены документы и материалы, раскрывающие механизмы инкорпорации казахов на службу в органы пограничного и местного управления, награждения представителей казахского чиновничества чинами, медалями и орденами.

Таким образом, архивные источники и исторические документы, использованные в данном исследовании, позволяют проанализировать формирование и ход развития института дистаночных и местных начальников как промежуточного звена между кочевым населением, местной знатью и региональной администрацией, выполнявшие посреднические, медиаторские функции, реконструировать структуру дистаночного управления, проследить географию размещения дистанций и местностей и выявить персональный состав местной администрации. Выявление персоналий дистаночных и местных начальников представляют особую важность для изучения кадровой политики империи, механизмов взаимодействия региональной администрации с местной элитой, а также степени вовлеченности представителей казахской знати в систему колониального управления [40].

2 ДИСТАНОЧНАЯ СИСТЕМА КАК ИНСТРУМЕНТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В СТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1831-1868)

2.1 Дискуссии региональных российских чиновников и Центра о введении дистаночной системы управления

Позиция и взгляды русской власти на введение дистаночной системы. Административно-территориальные реформы 20-х годов XIX в. в Казахской степи, инициированные Российской империей, имели своей стратегической целью не только формальное обозначение внешних границ, но и внутреннюю реорганизацию территориального пространства казахов-кочевников для его эффективной колонизации и интеграции. Ключевым элементом данной политики стало введение дистаночной системы управления, представлявшей собой низовое административное звено, непосредственно контактирующее с кочевым населением в 30-х годах XIX века.

Предпосылки и целеполагание внедрения новой системы были многокомпонентные. Во-первых, существовала насущная учетная потребность, так как отсутствие точных данных о количестве хозяйств/кибиток, численности населения и поголовья скота делало неэффективным сбор кибиточной подати и планирование ресурсов. Во-вторых, выявилась управленческая несостоятельность института султанов-правителей, которые в условиях огромных территорий не могли осуществлять действенный ежедневный контроль. В-третьих, требовался специальный аппарат для регулирования приграничных конфликтов между казахским населением и казаками, а также для пресечения набегов на торговые караваны. Наконец, система дистанций решала военно-стратегическую задачу по созданию опорной сети контроля для дальнейшего продвижения империи вглубь степи и к границам среднеазиатских ханств. Региональные власти понимали, что только представители родовой знати, зная кочевой быт и места дислокации каждых родов, могут осуществлять основную функцию - сбор кибиточной подати с казахского населения. Формирование дистаночной системы носило поэтапный и адаптивный характер, развиваясь параллельно с укреплением пограничных линий.

Недостатки реформы 1824 года привели к разработке нового проекта введения административно-территориального устройства под руководством оренбургского военного губернатора П.П. Сухтелена (1830-1833 гг.), который 5 июля 1830 г. инициировал проект о разделении земель, прилегавших к пограничной территории на дистанции. Под дистанциями подразумевались новые административно-территориальные участки между крепостями, расположенные вдоль укрепленной линии [102].

Данное мероприятие, санкционированное оренбургским военным губернатором П.П. Сухтеленом в июле 1830 года, преследовала цель прекратить бесконтрольность и создать постоянную административную опору на локальном уровне. Для урегулирования пользования территорией, прилегавшей к

Оренбургской линии, он приказал Пограничной комиссии разделить все пространство от Гурьева до Звериноголовской крепости на 22 дистанции, и против каждой крепости и отряда по линии назначить местного старшину или почетного казаха для соблюдения порядка и контроля соплеменниками. Деятельность местных старшин должна была быть под контролем начальников дистанций, которые, в свою очередь, подчинялись султанам-правителям [13, с.103]. В ноябре 1830 года председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс (1825-1844 гг.) распорядился разделить территорию вдоль Нижне-Уральской линии на участки (дистанции). Такие преобразования были вызваны беспорядками между казахами, кочевавшими около линии, которые происходили из-за отсутствия надзора и контроля начальников [34].

Впоследствии председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс разработал инструкцию для дистаночных и местных начальников, которая была утверждена П.П. Сухтеленом 20 ноября 1831 года.

В 1831 г. для большего порядка между казахами, «для скорейшего доставления сведений обо всем случающемся в степи и для поспешнейшего исполнения предписаний начальства, в особенности по претензиям прилинейных казахов и линейных жителей, учреждены бывшим оренбургским военным губернатором генерал-адъютантом графом П.П. Сухтеленом по всему пространству степи, прилегающему к линии от Звериноголовской крепости до Каспийского моря, дистаночные и местные начальники из казахских султанов и старшин избираемые». Дистаночным начальникам поставлено в обязанность надзор за поведением казахов, кочующих при линии, и каждому по их ведомству назначена дистанция от одной крепости до другой (называемых по новому положению об Оренбургском казачьем войске станицами, за исключением нескольких главных крепостей). Местные же начальники определены против каждого отряда или форпоста [103, с.86].

Еще одним правовым административным нововведением было Положение об управлении оренбургскими казахами 1844 года, которое закрепило порядок формирования местной административной структуры в степи. «Положение об управлении оренбургскими киргизами», введенное 14 июня 1844 года, стало одним из ключевых нормативных актов, закрепивших институциональные основы функционирования дистаночного и местного управления в степи. Его значение состоит в том, что оно не только регламентировало порядок формирования соответствующих должностей, но и впервые достаточно четко обозначило их место в общей системе административного управления, сочетавшей элементы имперского надзора и сохранения посреднической роли казахской знати. В связи с этим, указанное Положение следует рассматривать как важный этап в правовом оформлении статуса дистаночных и местных начальников, поскольку именно оно придало их полномочиям нормативно закрепленный характер и включило их в устойчивую административную иерархию.

Принципиально важным нововведением стало то, что назначение дистаночных и местных начальников было возложено на султанов-правителей с

последующим утверждением Пограничной комиссией. Данное обстоятельство свидетельствовало о двойственной природе их статуса: с одной стороны, они сохраняли связь с традиционной казахской элитой и оставались в сфере ее влияния, с другой стороны, их должностное положение приобретало официальный характер лишь после санкции имперского административного органа. Тем самым Положение 1844 года институционализировало механизм согласования интересов местной знати и российской администрации, что позволяло имперской власти контролировать кадровый состав степного управления, не устраняя полностью участие кочевой знати в его формировании.

Немаловажное значение имело и нормативное определение численного состава начальников дистанций, который был установлен в количестве 75 человек. Указанная мера свидетельствует о стремлении администрации к упорядочению и унификации локального управления, поскольку ограничение и фиксация численности должностных лиц делали систему более подотчетной и управляемой. В данном случае правовое положение выступало не только как средство организационного урегулирования, но и как инструмент закрепления самой административной модели, в рамках которой дистаночные начальники становились необходимым звеном между центральной властью и степным населением. Следовательно, Положение 1844 года не просто санкционировало существование данной категории должностных лиц, но и придало ей устойчивые институциональные перспективы.

Существенным элементом правового статуса дистаночных и местных начальников являлось и определение источников их содержания. Установление жалования из казны при одновременном закреплении содержания за счет «пожертвований» подвластного населения создавало особую систему материальной зависимости, при которой данные должностные лица оказывались включенными одновременно в имперскую административную вертикаль и в систему местных социальных отношений. Это обстоятельство имело двоякое значение. С одной стороны, государственное жалование подчеркивало официальный характер их службы и подтверждало их принадлежность к административному аппарату, с другой стороны, зависимость от местного общества сохраняла их связь с традиционной средой и обусловливала необходимость учитывать интересы подвластного населения. Тем самым Положение об оренбургских казахах от 14 июня 1844 года закрепляло не только их служебный статус, но и специфическую форму посреднического положения между империей и степью. Более того, данное Положение способствовало укреплению позиций дистаночных и местных начальников за счет их нормативного включения в систему управления, формального определения численного состава, порядка назначения и источников материального содержания. Оно обеспечивало сохранение локального управления в руках казахской знати, одновременно подчиняя его имперскому контролю. Именно в этом проявляется его историко-правовое значение: документ не разрушал традиционные формы власти, а трансформировал их, придавая им административно-правовую форму и включая в структуру имперского

управления. В результате дистаночные и местные начальники утвердились как особая категория степных администраторов, чье положение основывалось на сочетании местной легитимности и официального признания со стороны центральной администрации.

Таким образом, Положение об управлении оренбургскими казахами от 14 июня 1844 года закрепило правовой статус начальников дистанций и местностей не только как уполномоченных лиц, выполнявших управленческие функции на местах, но и как института, обеспечивавшего преемственность традиционной власти в условиях ее интеграции в имперскую систему административного управления. Именно это сочетание правовой регламентации, кадрового утверждения, материального обеспечения и сохранения посреднической роли казахской знати позволяет рассматривать данный акт как важнейший этап в эволюции административного устройства Казахской степи [33, с. 226–253].

Пятнадцатилетний опыт дистаночного управления показал для русской администрации, что нужно вводить новые коррективы в системе управления. Так, председатель Оренбургской пограничной комиссии М.В. Ладыженский (1844-1854) в своем рапорте от 23 января 1847 года управлявшему Министерством иностранных дел Л.Г. Сенявину писал, что «поздно создавать дистанции по родовому праву, то есть, нет уже родоначальников, считавшихся природными потомственными родоправителями» По его мнению, сейчас казахи предпочитают родовому праву начальников умных или богатых, которые были бы необходимы для них. Если ранее Пограничная комиссия поддерживала между казахами линию потомственных начальников как уступка народному желанию: «не вводить у них русского управления, а предоставить им ведаться своими властями», то данное обстоятельство, по его мнению, являлось злом, то есть с поддержанием потомственных родоначальников поддерживается дух партий, в которых заложен источник междоусобиц и дестабилизации ситуации в степи. Смещение нынешних всех дистаночных начальников и замена их потомственными начальниками повлекло бы за собой дестабилизацию в степи. Между тем, Пограничная комиссия назначала начальниками казахов «благонадежных, умных и благонамеренных во всех отношениях», опираясь на отзывы и рекомендации султанов-правителей. Таким образом, уполномоченные лица утверждались на должности с разрешения центральной администрации по отзывам местного начальства.

В 1851 году управляющий министерством иностранных дел Л. Г. Сенявин в письме, адресованном оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В. А. Перовскому, изложил замечания и предложил дополнения и изменения к проекту «Положения об управлении оренбургскими киргизами» от 14 июня 1844 года. Позиция Л. Г. Сенявина отражала стремление имперской администрации не в отдалении казахского народа, а в укреплении лояльности казахов к русскому правительству. По мнению автора, упрощение системы управления кочевым населением предполагало ее адаптацию к особенностям кочевого образа жизни, бытовым условиям и устоям казахского социума. В этой связи особое значение придавалось сокращению излишних формальностей и документооборота,

которые не соответствовали традиционному укладу кочевого населения, что приводило в затруднительное положение местное начальство. Более того, автор также обращает внимание на необходимость ограничения вмешательства русского правительства во внутренние дела кочевого населения. Предполагалось отказаться от распространения на казахскую степь общепринятых государственных порядков управления, предоставив местному населению возможность самостоятельно регулировать общественные отношения на основе традиционных казахских обычаев и осуществлять управление через собственные органы власти. Роль имперского правительства при этом сводилась к надзору за ситуацией в степи, пресечению возможных злоупотреблений и нарушений общественного порядка, а также обеспечению повиновения местного населения. При разработке проектов положений из многолетнего опыта учитывались особенности казахского народа, кочевой образ жизни, нрав, уклад, быт казахов, дабы предотвратить отвращение непокорного народа от русского правительства.

В числе представленных замечаний Л. Г. Сенявиным было предложено предложил заменить искусственное деление дистанций на естественное разделение по родовому принципу и назначать начальников по происхождению или по авторитету, приобретенному в Орде, то есть естественных (природных) начальников. Данный подход исходил из предположения, что опора на институт потомственных начальников обеспечила бы большую управляемость, поскольку такие начальники пользовались доверием и влиянием в степи, способны были поддерживать внутренний порядок без постоянного вмешательства русской администрации. Польза от потомственных начальников выражалась в том, что такие начальники знали бы подчиненных им казахов своего рода и отделения, сами казахи проявляли бы уважение и повиновение к начальнику, и тем самым, управление Ордой было бы легче и проще. С другой стороны, председатель Оренбургской пограничной комиссии М. В. Ладыженский выступал против восстановления и усиления родового принципа управления. Он отмечал, что создание дистанций по родовому принципу являлось запоздалой мерой, так как родоначальники утратили свое прежнее влияние и авторитет. По его мнению, в новых реалиях кочевое общество больше ориентировалось уже не на происхождение, а на личные качества начальника. Сохранение традиционных форм социальной организации рассматривалось им как фактор, препятствовавший укреплению административного порядка в степи [45].

В указанных документах прослеживается очевидное противоречие в подходах к организации управления казахской степью в 1840-1850-х годах, которое раскрывает отсутствие единой административной стратегии Российской империи в отношении казахского кочевого населения.

Противоречие заключается в оценке значения родовой структуры в системе управления. Если М. В. Ладыженский считал его как деструктивный элемент, подрывавший стабильность в степи, то Л. Г. Сенявин рассматривал родовой принцип как способ имперской власти к специфике кочевого социума и инструмент постепенной интеграции степи в политико-административное пространство империи. Такое противоречие отражает дискурс внутри русской

администрации: выбор между унификацией управления по общеимперскому образцу (централизацией власти) и сохранением традиционных форм социальной организации (управление через местные элиты) как промежуточного этапа интеграции. В этом контексте позиции М. В. Ладыженского и Л. Г. Сенявина демонстрируют две противоречащие модели имперской политики – бюрократическую и патерналистскую [33, с. 226-253; 81].

Отсюда возникал вопрос оставить управление казахами оренбургского ведомства через принятую систему дистаночных и местных начальников или заменить их родоправителями, управлявшими родами, которые соответствовали бы дистаночным начальникам, и управителями (начальниками) отделений, которые соответствовали бы местным начальникам. Избирались и утверждались бы они русским правительством. «В каждом роде, племени, отделении были старейшины, которые вызывали уважение и доверие по уму и другим характеристикам среди соплеменников, так они становились природными начальниками среди ордынцев». О пользе нового разделения и подчинения казахов ходатайствовал и султан-правитель Западной части Баймухамед Айшуаков, и казахская депутация в 1849 г. в составе султана-правителя Восточной части орды и бывшими при нем почетными казахами [45, с. 175–179].

Однако первоначальное распределение родовых групп и их хозяйств по дистанциям и местностям, проведенное с учетом родоплеменного принципа, оказалось крайне неравномерным. Свидетельством этому служат архивные материалы согласно которым генерал-майор Л. Ф. Баллюзек (1865-1869 гг.) 9 июля 1868 г. в своем отношении султану-правителю Восточной части Области оренбургских казахов подполковнику Ахмету Джантюрину выразил мнение: «Настоящее разделение Области на дистанции и местности произведено было, применяя большею частью к родовым началам в Орде, отчего произошло неравномерное распределение кибиток в дистанциях и местностях, в одних очень мало, а в других, напротив чрезмерно много и самые дистанции расположены смешанно с другими. От этого происходят затруднения для местных властей в управлении подведомственными им казахами, которые от прямых своих начальников иногда кочуют в расстоянии нескольких сот верст. Это привело к тому, что количество кибиток в дистанциях варьировалось от нескольких сотен до нескольких тысяч». В связи с этим перед султаном-правителем Восточной части ставилась задача разработки нового проекта разделения на дистанции и местности, который бы установил более четкие административные границы. При этом, нужно было учитывать, чтобы в каждой дистанции число кибиток не превышало 2300, в местности число кибиток варьировалось бы от 200 до 400, границы дистанций и местностей определялись по зимним стойбищам, так чтобы в дистанции не выходило чрезмерности и не приходилось выселять казахов с одних мест на другие, границы нужно было обозначать по урочищам и чтобы дистанции и местности примыкали одна к другой вплотную, не оставляя между собою не причисленной никуда местности» [104, л.1- л.1 об.].

Создание дистаночной системы и ее эволюция в Области оренбургских казахов в период с 1831 по 1869 гг. отражает имперскую логику постепенного замещения традиционных институтов власти бюрократическими имперскими структурами.

Казахская кочевая элита как акторы в создании дистаночной системы управления. Представители казахской родовой знати не только были проводниками имперской власти, но и принимали участие в процессе административного размежевания и в дискуссиях об устройстве дистаночной системы управления, в частности, об учреждении или расположении дистанций. Так, например, в апреле 1841 г. бий оренбургского ведомства поручик Язы Янов представил подробный проект учреждения 10 дистанций для казахов рода аргын (жогары шекты и томен шекты), переселившихся из Сибирского ведомства в Оренбургское ведомство, с указанием конкретных кандидатов на должность начальников. Он же просил об утверждении указанных в особой записке лиц в должности дистаночных начальников, и «сделать над этими дистаночными начальниками двух управляющих, именно в жогары шекты почетного и известного бия Шегеня Мусина, а в томен шекты на рассмотрение начальства. Этот проект, утвержденный пограничным начальством, иллюстрировал механизм интеграции родовой структуры в имперскую административную систему, наглядный пример которого можно увидеть в таблице 2.1.

Таблица 2.1 – Особая записка, представленная поручиком Язы Яновым

№	Имена и прозвания д.н.	Дистанции	Название отделений
1	В томен шекты. Ст. прапорщик: Тлемис Конгурчин	32	Большое отделение: Сары-Етим, в нем отделения: Утегул, Султанкелды, Шакасатай, Мешетбай, Жолтай.
2	Старшина Тлемис Мурзабаев	33	Кулкай, Куттумбет, Алтынай, Токан, Джатык, Джиямбет.
3	Почетный бий Бабакай Абулов	34	Алдияръ, Коджам-Яр, Исен-Тургай, Актачи, Тагычи, Байтачи, Итъимген.
4	Почетный бий Тултан Кучуков	35	Бикбаулы, Тангры-кулъ, Коджакулъ, Ярамъ, Чимбулатъ.
5	Почетный бий Турдубай Айтуваров	36	Мадияръ, куры-узекъ, Аиткул, Абыз, Исергеп, Кудайберды, Тагры-берды.
6	В жогары шекты: Старшина Курсабай Доскарин	37	Большое отделение Шакшак: в нем отд.: Калкаман, Карабаш, Караман, Тулек, Алимбет.
7	Почетный бий Кут Азатов	38	Жоламан, Тума, Байгузы, Пусурман, Юзей

8	Почетный бий Кунак Яйсанбаев	39	Кошкар, Тинет, Бискара, Жаманкул, Кырыкмылтук, Тумай.
9	Почетный бий Анак Алтаев	40	Кадырембет, Уйджан, Жылкайдар, Утемис и Татан.
10	Почетный бий Казангап Джандыров	41	Аю, Акназар, Баембет, Ишназар.

После объединения всего рода под ведомство Оренбургской пограничной комиссии начальство признало нужным поручить поручику Язы Янову управление племенем томен шекты, а управление племенем жогары шекты было поручено почетному бию Шегену Мусину. Так как они были известны своим усердием к службе, пограничное начальство надеялось на усилия их поддерживать порядок в степи и безусловном повиновении начальству, и тем «приобретать новые права на уважение заслуг правительством» [105].

Между тем, следует подчеркнуть, что в создании дистанций или их распределении принимали участие также султаны-правители. В 1849 году султан-правитель Восточной части, войсковой старшина Ахмед Джантюрин ходатайствовал об учреждении новой дистанции для казахов отделений кидель и каз из рода кыпшак, которые составляли 515 кибиток, предлагая объединить две малые дистанции (49-ю и 50-ю) в одну для эффективного управления. Согласно его донесению, у казахов упомянутых отделений, кочевавших у реки Тургай и реки Жыланшык, не было дистаночного начальника. В связи с этим, он избрал на эту должность почетного бия рода кыпшак, отделения кидель Яугача Айдаралина, влиятельного среди своих однородцев и просил распоряжения Пограничной комиссии об учреждении из вышеозначенных отделений новой дистанции с утверждением начальником рекомендуемого им бия Яугача Айдаралина.

В ответ на рапорт султана-правителя Пограничная комиссия известила, что в соответствии с «Положением об оренбургских киргизах» от 14 июня 1844 года дистаночных начальников в степи полагалось только 75. Однако к тому времени дистаночная система включала 56 дистанций, распределенных по трем частям: в Восточной части – 7 прилинейных и 21 степную, в Средней части – 13 прилинейных и 5 степных дистанций, в Западной части - 8 прилинейных и 2 степные дистанции.

Несмотря на первоначальный отказ из-за лимита на количество дистанций, он добился своего, предложив оптимизировать сеть: упразднить 49-ю дистанцию, в которой проживали казахи рода алтын в числе 110 кибиток, и присоединить ее из-за малочисленности кибиток к 50-й дистанции, включавшей 220 кибиток. Также султан-правитель предложил назначить начальником новой дистанции, в числе 330 кибиток, бия рода алтын, отделения маметек Бусурмана Научина, вполне достойного по способностям своим и влиянию на казахов, а состоявших в должностях начальников 49-й дистанции Даира Жанжигитова и 50-й дистанции Мусрепа Кулова, по слабому управлению их казахами, уволить

от настоящих должностей. Это решение было утверждено в марте 1850 года, что демонстрирует гибкость системы и влияние местных администраторов на ее конфигурацию. В результате с одобрения нового проекта дистанций председателя Пограничной комиссии, генерал-майора М. В. Ладыженского и разрешения Оренбургского военного губернатора, генерала от инфантерии В. А. Обручева в марте 1850 года на основании рапорта султана-правителя Восточной части постановление было приведено в действие [106, л. 8].

Кризис и попытки реформирования системы в 1860-е годы. К началу 60-х годов недостатки дистаночной системы, прежде всего неравномерность распределения населения, стали совершенно очевидны. В этот период возник вопрос о новом разделении территории казахов оренбургского ведомства на новые дистанции. председатель области оренбургских казахов В. В. Григорьев в 1862 году констатировал, что первоначальное разделение казахов, кочевавших против Оренбургской линии и в степи, на дистанции, произведено было без твердых практических оснований. Диспропорции были значительные: в Западной части оренбургского ведомства количество кибиток в отдельных дистанциях составляло от 1500 до 5000 кибиток. В Восточной части встречались дистанции, население которых не превышало 400 кибиток. В Средней части количество кибиток в дистанциях варьировалось от 500 до 2000 кибиток. Исходя из этого, можно сделать вывод, что количественные показатели свидетельствуют о неравномерности территориального распределения казахского населения в пределах оренбургского ведомства. По сведениям исследователя Ксенжик Г. Н. дистанции охватывали в среднем до 2000 хозяйств, однако такие сведения не соответствуют данным архивных документов и материалов, в которых указывается, что количество кибиток варьировалось от 1500 до 5000 кибиток, что привело к пересмотру расположения дистанций, количества в них хозяйств и численности населения в них [30].

А исследователь Зиманов С. З. приводит следующие данные о числе кибиток: от 2000 до 2300 хозяйств в дистанции, а в местности число хозяйств составляло от 200 до 400 [12].

Изучение степных дистанций привело В. Григорьева к заключению, что уравнение степных дистанций требует более коренных преобразований, нежели уравнение прилинейных. С другой стороны, сложились обстоятельства по устройству всей Средней части в дистанционном порядке, вместо существовавшего в ней родового, что также требует предварительного сбора статистических сведений. Но чтобы дело было сделано отчетливо В. Григорьев считал нужным ограничиться устройством того, к чему не имелось никаких препятствий, например, уравнение только прилинейных дистанций. Однако новый предложенный проект распределения дистанций не отличался равномерностью от существовавшего распределения. Например, дистанции №№5-7 и обе половины 8-й дистанции насчитывали от 3-х до 5 тыс. кибиток, между тем, дистанции № 14, 15, 16, 17 и 18 и 24 насчитывали в своем составе кибиток не более нескольких сот. При внимательном рассмотрении проект едва ли соответствовал цели, он не обеспечивал равное количество дистанций по

числу их населения. Кроме того, в проект не вошли степные дистанции Средней части: 57-я, 30-я, 29-я, 28-я, 56-я и Восточной части 22-я, 32-я, 33-я, 34-я, 35-я, 41-я и другие. Предложенный В. В. Григорьевым проект уравнения прилинейных дистанций также не решил проблему, сохранив значительный разброс в численности [107, л. 15].

В дискуссиях о создании дистанций принимал участие и султан-правитель Средней части. В результате обсуждения и переписки между султаном-правителем Средней части, Областным правлением, оренбургским и самарским генерал-губернатором была упразднена 24-я дистанция с подчинением местных начальников против Петровской станицы Шаншара Кунеева и против Елизаветинской станицы Кула Таминова начальнику 15-й дистанции, а местный начальник против Павловской станицы Кутали Утарбаев и Екатерининской, Кварненской и Аландской станиц Сатыбай Байтлибетев - начальнику 16 дистанции, затем местный начальник против Наследницкой станицы султан Аканов причислены к 25-й дистанции [108].

Кроме того, относительно дискуссий по административному преобразованию Казахской степи содержатся сведения в архивных фондах АВПРИ. К примеру, в 1864–1865 годах обсуждался проект административного переустройства Казахской степи между министерством иностранных дел, министерством внутренних дел и военным министерством. В проекте рассматривали два варианта создания Степного округа и генерал-губернаторства: первый предполагал объединение степных территорий с Оренбургом как центром управления, второй – включение в округ Западной Сибири с центром в Омске. Основной спор связан с тем, какие территории должны были войти в новое управление и где разместить главный административный центр.

В документе подробно сравнивали преимущества Оренбурга и Омска с точки зрения расстояний, торговли, снабжения войск и управления пограничными территориями. Документ содержит доводы против присоединения всей степи к Западной Сибири и подчеркивается, что Оренбург благодаря торговому значению, удобству коммуникаций и близости к важным направлениям имеет больше преимуществ, чем Омск. Также отмечается важность Оренбурга для наблюдения за туркменами и защиты юго-западных границ империи. Кроме того, были обсуждены финансовые расходы на перенос административного центра из Омска в Томск. В итоге всех рассуждений представители трех ведомств пришли к выводу, что затраты на преобразование не являются чрезмерными, а сама реформа была необходима для более эффективного управления степным краем [109, л. 37–49].

Между тем, 28 апреля 1867 года исправляющий должность султана-правителя Западной части Оренбургской области А. Сейдалин ходатайствовал об учреждении дистанций в родах шумишлы-табын и адай. Генерал-майор Л. Ф. Баллюзек поддержал данное предложение, обосновав его необходимостью усиления административного контроля в степных районах. В предложении было отмечено, что отсутствие постоянных представителей власти способствовало

межродовым конфликтам, случаям баранты, убийствам и неисполнению распоряжений администрации. Значительная удаленность и сезонные перекочевки населения в районы Эмбы, Хобды, Усть-Урта, Мангышлака, Айбугирского залива и туркменских пределов затрудняли надзор со стороны султана-правителя. В связи с этим предлагалось открыть одну дистанцию у рода чумичлы-табын и Верхнюю дистанцию у рода адай с назначением дистаночным начальникам жалования по 200 рублей серебром ежегодно за счет средств Министерства внутренних дел. 2 мая 1867 года генерал-майор К. Н. Боборыкин официально утвердил создание указанных дистанций и финансирование их содержания.

7 февраля 1868 года генерал-майор Л.Ф. Баллюзек сообщил оренбургскому генерал-губернатору о назначении хорунжего султана Саматова исполняющим обязанности начальника Шумишлы-Табынской дистанции. Из-за отсрочки окончательного утверждения в должности Саматову не выплачивалось установленное жалование, несмотря на положительную оценку его службы со стороны султана-правителя А. Сейдалина. В связи с этим Л. Ф. Баллюзек ходатайствовал о выплате Саматову 125 рублей серебром за период службы с 17 мая 1867 года по 1 января 1868 года из средств, предназначенных на степные административные расходы. 14 февраля 1868 года генерал-адъютант Н. А. Крыжановский санкционировал данную выплату [110].

Кроме того, в 60-х годах XIX века обострилась проблема управления и в отдаленных родах, таких как адай, которые пользовались отдаленностью мест кочевок в глубине степи, на границе ее смежной с хивинскими и туркменскими владениями, а также отдаленностью от центральных властей и затруднительностью преследования их в случае надобности вооруженной силой. Противозаконным поступкам и противодействиям русской власти способствовало отсутствие надежных и преданных правительству начальников, которые могли бы своим влиянием удерживать этот народ от беспорядков; слабый надзор над ними прежнего главного участкового начальника и, самое главное, «отсутствие укрепленного пункта в центре кочевьев адаевцев с достаточным гарнизоном, полицией которыми можно было держать во всегдашнем страхе».

В 1866–1867 гг. оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский предписал изучить вопрос о создании укрепленного пункта в центре кочевий адаевцев для защиты от набегов туркмен, что отражало переход от административных к военно-административным методам контроля. Вследствие этого, с целью прекратить «безнаказанное своеволие адаевцев и защитить от набегов туркмен, которые весьма часто врывались в их кочевки, производили грабежи, убийства, затем с богатой добычей бесследно скрывались между своими однородцами...», он предложил в Александровский форт и коменданту форта на месте при содействии казахских властей составить следующие соображения:

1. Ознакомясь с положением, интересами и вообще жизнею адаевского рода составить соображения каким образом прочно упрочить над ними русскую

власть, необходимо ли для этого устроить между ними укрепленный пункт и где именно
2. Расследовать причины по которым туркмены нападают на адаевцев и каким образом оградить последних.
3. В проезде ваш через Александровский форт изучить на месте ход его торговли, представить мне соображения по каким причинам развитие ее совершается так медленно, тогда как форт, как известно мне занимает чрезвычайно выгодное приморское положение и что нужно предпринять для более широкого развития в нем торговли.
4. На образуемой устьями рек Соколком и Уралом при впадении их в Капийское море, мною позволено казахам черкесского и тазовского рода, по случаю перенесенного ими в прошлом году бедствия кочевать в продолжении одного года, поэтому прошу ознакомясь с их положением составить соображения как устроить их
5. На обратном пути имеет проехать по долине левого берега р.Урал и в это время осмотреть как разместились казахи, переведенные с долины за отмежеванием оной в пользу казаков, собрать самые подробные сведения об их хозяйстве» [111, л.1-2 об.].

В рапорте управляющего областью оренбургских казахов Л. Ф. Баллюзека оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому от 1866 г. рассматривается необходимость усиления административного контроля над казахским и туркменским населением Мангышлакского региона. Л. Ф. Баллюзек в своем рапорте объясняет, что назначение в 1862 г. местного начальника при Александровском форте было вызвано смешанным расселением различных казахских родов и туркмен, из-за чего традиционная система родового управления оказывалась малоэффективной. Родовые управители часто не исполняли распоряжения властей, скрывали преступников и затрудняли взаимодействие администрации с кочевым населением. Поэтому предполагалось сосредоточить управление в руках одного должностного лица, отвечавшего за поддержание порядка и исполнение административных распоряжений.

Вместе с тем Л. Ф. Баллюзек подчеркивает, что местный начальник выполнял не только административные, но и полицейские функции: разбирал конфликты между кочевниками и торговцами, сообщал коменданту форта о событиях в степи, предупреждал возможные волнения и содействовал розыску преступников. Однако отсутствие чётко определённых полномочий и официально закреплённой территории управления снижало эффективность его деятельности. В связи с этим Баллюзек предложил повысить статус данной должности, переименовав её в дистаночного начальника, подчинив ему все кочевые группы региона независимо от родовой принадлежности и установив для него повышенное жалование в размере 200 руб. серебром в год согласно пар. 17 ст. 1 Сметы МВД на 1866 год. Высокое содержание по сравнению с другими дистаночными начальниками назначалось как по важности и разнородности возложенных на него дел, так и для того, чтобы привлечь к этой должности лучших и способных людей и заставить их дорожить должностью, а это само

собой привело бы к исполнительности в поручениях начальства и более или менее добросовестности в действиях. Выбор на эту должность лица, который бы по влиянию и способностям соответствовал бы вполне этому назначению возложить на султана правителя Западной части области [112, л. 1–3].

Документ отражает стремление региональной администрации укрепить систему управления степными территориями через централизацию власти и усиление контроля над кочевым населением. Важную роль в этой системе должны были играть представители местной элиты, включённые в имперский административный аппарат и заинтересованные в поддержании порядка и лояльности к власти.

В 1870-х годах Оренбург становится одним из ключевых административных и научных центров, в рамках которого формировались подходы к управлению казахским народом и изучению особенностей его хозяйственного и общественного уклада. Деятельность Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества, а также представителей казахской образованной интеллигенции (Мухамед-Салык Караулхожа Бабаджанов (1834-1893) – действительный член ОО ИРГО, члены-сотрудники Оренбургского отдела Ибрай Алтынсарин, Тлеумухамед Сейдалин, Сейтхан Джантюрин, Бейбит Даулбаев), в том числе Мухамедгалия Таукина, способствовала накоплению этнографических и практических знаний, имевших непосредственное значение для административной политики. В этом контексте записка М. Таукина, изданная 1871 году, может рассматриваться не только как этнографический источник, но и как отражение дискуссии о дальнейшем устройстве управления казахской степью после введения Временного положения 1868 г. Автор исходил из необходимости учитывать природно-географические условия, традиционный кочевой уклад и хозяйственные особенности казахского общества при разработке административных механизмов.

Предложения М. Тяукина непосредственно соотносятся с поиском в 1870-е гг. более эффективной и устойчивой системы управления территориями казахов оренбургского ведомства. Особое внимание М. Тяукин уделяет сочетанию практических мер административного и постепенного экономического освоения степи: создание сети военных постов, развитие русских поселений вдоль рек Эмбы и Уила, поддержке перехода части казахов к земледелию, организацию ярмарок и меновых дворов, строительство зимовий, упорядочение землепользования и расширение земледелия. Наиболее эффективным средством он считал не административно-принудительный подход, а необходимость интеграции посредством сочетания управленческих, экономических и просветительских мер, умеренную и справедливую политику, способную укрепить лояльность населения и предотвратить его уход в сопредельные территории. При этом важное место в его концепции занимали знание местных обычаев и образа жизни казахов русскими чиновниками, участие представителей казахской знати в управлении и, наконец, распространение образования как долгосрочный фактор общественной трансформации, а именно

повышение уровня просвещения должно было способствовать формированию более тесной связи казахского населения с соседями.

Таким образом, записка М. Тяукина отражает его позицию, связанную с поиском оптимальной модели управления казахским населением и о путях административной интеграции, хозяйственного развития степного общества после реформ 1867–1868 гг. Его предложения позволяют проследить, каким образом представители казахской интеллигенции участвовали в осмыслении проблем государственного управления степью и формировании представлений о необходимой системе административного устройства региона [113].

В этнографическом и административном описании степного региона принимали участие и дистаночные начальники. В этом контексте особый интерес представляет труд начальника 19-й дистанции, члена-сотрудника Оренбургского отдела ИРГО Бейбита Даулбаева «Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830-1880 годы», опубликованный IV выпуске «Записок Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества» (1881). В данном труде автор последовательно фиксирует ключевые этапы эволюции системы управления кочевым населением: от назначения в 1835-1836 гг. «юртовых старшин из почетных ордынцев против каждого русского селения» до введения в 1840 году вдоль Новой линии дистаночной системы управления (дистанции №№19-21 и №№26-27, в каждой из которых состояло от 5 до 8 местных начальников), призванной обеспечить защиту казахов от набегов и искоренить пагубную для народа баранту; и, наконец, до ликвидации дистанций и введения выборных институтов в рамках реформ 1867-1868 гг. [114, с. 112–114, 116–117]. Б. Даулбаев фиксирует, что дистаночные начальники, назначаемые султаном-правителем и утверждаемые Пограничной комиссией, выполняли функции налогового контроля, поддержания порядка и постепенной седентаризации кочевого населения, что нашло отражение в появлении к началу 1850-х годов первых деревянных домов в зимовках и медленном переходе от кибиток к оседлым жилищам. Автор отмечает, что казахи, принадлежащие ныне к Дамбарской волости, заняли под зимние кочевки речку Аят в 1850 году, где бывший начальник 26-й дистанции построил деревянный домик из двух комнат». Однако темп оседания оставался низким: «В 1852 году, во всех четырёх дистанциях 19, 20, 26 и 27-й, всего было только до 10 домов, а остальное - все кибитки» [114, с. 113–114]. Ликвидация дистанций и введение «Временных положений» 1867–1868 гг. ознаменовало разрыв с прежней вертикалью власти: на смену дистаночным начальникам пришли выборные волостные управители, аульные начальники и судебные бии, избираемые через многоступенчатую систему выборщиков от кибиток. Однако, демократический механизм на практике превратился в инструмент клановой борьбы и имущественной дискриминации: выборы сопровождались насильственным удержанием выборщиков, монополизацией судебных должностей «победившей стороной» и систематическим отстранением бедных слоев участия в управлении. Это привело к эрозии традиционного суда биев, а также к деградации правосудия, когда статус судьи стал определяться не знанием адата и личным авторитетом в степи, а финансовыми возможностями кандидата и его происхождением. [114, с.

116–117]. Труд Б. Даулбаева представляет собой не только ценный источник по проблеме административного устройства, но и служит примером рефлексии над противоречиями имперской модернизации, где формальные институты выборности оказались подменены клановой логикой в удержании власти.

Хозяйственно-бытовая модернизация, по сведениям Б. Даулбаева, начинается с 1853 года, когда «традиционное кочевое скотоводство начинает уступать место оседлому хлебопашеству» и начинается переход к земледелию - сначала среди жатаков, затем среди зажиточных хозяйств Культурные сдвиги проявились в массовом распространении чаепития. К примеру, к 1860-м годам чай, первоначально считавшийся элитным продуктом, стал повседневным напитком среди широких масс, а самовары – атрибутом быта, что свидетельствовало об адаптации городских практик в степи [114, с. 114–115].

В этом контексте следует сделать заключение, что дискуссии, развернувшиеся вокруг дистаночной системы управления, указывали на поиск региональной администрацией баланса между имперскими задачами тотального контроля и необходимостью учета специфики кочевого общества. Эволюция дискуссии – от первоначального упрощенного внедрения дистанций к критике их искусственности и предложениям опереться на «естественных» родоправителей подчеркивает сложность интеграции казахской степи в административное пространство империи. Несмотря на постоянные корректировки и попытки уравнения, система сохраняла черты первоначальной неравномерности и зависимость от локальных знаний и активности казахской элиты, которая сама стала неотъемлемым участником процесса административного строительства.

Однако дистаночная система управления просуществовала до 1868 г., должность дистаночных и местных начальников была упразднена согласно Временному положению об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями от 21 октября 1868 г. В результате новых преобразований и упразднения дистаночной системы управления бывшие дистаночные и местные начальники были назначены на должность управителей волостей:

Каумен Алдияров – казах, сотник, местный начальник против Веринской станицы с 1840 года, начальник 20-й дистанции с 1856 года, в 1869 году назначен волостным управителем Саройской волости Николаевского уезда Тургайской области [39, с. 350-351].

Алимбай Байгозин – начальник 48-й дистанции с 1859 года, сверхштатный чиновник особых поручений при военном губернаторе Тургайской области с 1872 г. [39, с. 353-354]

Сулейман Джигангиров – сын султана Джигангира Каипова, подполковник, сверхштатный чиновник особых поручений. С 1846 года занимал должность начальника дистанции в районе Оренбургского укрепления. С 1868 года он входил в состав комиссии в Тургайском уезде для организации местной системы управления, а также реализацией положений реформы от 21 октября 1868 г. В марте 1869 года был назначен на должность младшего помощника

начальника Тургайского уезда. В апреле 1878 года занимал должность сверхштатного чиновника особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе [39, с. 363–365].

Баядиль Кийкин из почетных казахов, с 1844 года исправлял должность начальника дистанции, с введением Временного положения остался без должности, впоследствии в 1875 году назначен управителем Буртинской волости Илецкого уезда, а в 1880 году назначен младшим чиновником особых поручений при военном губернаторе. За отличную службу и преданность правительству получил ордена св. Владимира 4-й степени, св. Станислава 2-й степении, св. Анны 3-й и 2-й степени [39, с. 366–367].

Мухамеджан Баймухамедов – султан, начальник 8-й дистанции с 1841 года, временно исправлял должность султана-правителя Западной части в 1839-1844 годы. За отличную службу был удостоен таких наград, как орден св. Станислава 1-й и 2-й степени, орден св. Анны 2-й и 3-й степени. С введением Временнного положения об управлении в степных областях в мае 1869 года получил чин генерал-майора с увольнением от службы и назначением пожизненной пенсии по 1176 рублей в год [39, с. 368-373].

Дербисали Беркинбаев – бывший начальник дистанций №23 и №15. В 1869 г. занимая должность чиновника особых поручений при военном губернаторе Тургайской области, он был включен в состав организационной комиссии в г. Иргизе. В 1872 году был командирован к илецкому уездному начальнику. С 1873 года назначен военным губернатором Тургайской области младшим помощником илецкого уездного начальника. В 1893 году занимал должность сверхштатного старшего чиновника особых поручений, в 1897 году был назначен действительным членом Тургайского областного статистического комитета, а с 1899 года занимал должность почетного мирового судьи Оренбургского окружного суда [39, с. 416–421].

Ибрагим Алтынсарин, служивший учителем казахской школы и переводчиком при Оренбургском укреплении, в 1869 году был назначен письмоводителем Тургайского уездного управления Тургайской области, а в 70-х годах был определен на должность старшего помощника начальника Тургайского уезда и исправлял должность тургайского уездного судьи [39, с. 403–405].

Байкадам Урунбаев – выпускник казахской школы в Оренбурге 1864 года, назначенный в Областное правление для письменных занятий и подготовки казахских мальчиков, обучавшихся в оренбургской казахской школе в 1865 году, был перемещен на должность переводчика николаевского уездного начальника в апреле 1869 года. Затем был назначен учителем казахской школы в декабре 1869 года [39, с. 407–408].

Бигали Булхаиров – султан, сотник, начальник 31-й дистанции с 1861 года, прежде занимал должность местного начальника с 1848 года по 1861 года. После введения нового положения остался без должности [39, с. 345–346].

2.2 Типология, структура и географическая траектория: численность и родоплеменной состав

В результате административно-территориальных реформ в 20-х годах XIX века на территории Казахской степи в корне изменилась политическая система в целом. Такие изменения привели к ликвидации ханской власти. В соответствии с Уставом об оренбургских казахах в 1824 году территория Младшего жуза была разделена на три внешних Зауральских округа. В 1828 году данные административно-территориальные структуры получили новые наименования - Западная, Средняя и Восточная части.

По мнению И. Жуковского, на территории Младшего жуза, разделенной на три части, управление каждой из них вверено поставленным по высочайшему повелению трем султанам-правителям [115, с. 54–55].

Введение дистаночной системы управления разделило территорию оренбургского ведомства на дистанции: прилинейные и степные. Степные дистанции, уступая прилинейным по количеству хозяйств, отличались большей территориальной протяженностью кочевых участков. В целом дистаночная система управления строилась с учетом географического положения и особенностей расселения казахского населения. В ее структуре выделялись два типа дистанций: прилинейные, располагавшиеся вдоль пограничных линий и вблизи укреплений, и степные, охватывавшие отдаленные внутренние районы степи. Подобное административное разделение позволяло региональной администрации организовывать управление казахским населением и обеспечивать осуществление контроля на значительной территории. В конце 40-х – начале 50-х годов XIX века стали создаваться «особые дистанции», которые играли важную роль в степи, поскольку имели стратегическое значение и служили трактами в среднеазиатские ханства.

Хронология процесса создания дистаночной системы управления. Изучение проблемы создания и расширения географии дистанций позволяет условно разделить данный процесс на следующие этапы:

Первый этап (1831 г.) стал отправной точкой. По инициативе председателя Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генса вдоль Старой (Нижне-Уральской и Оренбургской) линии были учреждены 22 прилинейные дистанции (№№1-22) и 115 местных (аульных старшин). Их задача заключалась в надзоре за казахами, кочующими непосредственно у укреплений.

Второй этап (1839–1840 гг.). На данном этапе дистаночная система, была внедрена в 1839 году среди казахов, кочевавших вдоль новой линии, учрежденной в 1835 г. Новая линия – это участок между между Орском и Троицком, от Орской крепости до Березовского редута. Вдоль нее были образованы 5 «особых дистанций» (№№23-27), что подчеркивало их стратегическое значение в структурировании нового рубежа.

Третий этап (1841–1845 гг.) ознаменовался массовым созданием степных дистанций, что свидетельствовало о переносе центра тяжести управления вглубь кочевой территории. Толчком послужил переход в 1841 году около 3000 кибиток

аргынов из сибирского в оренбургское ведомство, для которых сразу было создано 10 дистанций (№№32-41). А в 40-х годах XIX века данное дистаночное устройство перешло на часть рода адай возле Ново-Александровского укрепления, которое было заложено в 1834 году на берегу Каспийского моря.

Четвертый этап (1847–1850 гг. и 1862–1867 гг.) учреждены «особые дистанции» №№52-55, №№56-57. К 1845 году общее число дистанций достигло 51 (27-прилинейные, 24-степные дистанции). К 1857 году учреждены 57 дистанций (32-прилинейные, остальные – степные и особые), сформировав плотную административную сеть.

Более подробно относительно хронологии создания дистанций следует выделить из «Краткого обозрения управления оренбургскими казахами» Г.Ф. Генса, в котором отмечено, что формирование системы дистаночного управления сопровождалось последовательным увеличением числа административных должностных лиц, назначавшихся для осуществления контроля над кочевым населением. Так, с 1831 года вдоль всей линии было назначено 22 дистаночных и 115 местных начальников. В 1839 году на Новой линии определены были ещё 5 дистаночных и 28 местных начальников. К 1841 году административная сеть была дополнительно расширена: вдоль реки Илек были назначены еще 3 дистаночных и 8 местных начальников.

Дальнейшее распределение управленческих должностей осуществлялось с учётом родоплеменной принадлежности казахского населения. В январе 1841 года для казахов рода адай, кочевавших напротив Ново-Александровского укрепления, был назначен дистаночный начальник. В том же году для представителей рода аргын определили 11 дистаночных и 10 местных начальников, для рода жаппас – 6 дистаночных начальников, а для рода алтын – 3 начальника. В июне 1841 года для казахов рода кыпшак назначили одного дистаночного начальника и трёх местных старшин. В 1842 году система местного управления получила дальнейшее развитие: для рода жаппас были определены 26 местных старшин, а для рода алтын – 10 аульных начальников.

Таким образом, к 1840-м годам формирование административного аппарата дистаночного управления приобрело более организованный характер. Согласно приведённым сведениям, общее число назначенных должностных лиц достигло 52 дистаночных и 206 местных начальников. Эти данные отражают стремление российской администрации расширить сеть административного контроля и обеспечить управление казахским населением непосредственно на местах.

В конце 40-х гг. XIX в. В Западной части находилось 8 дистанций, в Средней части расположились 19 дистанций и в Восточной части - 28 дистанций [38, с. 87].

В этом отношении следует упомянуть, что согласно Положению об управлении оренбургскими казахами от 14 июня 1844 г. количество дистаночных начальников планировалось определить в количестве 75 (&14), а для местных начальников количество не определялось, примерно должно было составлять

400 и более. Но зависело от усмотрения военного губернатора с учетом надобности (&15) [33, с. 214–215].

Проведенный анализ архивных материалов и исследований позволяет выделить три основных типа дистанций, различавшихся по функциям и местоположению:

1. Прилинейные дистанции (27 ед.) располагались вдоль укрепленных линий (Нижне-Уральской, Оренбургской, Новой), характеризовались наибольшей плотностью населения (от 1500 до 5000 кибиток) при относительно компактной территории и выполняли роль буфера и зоны непосредственного контроля на границе оседлой и кочевой зон.
2. Степные дистанции (30 ед.) находились в отдаленных районах степи. Имели меньшее количество хозяйств, но занимали обширные территории кочевых угодий. Их создание было ключевым для распространения имперского административного влияния в глубинные районы.
3. Особые дистанции (9 ед.: №№23–27, 31, 53–54, 56) учреждались на стратегически важных участках - у ключевых укреплений, таких как Оренбургское или Уральское, а также на сложных в управлении участках. Их начальники имели особый статус и повышенное жалованье.

Дистанции №№23–27, расположенные на новой линии, были отнесены к особым дистанциям. Согласно сведениям из архивных материалов «данные дистанции не должны быть присоединяемы к прилинейным, а из них образовать особые дистанции по расчету количества кибиток в нем, а также по месторасположению зимних кочевок» [104, л. 2]. Если суммировать число особых дистанций, то их количество составляет 9: №23–27, №31, №53–54, №56. Поскольку начальники 53-й и 54-й дистанций, примыкавшие к Оренбургскому и Уральскому укреплениям, находились на особом положении, им полагалось жалованье в размере 125 руб. сер. в год каждому. Дистанция №53 располагалась в районе Оренбургского укрепления, включая 1 местность, где кочевали казахи рода жаппас. Начальником дистанции был Сулейман Джигангеров [116, л. 15]. Интересным представляется назначение Сулеймана Джигангерова, будучи начальником 53-й дистанции, был назначен также помощником султана-правителя Восточной части вместо Сейдалина 2-го, который был назначен на должность чиновника для контроля в степи [117, л. 5].

В 40-е годы XIX века встал вопрос о создании особой дистанции напротив Орской крепости. Данный участок считался важным и располагался вдоль Новой линии. На участке по р. Орь, от Тастычу до устья Тамдыур и по рр. Талдык и Кайрактан, впадающие в Иргиз, кочевало более 700 кибиток разных отделений и подотделений рода жагалбайлы, которые не были включены в состав ни одной из прилинейных дистанций. Такие сведения были представлены султаном-правителем Средней части казахов оренбургского ведомства Арсланом Джантюриным [118].

Между тем, в 1848 г. 26 января была учреждена новая дистанция, называемая «особая» дистанция №56 в числе 885 кибиток. Дистаночным начальником был определен Беркимбай Бучибаев, назначили жалованье в

размере 50 руб. сер. в год и заказали ему именную печать. Арслан Джантюрин принял присягу на верность службе у Бучибаева и представил присяжный лист в Пограничную комиссию. В свою очередь утвержденный начальник должен был заключить договор о найме с письмоводителем с выплатой ему жалования в размере 25 рублей в год и представить Комиссии на утверждение и назначить местных начальников во вверенной им дистанции. Им было назначено 5 местных начальников. Султан-правитель на назначения Бушибаева ответил, что определенные дистаночным начальником участки для местных начальников необходимы и лица, о которых Бушибаев ходатайствовал, известны «поведением хорошим и способностями». Также за 1847 г. Бушибаев собрал с 885 кибиток 1327 руб.50 коп. сер. кибиточной подати. В апреле 1850 года Бушибаев донес, что в ведомстве его находится 1031 кибитка [119, л. 38-40].

В 1850 г. была учреждена 57-я дистанция, локализованная по р. Хобде, от р. Тересакан до р. Тамды и до р. Кызылчак, р. Ащисай, р. Аксай, р. Тиндяк-кара, от р. Ильбулды до р. Каражал и до р. Кокбекты. По данным статистики к 1850 г. население Области оренбургских казахов составило 159988 кибиток, 764406 человек.

Географическое распределение и административная нагрузка дистанций по трем частям оренбургского ведомства были неравномерными, что отражало различия в плотности населения, родовом составе и стратегической важности регионов.

Относительно географической траектории дистанций Л. Мейер отметил следующее. Дистанции №№1-8 и 57 местностей в Западной части были образованы от Гурьева до Изобильной станицы. В Средней части дистанции №№9-18, №№23-25, №№28-31, №54, №№56-57 размещены были от Изобильной станицы до Урлядинской станицы, итого 20 дистанций, 104 местности. В Восточной части находились дистанции №№19-22, №№26-27, №№32-51, 53-я и 55-я дистанции, всего 28 дистанций, 93 местности. 52-я дистанция была упразднена. Однако спорным моментом является отнесение Л. Мейером 31-й дистанции к Средней части, поскольку в архивных делах Фонда №4 дистанция №31 относились к Западной части, тем самым составляя количество дистанций в указанной части – 10 [6, с. 56–59].

В адрес-календаре за 1836 год приведены дислокации дистанций с учетом разделения их по пограничным линиям. При Нижнеуральской линии расположены дистанции №№1-8; при Новоилецкой, Бердянской и Куралинской линиях - дистанции №№9-10, при Верхнеуральской линии – дистанции №№11-22 [120, с. 81-85]

В целях представления наиболее полной картины о географической траектории дистанций и местностей на территории казахов оренбургского ведомства можно привести на примере дистанций Западной части. *В Западной части казахов оренбургского ведомства*, где управлял султан-правитель, полковник и кавалер Баймухамед Айшуаков (1830–1847 гг.), было расположено 10 дистанций (№№1-8, 31, 52) и 61 местность. Согласно архивным документам,

было выявлено по географической локализации дистанций и местностей следующее:
В подчинении начальника 1-й дистанции находилось 5 местных начальников;
В подчинении начальника 2-й дистанции находилось 5 местных начальников;
В подчинении начальника 3-й дистанции находилось 6 местных начальников;
В подчинении начальника 4-й дистанции находилось 6 местных начальников;
В подчинении начальника 5-й дистанции находилось 7 местных начальников;
В подчинении начальника 6-й дистанции находилось 6 местных начальников;
В подчинении начальника 7-й дистанции находилось 5 местных начальников;
В подчинении начальника 8-й дистанции находилось 8 местных начальников;
В подчинении начальника 31-й дистанции находилось 3 местных начальника;
В подчинении начальника 52-й дистанции находилось 10 помощников - местных начальников. [116, л.15-35].

По вопросу расселения казахских родовых групп и их кочевий, следует отметить, что в Западной части населяли казахи племени байулы, преимущественно казахи рода адай, которые кочевали вблизи Каспийского моря и плато Устюрт, часть поколения алимулы и три рода из племени жетыру: табын, тама, кердеры. Дистанции здесь, как правило, были многочисленными по количеству кибиток, к примеру, 8-я дистанция включала 6326 кибиток, а их ключевой функцией помимо административной, была охрана караванных путей в Хиву.

Согласно сообщениям действительного чиновника М. Н. Галкина от 1867 года расселение казахских кочевых племен по родовому признаку выглядело следующим образом: см. таблицу 2.2 [121].

Таблица 2.2 – Расселение и маршрут кочевок в Западной части казахов оренбургского ведомства

№	Наименование рода	Маршрут кочевок летом	Маршрут кочевок зимой
1	Табын	кочует летом по рекам Чингирлау, Улянте, Чидарте, Колдыгайте, Булдурте, Хобде, Кыйлу, Иш – Кыргану, Туманчу, Уилу, Яхимбою, Анкате и на урочищах	Зимою против Илецкого городка, форпостов: Затонного, Сухоречинского, Комсехаровского, Линевского, Буранного, Иртецкого, Каршинского, Редутского; также по рекам: Колдыгайте, Чингирлау, Булдурты, Хобде и на вершинах р. Илека; на урочищах Бувозлы, Созлы, Тамды, Кара-Тюбе и при озере Тлеулакуль.

		Канн-Киль, Таман-там.	
2	Кирдере	кочует летом по рекам Анкате, Чидарте, Барбас-Тау и около озер Чакар-коль Уртеки – коль.	Зимою при Уральской линии против форпостов: Рубежского, Лбиженского, Кожехаровского, Гниловского, Кош-Уральского, Кругло-Озерского, Чегановского и против города Уральска.
3	Тама	кочует летом по рекам Анкате, Чидарте, Барбас-Тау, Улянте.	Зимой по Уральской линии против форпостов: Январцевского, Кирсановского, Кинделинского, Иртецкого, Бородинского, Студеновского против Рохневских хуторов.
4	Алшын	летом кочует по рекам Кандыгайты, Бундурты, Яхшибаю, Киндекли, Карагайч, Чинбеты, Киндигар и Сигаз-саю.	Зимою при урочищах Байчутты, Суналы, Яренамыш, Янгас-Огач, на речке Яхшибан и озерах Исентемир–коль и против Калмыковской крепости.
5	Байбакты	летом кочует по рекам Кандыгайты и Булдурты, Улянты, Чидарты, Чимбеты, Кызыл-Ачагу и Анкаты.	Зимою на озерах Сакалы-коль, Тузлы-коль и Сасык-коль, также в камышах, при устье р. Улянты и при Уральской линии против форпостов Лбиженского и Горячинского.
6	Тана	летом - по рекам Булдурки, Улякты и Анкаты.	Зимой при Уральской линии, начиная от Каршанского форпоста до Тополинской крепости.
7	Кызылкурт	кочует летом по рекам Яхимбаю, Джинанлы и на	Зимою, при Уральской линии, против крепости Кулагинской, форпоста Гребенщиковского.

		озерах Кускуль.	
8	Маскар	летом кочует по рекам Яхимбаю, Джинанлы и около озера Джиакуль.	Зимою в камышах Кара-Кулевских.
9	Бериш	Летом кочуют, начиная от устья р. Урала и направляя свои кочевки вверх по Уралу, доходят до Калмыковской крепости, с устья р. Яхшибая до вершины оной к Уилу, Каракулю и Карабау, в окрестностях песков Атанак Кульмык.	Зимою при Уральской линии, против крепости Байсайской, форпостов: Яманхалинского, Кармановского и при крепости Тополинской, на урочищах Карабаве и Каракуле.
10	Таз	Летом кочует по рекам Сагызу, Уилу и Яхшибаю.	Зимою при Уральской линии, против Гурьева городка, на урочище Чанки и по берегу моря.
11	Китин	Летом по рекам Эмбе, Сагызу, Уилу и на вершинах Хобды.	Зимою по берегу моря, некоторые в песках Тойсунган.
12	Адай	летом кочуют вблизи р. Эмба, в песках Шам на Усть-Урте, и в песках Тойсунган.	Зимою при море на Бузачи, Карагане, Тбп-Актов, Карataве и на Карабу.

В Средней части казахов оренбургского ведомства, где правил султан-правитель Араслан Джантюрин, располагались дистанции (№№9-18, №№23-25, №№28-30, №54 и №№56-57), насчитывало 19 дистанций и 89 местностей. Дистанции располагались от Изобильного отряда до Уральского укрепления. В этой части кочевали рода племени жетыру (жагалбайлы) и часть алимулы (шомекей, торткара). Район отличался высокой концентрацией как прилинейных, так и степных дистанций, контролируя важный участок от реки Урал до реки Тобол и караванные пути из Орска. В этой части наибольшее количество хозяйств было в 10-й дистанции (1316 кибиток) и 11-й (1390 кибиток). Среди малых дистанций можно отметить 17-ю дистанцию (470 кибиток) и 24-ю дистанцию (410 кибиток). Особый интерес представляет 24-я дистанция в Средней части, которая, согласно данным архивных материалов, была упразднена в 1862 году. Местные начальники упраздненной дистанции против Петровской станицы Шаншар Кунеев и против Елизаветинской станицы Кул Таминов были подчинены начальнику 15-й дистанции, а местные начальники против Павловской станицы Кутали Утарбаев и Екатерининской, Аланской станиц Сатыбай Байтлибетев были подчинены начальнику 16-й дистанции. Местный начальник против Наследницкой станицы султан Аканов причислен к 25-й дистанции [107, л. 32].

Относительно границ между Западной и Средней частями казахов оренбургского ведомства следует упомянуть о границе Уральского укрепления с 54-й дистанцией Средней части, близ Оренбургского укрепления находились 40-я и 53-я дистанции Восточной части. Это свидетельствует о пограничных рубежах в трех частях оренбургского ведомства.

В Средней части оренбургских казахов также были введены должности управляющих родами и отделений. В этой части кочевали казахи отделения тлеукабак и подотделения карабаш (управляющий - хорунжий Утаралий Сарышунгаев), отделения назар рода шекты (управляющий - Чалпык Юсуфов) и казахи рода жагалбайлы (управляющий - султан Мирхайдар Темиров). Расселение казахских родов Средней части можно увидеть в таблице 2.3.

Таблица 2.3 – Расселение и маршруты кочевок в Средней части области оренбургских казахов [121]

№	Наименование рода	Маршруты кочевок летом	Маршруты кочевок зимой
1	Шекты	Летом кочуют при урочищах Большого и Малого Барсуков, на урочищах Кок-Арал, около Аральского моря, и на вершинах	Зимою на урочищах Кук-Арал, Кук-Тыркан Куланды–Тюп. Отделения же этого рода, Чуреневское и Назаровское, зимой кочуют по Эмбе от урочища Кумырган-Домошлы-Избер.

		Эмбы. Отделения же этого рода, Чуреневское и Назаровское, кочуют летом по притокам Большой и Малой Хобды по Чит-Бурте, по урочищам Биш-Тамак и Исенбай.	
2	Торткара	Летом и зимою по реке Иргизу.	Летом и зимою по реке Иргизу
3	Шомекей	Летом по рекам Сыр-Дарье, Куван-Дарье и Иргизу, на урочищах Тургаю и Каракуму.	Зимой по рекам Сыр и Куван Дарьям
4	Жагалбайлы	Летом кочуют по рекам Тогузаку, Кызыл-Чилику, Кара-Таиле, Камышле, Таукара-Аят, Имдору, Бугутау, Ташлы, Бутаку, Ан-Яру, Куяну, Ургану, Кут-Буяку, Кумаку, Тоболу, Ауру, Кызылу, Каину, Мамуте, Уйсум-Каре, Ибайту, Куагачу, Тиракле, Кум-Истыку, Караую и Чиртакле.	Зимою при речках Юнгалке, Гумбалке, Карасану, Таширу, Сурамсаклу, Кариге, Ярлу, Ори, Коргале, Бурте, Кникаче, Арчаялы-Аят. Также против станицы Янгельской, Сыртинской, Увальской, Кизильской, Орловской, Таналыцкой, Тереклинской, Калпецкой, Губерлинской, Банной, Хабарной, Ильинской и Николаевской.

Более подробно о географической дислокации дистанций следует отметить дистанции в *Восточной части казахов оренбургского ведомства,* где было сосредоточено наибольшее количество дистанций. Это объяснялось как большой

площадью, так и переселением сюда значительных масс аргынов. В этой части преобладали степные дистанции, управлявшие родами аргын, кыпшак и жаппас на обширных пространствах от Тобола до Сырдарьи. В ведомстве султана-правителя Ахмеда Джантюрина находились 28 дистанций (№№19-22, №№26-27, №№32-51, №53 и №55) и 87 местностей. Дистанции были расположены от Урлядинской крепости до рек Тобол, Тургая и близ Сырдарьи, где кочевали казахи родов аргын, жаппас и кыпшак.

Здесь следует отметить, что дистанции №21 и №22 по мнению Зиманова С. в силу отдаленности от линии, относились к степным районам. По сравнению с прилинейными дистанциями по составу они были малы, но превосходили их по обширности кочевых участков. Следует выделить, что по другим источникам данные дистанции отнесены к прилинейным дистанциям, отсюда вытекает неясность и неточность в отнесении указанных дистанций по типу дистанций. В Восточной части оренбургских казахов расселение и маршруты кочевьев можно увидеть в таблице 2.4:

Таблица 2.4 – Расселение казахов и маршруты кочевьев в Восточной части казахов оренбургского ведомства [121]

№	Наименование рода	Маршруты кочевок летом	Маршруты кочевок зимой
1	Аргын	Летом кочует по верхним частям реки Тургай и по всем речкам, озерам и местечкам между реками Тургай и Тобол.	Зимою по рекам Тургаю и Убагану, на озерах Сары-копы, Карсак-баш, Капракуле, Сапсыны, Эбелею, Казах-баглю, по Суярган, Алкау, Караколе, Яхшибель и Каракаяс; в песках Тосуне и при Аман-Карагайском боре.
2	Кыпшак	Летом кочуют на правой стороне р. Тобол, смежно с Аргынцами. По озерам, лежащим между р. Тобол, Чортанды, Джилкувар, Аят и Тогузак, между старой и новой линиями, по рр. Сыр-Дарья, Джиланчик и по Тургаю.	Зимою по рекам Тобол, Чартанды, Джилкувар, Торгузан, Кумсайчану, Карлеану, Сырдарье и Джиланчик; при крепостях Усть-Уйской, Петропавловской, при станицах Варваринской, до укрепления Наследникова и в окрестностях Джулека, до самого Туркестана.
3	Керей	Летом по рекам Тоболу, Убагану,	Зимою по рекам Тоболу и Убагану, от Усть-Уйской крепости

		Тогузаку, смежно с Аргынцами и Кипчаками.	до отрядов Прорывного и Озерного и от последнего до Алабужского, а также по озерам по обеим сторонам реки Убаган, примерно в 40 верстах от линии.
4	Жаппас	Летом вдоль рек Сырдарья, Тургай, Тобол, Аят и Тогузак и между старой и новой линиями.	Зимою по реке Сырдарье, на камышах Кувана, между Ак-мечетью и могилой Коркыта и на песках Кара-Кол, смежно с Кыпшаками и также между новой и старой линиями.
5	Алтын	Летом кочует по рекам Сырдарье и Большому Тургаю, Тоболу, Улькояку, Каракой-Мамыту и по озерам Ургачу, Анку, Чанке-Кандакте с окресностями.	Зимою же располагаются совместно с Яппасцами по Сырдарье, Кувану и на Каракумских песках, но преимущественно несколько западнее, почти смежно с упомянутыми выше родом шомекей, принадлежащим к Средней части

Расселение родов и маршруты кочевок казахов оренбургского ведомства. Согласно сведениям С. Зиманова, в Восточной части расселялись племена родов аргын и кипчак, к Средней части – племя жетыру (род жагалбайлы), часть племени алимулы, из них известные шомекей, торткара, Западную часть составляют племя байулы, из коих главным считается адай, кочующее вблизи плато Устюрт и Каспийского моря, часть алимулы и три жетыру (табын, тама, кардары).

Младший жуз составляли три племени – алимулы, байулы и жетыру. Племя алимулы составляют шесть родов: торткара, каракесек, карасакал, шомекей, кытай и шекты. Племя алимулы зимой кочевали от Красногорской крепости до Верхнеозерной, на Сыре, Яныдарье, Куване, в песках Кара-Бурсук, р. Илек, Орь. Летом кочевали по р. Темир, Сагызу, Уил, Илек, Хобда, Иргиз, Эмба, в песках Каракум и в Мугоджарских горах.

К племени байулы относились адай, жаппас, алаша, байбакты, маскар, бериш, тазлар, есентемир, серкеш, тана, кызылкурт, шихлар. Племя Байулы кочевали против Нижне-Уральской линии, летом - между Уралом и Эмбой, против Троицка, по р.Тургай и Тобол, вблизи оз. Каракуль, при реках Булдурты, Джусалы, Чингирлау, Анкаты, Кулдагайты, Уленты, Уил до Хобды. Зиму проводят возле Каспийского моря, в устьях Урала и Эмбы, по Сыру и Кувану, также около г. Гурьев и Мангышлак (адай). Племя Жетыру составляют семь родов: тама, табын, керей, джагалбайлы, рамадан, тилеу, кердери [122].

Племя жетыру зимой кочевало вблизи рек Иргиз, Кумак, Орь, Сугундук, от Оренбурга ниже к Уральску. Летом кочевали от Верхнеозерной крепости и Верхнеуральска до р. Иргиз на юге; р. Донгуз, Хобда, Илек [2].

Изучение документов и материалов демонстрирует, что родовой принцип при создании дистанций частично учитывался, но не был абсолютным. В прилинейных дистанциях особенно часто наблюдалось смешение различных родовых групп, что было прямым следствием имперской политики ослабления крупных родоплеменных объединений через административное дробление.

При анализе пограничных зон дистанций между частями оказалось, что 13-я дистанция Средней части граничит с 20-й дистанцией Восточной части, в обеих дистанциях имелись местности против Подгорного отряда. По имеющимся данным, наименьшее количество хозяйств было расположено в 19-й дистанции (747 киб.). Наибольшее количество в 21-й дистанции (1884 киб.) и 26-й дистанции (2152 киб.).

Резюмируя вышеизложенное, и основываясь на сведениях архивных документов, следует выделить, что в 1831 г. были образованы прилинейные дистанции в числе 22, а в 30-х гг. открылись уже дистанции на Новой линии (№№23-27), отнесенные к особым дистанциям. Расположение прилинейных и степных дистанций можно проследить в таблице 2.5 в следующем порядке:

Таблица 2.5 – Расположение дистанций на территории казахов оренбургского ведомства

Наименование частей казахов Оренбургского ведомства	Прилинейные	Итого	Степные	Итого	Особые	Общее количество дистанций
Западная часть	№1-8	8	№31, №52	2	№31	10
Средняя часть	№9–18, №23–27	13	№28–30, №54, №56, №57	6	№23–27, №54, №56	19
Восточная часть	№19–22, №26–27	6	№32–51, №53, №55	22	№53	28
Итого:		27		30	9	57

Ключевой функцией системы был фискальный контроль. Начальники дистанций отвечали за ежегодный учет кибиток и сбор податей. Данные 40-х годов показывают высокую эффективность этого механизма: общая сумма кибиточного сбора за 1837–1844 гг. превысила 293 тыс. рублей серебром. Конфликты, связанные с разделом крупных дистанций, как в случае с 8-й или 31-

й дистанциями, часто были обусловлены именно сложностью сбора податей с чрезмерно больших и отдаленных кочевых групп.

Система не просто заменила, а инкорпорировала и подчинила себе отдельные элементы традиционного управления. Султаны-правители, формально возглавлявшие части, на практике видели свою власть ограниченной растущим влиянием дистаночных начальников, которые отчитывались напрямую перед Пограничной комиссией. Институт управляющих родами, упоминаемый в документах, также был поставлен под надзор этой системы.

Проблема границы и спорные вопросы административного деления. Если рассматривать в контексте географической конфигурации, то следует сказать следующее. Разграничение Средней и Западной частей проходило от Илецкого городка вдоль рек Илек и Большая Хобда, далее по реке Темир через урочище Куктепсан до Аральского моря. Между тем, рубеж между Восточной и Средней частями был определен линией от Степной крепости через реки Карагай-Ата, Тогузак, Тобол и Джимкувар, примкнутые к Восточной части, и далее от реки Тобол в направлении озера Карсакбаши до первого бухарского ключа Киндерли. При разделении территории Младшего жуза на части возникает вопрос, как устанавливались границы между частями, дистанциями, как кочевали родовые группы по разделенным дистанциям и местностям? Установление границ между частями Оренбургского ведомства (Западной, Средней, Восточной) и дистанциями внутри них было сопряжено с трудностями. Анализируя делопроизводственную переписку, рапорта и донесения султанов-правителей региональной администрации по данному вопросу, в этом ключе следует отметить, что бывали случаи и спорные в пограничных вопросах. Несмотря на формальное разграничение, были случаи самовольной перекочевки казахов через установленные рубежи, что порождало конфликты, беспорядки и срывало административные предписания [123, л. 1]. Так, для урегулирования пограничных вопросов границы пытались привязать к естественным ориентирам, таким как устье р. Хобда или линия от Илецкого городка [124, л. 8].

Территория казахов оренбургского ведомства размежевалась с учетом родового состава населения и сфер влияния султанов-правителей. В результате Западная, Средняя и Восточная части существенно различались как по площади занимаемой территории, так и по численности населения. Центрами учрежденных административных единиц были определены: форпост Затонный – для Западной части, станица Изобильная – для Средней и станица Усть-уйская – для Восточной части. Согласно отчету о границах оренбургских казахов за 1838 год, численность казахов оренбургского ведомства составляла до 200 тысяч кибиток. Количество людей доходило до 1 миллиона человек. В Восточной части оренбургских казахов проживало 90837 человек, 18876 кибиток, в Средней части проживало 52330 человек, 22205 кибиток, а в Западной части - 76000 кибиток. Согласно сведениям, содержащимся в отчёте о границах оренбургских казахов за 1838 год, южная граница их расселения на тот момент не имела чёткого определения. Однако, поскольку в 1734 году казахский народ обратился с просьбой о принятии в подданство Российской империи, предполагалось, что

территории, находившиеся в пользовании казахов, подлежали включению в состав империи. К числу таких территорий относились, в том числе, города Туркестан и Ташкент.

В дальнейшем южный рубеж территории обозначен был по руслу реки Сырдарьи, вдоль южного побережья Аральского моря, а также охватывал степные пространства, простиравшиеся от хивинских владений до побережья Каспийского моря, которое рассматривалось как западный предел казахских кочевий. В пределах указанной территории проживали также каракалпаки и туркмены, которые впоследствии также приняли российское подданство. Отмечается, что даже в самой Хиве проживало казахское население, а управление ханством осуществлялось казахскими ханами, состоявшими в подданстве Российской империи. В результате соглашения между оренбургским военным губернатором и генерал-губернатором Западной Сибири в 1837 году, на основании положения Комитета министров, было получено высочайшее соизволение на разграничение земель между оренбургскими и сибирскими казахами.

Проведение границы началось в 1840 году и осуществлялось от Красного столба, расположенного между редутами Алабужским и Сибирским, до Кираутского брода. В 1841 году граница была продолжена до вершин Карын-Салды-Тукая (Турая, Турал), а в 1842 году - от данного пункта до горы Майтобе. Таким образом, линия разграничения земель сибирских и оренбургских казахов протянулась вглубь степи на расстояние 945 вёрст. По донесениям линейных начальников, в зимний период 1842–1843 годов вдоль всей линии Оренбургского ведомства, включая район Ново-Александровского укрепления на Каспийском море, было размещено 19669 кибиток. Численность мужского населения составляла 33496 человек, женского - 33059 человек. Общая сумма кибиточного сбора за право кочевания за период с 1837 по 1844 гг. достигла 293668 рублей 62 копейки [125]. Поступление денежных средств с 1837 года по 1844 год в казну региональной власти показано в таблице 2.6.

Таблица 2.6 – Общая сумма поступлений в казну за 1837–1844 гг.

Год	Сумма
1837 г.	23259 рублей 67 копеек
1838 г.	17044 рублей 46,5 копеек
1839 г.	19773 рублей 26 копеек
1840 г.	14954 рублей 42 копейки
1841 г.	57687 рублей 35 копеек
1842 г.	72295 рублей 45 копеек
1843 г.	88653 рубля 98 копеек
1844 г.	546 рублей 51 копейка
Итого	293668 рублей 62 копейки

Относительно вопроса границ, немалые сведения дает исследователь Ксенжик Г.Н. в своем исследовании по исторической географии степных районов. В работе автор указывает о границе между Средней частью и Восточной частью Области оренбургских казахов, которая простиралась от Степной станицы до бухарского ключа Киндерлы, через реки Тогузак, Тобол и Сырдарья. Ксенжик Г.Н. в своем труде по исторической географии степных областей описывает расположение дистанций следующим образом: в период с 1831-1841 гг. было учреждено 31 дистанция. В апреле 1841 года административная сеть расширилась еще на 10 дистанций (с №32-по №41), сформированных из 3000 кибиток казахов из рода аргын Среднего жуза, перешедших из Сибирского в Оренбургское ведомство после проведения размежевания. К 1845 г. общее число дистанций достигло 51, из которых 22 примыкали к старой линии, 5 – к новой линии, а 24 дистанции располагались в степных районах. В 1847 г. были учреждены еще 4 дистанции (с №№52 – 55). Последующее расширение произошло в 1848 г., когда у укрепления Карабутак была создана 56-я дистанция, расположенная вдоль рек Орь, Талды, Ашебулак, Мендыбай, Кайрайкам, Тулькубас [30, с.100-101].

В конце 40-х годов XIX века в Западной части степи было расположено 8 дистанций, в Средней части – 20 и в Восточной части располагалось 28 дистанций. В декабре 1850 г. была учреждена 57-я дистанция, в состав которой вошли 1334 кибитки кочевого населения, кочевавшего в бассейнах рек Большая и Малая Хобда. В начале 50-х годов XIX века предложено ставки правителей перенести вглубь степи, а именно: правителя Восточной части около Оренбургского укрепления, Средней части около Эмбенского форпоста [30, с.102-103]. Иные сведения по хронологии создания дистанций и по дистаночному устройству в целом приводит исследователь Идрисов Р. А. В своей диссертационной работе по исторической географии Идрисов Р. А. не только характеризует географическое описание границ западного региона Казахской степи, разделенного на три (Западная, Средняя и Восточная) части в первой половине XIX века, но и отмечает, что помимо обозначения внешних контуров территории казахов Оренбургского ведомства, Российская империя стремилась разграничить внутреннее устройство Казахской степи. Основными причинами введения нового административного переустройства в Степи явились: необходимость в учете населения, сборе податей, наблюдении и контроле над поведением казахов. Функции охраны и контроля пограничной линии были возложены на особых почетных казахских старшин, которым поручалось осуществление надзора за поведением казахского населения и ответственность за вверенный им участок на линии от г. Гурьева до Бударинского форпоста. Автор по дистаночной системе управления дает географическое описание дистанций, их расположение, выявляет персоналии в лице дистаночных начальников некоторых дистанций (№1–5). Приводит также годы учреждения дистанций, к примеру, в 1831–1841 гг. было открыто 37 дистанций, в 1841 г. появилось еще 10 дистанций, к 1845 г. действовало 51 дистанция, среди них степные – 24, прилинейные – 27. Далее были учреждены

в1847 г. дистанции №52–55, в 1848 г. была открыта 56-я и в 1850 г. – 57-я дистанция. На 1857 г. существовало 57 дистанций, из них 32 являлись прилинейные. Важно отметить, что автор также дает сведения о жаловании начальников дистанций, разделенных на разряды, приводя при этом количество дистанций по разрядам: 1-го, 2-го и 3-го разрядов, 14, 13 и 27 соответственно. Приводя географическое описание дистанций, автор среди указанных им 24 степных дистанций описывает расположение лишь части из них, так им описаны дистанции №28–30, №31, №56, №57. Примечательно, что автор дает описание не только дистаночной системе управления, но и приводит другие элементы управления как институты управляющих, попечителей, а также дает сравнительный анализ политико-административному и территориальному устройству казахов оренбургского ведомства и Внутренней Орды [85, с.18-25]. В 1859 г. была произведена реорганизация военного укрепления Оренбургского края. Область оренбургских казахов была подчинена МВД, а Сырдарьинская линия подчинена МИД. Площадь оренбургского ведомства достигала 834894 кв. верст, почти вся площадь оренбургских казахов входила в часть Аралокаспийской котловины, ограниченной на севере предгорьями южного Уральского хребта. На востоке хребтами Улутау и Каратау, на юге Усть-Уртом. К Восточной части ведомства, пограничной с Областью сибирских казахов, относились покатости Улытау и Каратау. В 1865 г. Область оренбургских казахов была преобразована с разделением на две административные единицы – Уральскую и Тургайскую области. Согласно карте «Туркестана и части русских владений в Средней Азии», составленной Ю. М. Шокальским, в состав Уральской области вошли земли Уральского казачьего войска, Западная часть и небольшая территория Средней части Области оренбургских казахов. Тургайская область включала остальные части Области оренбургских казахов. На основании «Карты пространства между Сыроем и Яны Дарьею» в 1865 г. из сырдарьинской линии и из всего пограничного пространства со Среднеазиатскими владениями, от Аральского и до озера Иссык-Куль, была образована Туркестанская область. Рубежи Туркестанского округа определялись Тарбагатайским хребтом и его отрогами до границы Семипалатинской области. Далее разграничительная линия продолжалась до озера Балхаш, проходя через его середину, откуда прямым направлением следовала к реке Чу, далее к реке Сары-Су. Разграничение с территорией Оренбургского генерал-губернаторства было проведено на основании разграничительного акта от 24 июня 1866 г., составленного на съезде старшин казахского народа.

Таким образом, создание, организация и траектория дистанций осуществлялись на базе территориальной определенности населения. Смешение же родовых групп произошло в значительной степени в прилинейных дистанциях. Распределение родовых групп и их кочевий не было равномерным по всем дистанциям и местностям. Для более точного и ясного определения расположения дистанций и разграничения местностей и приграничных зон требуется тщательное изучение географии территориального пространства Оренбургского ведомства и архивных материалов и документов.

Выводы

Дистаночная система, введенная в 1831 году, стала основным инструментом имперского административного освоения Младшего жуза в первой половине XIX века. Ее создание было закономерным этапом углубления колониальной реформы после ликвидации ханской власти и разделения жуза на части. Система эффективно решила задачи фискального учета, полицейского контроля и стабилизации приграничной полосы.

Внедрение дистаночной системы представляло собой административную политику империи, направленную на колонизацию и интеграцию Казахской степи. Эта система позволила установить постоянный контроль над кочевым населением и его ресурсами, трансформировать традиционные политические структуры. Исследование географической локации, типологии и динамики создания дистанций подтверждает их ключевую роль как инструмента территориального управления в процессе имперского строительства.

Развитие системы шло по пути от контроля периметра (прилинейные дистанции) к контролю внутренних территорий (степные дистанции), что отражало прогрессирующее утверждение имперской власти в степи.

Типология дистанций (прилинейные, степные, особые) демонстрирует гибкость и адаптивность имперского управления к разным географическим и политическим условиям разных частей оренбургского ведомства.

Несмотря на частичный учет родовой структуры, система объективно работала на ее эрозию, особенно в прилинейных районах, способствуя формированию территориальной, а не родоплеменной идентичности подданных.

В целом, административная политика в Степи в форме проведения дистаночной системы сопровождалась не только ликвидацией традиционной ханской власти, но и внедрением новой политической системы, появлением локального административного аппарата управления на новом уровне на территории Степи в первой половине XIX века. Устанавливались прямые контакты с Российским правительством в деле решения вопросов административно-территориального плана. По сути, дистаночная система управления была организована и реализована в целях постоянного урегулирования отношений и поддержания порядка в Казахской степи.

Встраивая традиционную элиту (султанов, старшин) в качестве низовых агентов управления на фиксированном жаловании, империя трансформировала ее социальный статус, превращая из независимых правителей в подконтрольных чиновников.

Таким образом, дистаночная система заложила прочный административно-территориальный фундамент для последующих преобразований (образование Уральской и Тургайской областей в 1865 г.) и стала ключевым механизмом интеграции казахского кочевого общества в политико-правовое поле Российской империи. Результатами исследования являются определение количества дистанций и числа местностей в дистанциях, определение типа дистанций и соотнесения их по типу в Западной, Средней и

Восточной частях оренбургского ведомства, выявление географической локации дистанций и местностей, выявление имен начальников дистанций, определение расселения казахских родовых групп и маршрута их кочевок во всех частях оренбургского ведомства. На основании анализа архивных документов и материалов по географической локализации дистанций и местностей было выявлено следующее:

В Западной части казахов оренбургского ведомства, где был султан-правитель, полковник и кавалер, султан Баймухамед Айчуваков, были расположены дистанции с № 1 по №8, №31, №52, в этой части было расположено 10 дистанций, 61 местность.

В Средней части казахов оренбургского ведомства, где правил султан-правитель Араслан Джантюрин, располагались дистанции №9-18, с №23-25, №28-30, №54, №56-57, в итоге было 19 дистанций и 89 местностей.

В Восточной части казахов оренбургского ведомства при управлении Ахмеда Джантюрина, в ведомстве находились дистанции с №19 по №22, № 26–27, №32–51, №53. №55, были учреждены 28 дистанций и 87 местностей [126, л.10-12].

Таким образом, на территории казахов оренбургского ведомства в первой половине XIX века было учреждены 57 дистанций, назначены 144 дистаночных начальников, созданы 237 административных единиц (местностей) и назначены 298 местных начальников.

3 ДИСТАНОЧНЫЕ И МЕСТНЫЕ НАЧАЛЬНИКИ: ФУНКЦИИ, СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

3.1 Механизм назначения дистаночных и местных начальников

Практика назначения начальников дистанций и местностей в системе управления казахским населением оренбургского ведомства в первой половине XIX века представляла собой многоуровневую процедуру, отражавшую как административную иерархическую вертикаль власти, так и элементы традиционной социальной организации. Процесс назначения на административные должности на территории казахов Оренбургского ведомства дистаночных и местных начальников представляет собой репрезентативную модель имперской системы управления в пограничных зонах. Механизм назначения начальников, определявшийся не только инструкциями из центра, но локальным управлением на практике являлся полем постоянного взаимодействия между центром, региональной администрацией и казахской знатью. Процесс рекрутирования и утверждения кандидатов был иерархизирован и включал последовательное участие местных и региональных органов управления.

Исходя из анализа архивных документов можно увидеть, что инициатива при подборе кандидатов исходила снизу, что учитывало принцип влияния в степи, авторитета в казахском обществе. Кандидатуры дистаночных начальников выдвигались султанами-правителями, которые затем ходатайствовали об их утверждении в Оренбургской пограничной комиссии и «испрашивали по этому предмету предписания» [127, л. 5–5 об.]. Кандидатуры местных начальников предлагали дистаночные начальники, затем дистаночные начальники ходатайствовали о назначении местных начальников в своем прошении султану-правителю, далее султан-правитель направлял рапорт в Пограничную комиссию об утверждении того или иного местного начальника [128, л. 12–13].

Обоснование принципов назначения дистаночных и местных начальников было четко сформулировано в докладной записке чиновника Пограничной комиссии, статского советника Н.С. Любимого управляющему министерством иностранных дел Л.Г. Сенявину от 25 июня 1846 г.

В докладной записке подчеркивалась необходимость опоры на родоначальников, начальников отделений и подотделений, обладавших «естественным влиянием и уважением» в кочевом обществе. Использование их посредничества облегчало бы правительству решение задач, связанных со сбором податей и исполнением иных распоряжений, поскольку именно они располагали сведениями о материальном положении и нуждах каждого казаха. В задачи так называемых «естественных начальников», определяемых в дистаночные и местные начальники, входило не только учет числа количества хозяйств каждого района, но и определение места для сезонных кочевий. В докладной записке ставился вопрос и о назначении жалования начальникам, так

как отсутствие вознаграждения приводило к уклонениям от обязанностей в исполнении службы или исполнению их начальниками без всякого усердия. Это было вызвано отсутствием возмездия за их труды. В качестве решения предлагалось ввести градацию дистанций по разрядам, от которых напрямую зависел бы размер оклада [129]. Этот документ отражает осознание имперской властью того, что эффективность института посредников зависела от его интеграции в имперскую бюрократическую систему материального стимулирования.

Реальная практика назначений на должности, реконструируемая по архивным материалам, демонстрировала как соблюдение установленного порядка, так и адаптацию под конкретные обстоятельства.

Более того, следует выделить, что при назначении или перемещении лиц на должности существовала практика передачи дел по должности, печати, наставления (инструкции по должности) новому назначенному лицу, он же должен был донести Пограничной комиссии о вступлении в должность, приеме дел, наставлений и печати вышестоящему начальству.

Процесс увольнения дистаночных и местных начальников происходил следующим образом: согласно рапорту султана-правителя Западной части, сотника Баймухамеда Айшуакова (1830–1847 гг.) председателю Пограничной комиссии генерал-майору и кавалеру Г.Ф. Генсу об увольнении султана Табылды Шахгазиева от должности начальника 2-й дистанции по старости лет и «по неопытности своей к исправлению должности вовсе негодный». В рапорте султан Баймухамедов просил сделать распоряжение об освобождении его от должности и об избрании на место его другого достойного казаха. В ответ на рапорт Пограничная комиссия предложила избрать начальника 2-й дистанции другого способного казаха и донести Комиссии на утверждение.

Между тем, вместо уволенного по старости лет от должности начальника 2-й дистанции линейных казахов султана Табылды Шахгазина по распоряжению султана-правителя Западной части, полковника Баймухаммеда Айшуакова был назначен для временного исправления должности султан Абиль Табылдин. Примечателен тот факт, что и уволенным от должности, и вновь назначенным лицам направлялись предписания в виде уведомлений об увольнении или назначении на должность. Такие же предписания были даны Шахгазину и Табылдину, первому насчет его увольнения и о передаче имеющихся у него наставлений и печати Табылдину, а последнему о принятии их и вступлении в должность; но сын и помощник Шахгазина султан Абиль Табылдин умер, вместо него избран был кочующими в той дистанции казахами султан Джумагалий Абилев. О назначении в помощники Джумагали Абилева, сына Абиля Табылдина, внука султана Табылды Шахгазина просил сам султан Табылды Шахгазин, характеризуя его расторопным и способным к исправлению обязанностей по службе, грамотным и избранным казахами [130, л. 5-7].

Типичным случаем стандартной процедуры назначения было замещение должности вследствие смерти, болезни или неисполнение обязанностей начальника.

В качестве примера назначения дистаночных и местных начальников можно привести архивные материалы из Фонда № 4 ЦГА РК (Областное правление оренбургскими казахами). В архивном документе №1651 содержатся сведения о прошении об утверждении в должности местного начальника Туккуджи Чалабаева султаном-правителем Восточной части Ахмедом Джантюриным у Пограничной комиссии вместо бывшего начальника Куджам-Яра Кинебаева, заведовавшего подотделениями 42-й дистанции в Восточной части Караман, Кушук, Куттук, из-за не исправления обязанностей Кинебаевым по причине болезни. Вследствие чего Пограничная комиссия утвердила Т. Чалабаева в должности местного начальника [128, л.1-3].

В феврале 1861 года султан-правитель Восточной части области, войсковой старшина, султан Ахмет Джантюрин ходатайствовал в Областное правление оренбургскими казахами о назначении и утверждении султана Рустема Бабагалиева начальником 51-й дистанции, в которой кочевали казахи рода алтын близ реки Сырдарья в Восточной части Области оренбургских казахов вместо умершего зауряд-хорунжего Баймухаммеда Бабагалиева. При представлении кандидата на определенную должность султаном-правителем составлялся формулярный список о том или ином кандидате и передавался в Пограничную комиссию для рассмотрения кандидатуры. Так, к рапорту А. Джантюрина прилагался подробный список-характеристика на султана Рустема Бабагалиева – стандартный (типовой) документ, включавший сведения о возрасте (25 лет), характере («скромный»), имущественное положение («посредственное»), грамотности («знал татарскую грамоту»), маршрутах кочевий (летом кочевал между рр. Сырдарья, Тургай и Тобол, а зимой - на Сырдарье), а также данные о неучастии в экспедициях и об отсутствии судимости и наград. В ведомости его было 306 кибиток.

После наведения справок в архиве Областного правления, подтвердившего благонадежность кандидата, султан Рустем Бабагалиев был утвержден в должности начальника 51-й дистанции и внесен в «книгу о должностных ордынцах» [131, л. 5].

Аналогичная процедура замещения прослеживается в деле о назначении бия Мирхайдара Яраспаева начальником 43-й дистанции в 1865 году после смерти бывшего начальника хорунжего Байсакалова. Султан-правитель Восточной части Области оренбургских казахов, подполковник Ахмет Джантюрин в июле 1865 года донес в Областное правление оренбургскими казахами, что казахи 43-й дистанции остались без надзора, потому до избрания и утверждения начальника, он поручил бию Мирхайдару Яраспаеву принять все письменные дела, инструкцию, казенную печать покойного начальника Байсакалова и управлять дистанцией. Кроме того, представил в Областное правление «список по форме», составленный управлявшим родом жаппас. По наведенной справке в делах Областного правления никаких неблаговидных дел о Яраспаеве не оказалось. Под судом и следствием он не состоял. После стандартной проверки, не выявившей «неблаговидных дел», кандидатура его была одобрена. Согласно ходатайству султана-правителя Ахмеда Джантюрина

бий Мирхайдар Яраспаев был утвержден в должности начальника 43-й дистанции на место умершего Байсакалова и отмечен в «списке о должностных ордынцах» и показать в ведомости оренбургскому генерал-губернатору. Резолюция управлявшего областью была составлена 14 октября 1865 года с пометкой об исполнении 27 октября 1865 года султаном-правителем Восточной части Области оренбургских казахов [132, л. 6.].

Практика назначения дистаночных начальников.

Реальная работа дистаночной системы обеспечивалась низовыми администраторами – дистаночными и местными начальниками. Их назначение являлось полем взаимодействия и компромисса между имперской администрацией и казахской элитой. На эти позиции часто назначались султаны или авторитетные старшины, лояльные правительству, например, султан Узбек-Гали Нуралиев в 1-й дистанции, старшина Исенгильди Янмурзин в 4-й. Однако их власть была производной от имперской администрации, что подтверждается присягой на верность службе, утверждением кандидатур Пограничной комиссией и выплатой фиксированного жалования из казны.

Для данного исследования интерес представляет процедура замещения должности начальника дистанции в оренбургском ведомстве, а именно, вопрос о назначении султана Арслана Джантюрина. Представление об административных механизмах и критериях оценки эффективности местного управления того периода дает анализ рапорта, направленного управлявшим Средней частью оренбургских казахов, войсковым старшиной Юсуфом Нуралиевым в Пограничную комиссию. Согласно содержанию рапорта, инициирована процедура кадровых перестановок на 9-й дистанции, поскольку по инициативе султана-правителя начальник данной дистанции, надворный советник Тауке Айшуаков подлежал увольнению в связи с преклонным возрастом и невозможностью полноценного исполнения служебных обязанностей. Кандидатом же был на эту должность Арслан Джантюрин, кочевавший в районе реки Илек.

В 1840-х годах в своем рапорте Ю. Нуралиев представил аргументы по неэффективности работы начальника Т. Айшуакова и ходатайствовал об его увольнении и назначении вместо него А. Джантюрина: «В Средней части начальник 9-й линейной дистанции, надворный советник султан Тауке Айшуаков в последнюю поездку мою в аулы, расположенные по р. Илек для сбора верблюдов [для участия в экспедиции в Хиву], нисколько не содействовал мне в этом случае, хотя ему и было от меня предложено; предписания мои и по другим предметам оставались с его стороны безуспешными, на что он отзывается, что по старости лет своих не может исполнять никаких поручений».

Представленный документ является важным историческим источником, который демонстрирует практику инициации кадровых изменений по инициативе султана-правителя с последующим утверждением Пограничной комиссией, это говорит о том, что султаны-правители напрямую принимали участие в рекрутинговой системе. В качестве отстранения от должности фигурирует не проступок, а объективный фактор – преклонный возраст, ведущий

к профессиональной непригодности, что отражает стремления администрации к поддержанию эффективности и функциональности аппарата управления в казахской степи. В этом деле играет роль и

Между тем, на рапорт войскового старшины, султана Юсуфа Нуралиева Пограничная комиссия ответила, что «…из уважения к долговременной службе султана Тауке и по чину [его] Комиссия находит неприличным удалить его от должности дистаночного начальника, но так как он не может исполнять по старости лет поручения, к нему помощником определить Арслана Джантюрина». «… О чем и предписать султану Юсуфу Нуралиеву с тем, чтобы он приказал султану Джантюрину исправлять должность дистаночного начальника и об исполнении сего донес Комиссии».

Вследствие этого, управлявший Средней частью султан Юсуф Нуралиев приказал султану Арслану Джантюрину стать «помощником дистаночного начальника 9-й линейной дистанции султана Тауке Айшуакова и исполнять все обязанности, относящиеся к должности дистаночного начальника без малейшего упущения» [133, л. 6-8].

Данное дело является свидетельством того, что российская администрация не всегда прислушивалась к мнению султанов-правителей в деле назначения или перемещения кандидатов на должности. При назначении на должности учитывали чин и срок службы, в данном случае отметили долговременную службу султана Тауке Айшуакова. Тот факт, что Пограничная комиссия не уволила с должности надворного советника, султана Т. Айшуакова, а назначила к нему в помощники кандидата на должность дистаночного начальника, говорит об особом отношении и уважении к султану Тауке Айшуакову со стороны российской администрации. Такое решение демонстрирует, что такие факторы, как чин (Айшуаков был надворным советником – высокий гражданский чин) и продолжительность службы могли перевесить соображения оперативной эффективности, чтобы не подрывать лояльность высшего слоя казахской служилой знати.

Резюмируя вышеизложенное, рапорт султана-правителя Ю. Нуралиева иллюстрирует показательную практику административного управления, сочетавшую бюрократические процедуры с учетом местных социальных реалий.

В октябре 1866 г. исправляющий должность оренбургского генерал-губернатора генерал-майор Боборыкин санкционировал кадровые перестановки в системе управления казахской степью. Поручика султана Сейдалина 2-го утвердили чиновником для контроля в Степи, а его преемником в качестве помощника султана-правителя Восточной части области назначили подполковника Джигангерова, сохранившего обязанности начальника 53-й дистанции до реорганизации административного деления. Данные назначения демонстрируют интеграцию дистаночных начальников (руководителей территориальных участков) в общую систему управления, где они совмещали местные и региональные функции.

В январе-феврале 1867 г. завершилась передача дел: Сейдалин 2-й передал степные вопросы султану Джигангерову, а дела, относившиеся к прилинейным

дистанциям - управлявшему родом жаппас есаулу Бермухамеду Куланбаеву, что подчеркивало гибкость в распределении полномочий с учетом географической специфики. Процедуры передачи дел (с составлением описей) и совмещения должностей свидетельствуют о формировании многоуровневой административной модели, сочетавшей традиционные институты (султаны-правители) с имперским бюрократическим аппаратом. Эти механизмы, включая документооборот (акты приема-передачи), сохраняют актуальность в современном делопроизводстве. В этой связи можно отметить, что такая процедура сохранилась и по сей день. В современном делопроизводстве и документообороте — это *акт приема-передачи* дел между сотрудниками [117, л. 15].

Назначение по родственной линии или наследование должностей. Особенностью рекрутинговой системы было использование родственных связей. В механизме назначения существовала передача должности по наследству или в рамках родственного клана. Это отражало традиционные представления о власти, что могло конфликтовать с попытками бюрократизации имперской администрации. В ряде случаев по прошению действующего начальника его должность передавалась сыну, что объяснялось необходимостью сохранения преемственности управления. Вместе с тем подобные назначения сопровождались одобрением казахского населения, оформлявшимся в виде избирательных листов или приговоров. На практике назначения местных начальников можно отметить факт утверждения на должности сыновей дистаночных начальников. К примеру, начальник 11-й дистанции Кунгурбай Бутбаев ходатайствовал об увольнении местного начальника против Красногорского отряда Джильгильдия Бикеева на основании его прошения по состоянию здоровья и назначении вместо него сына его, Турмухаммеда Кунгурбаева, в результате чего Пограничная комиссия утвердила Турмухаммеда Кунгурбаева в должности местного начальника [134, л.2-5].

Архивные материалы содержат примеры, когда казахи подведомственной территории коллективно подтверждали согласие на назначение конкретного лица, указывая на его авторитет, знание обычного права и личные заслуги. Однако данные формы избрания имели юридическую силу лишь после утверждения Пограничной комиссией.

Несмотря на то, что при выборе и назначении на должности кандидатов учитывались лишь мнения должностных лиц – дистаночных начальников, султанов-правителей, управлявших родами, были практики избрания того или иного претендента казахами, кочевавшими на подведомственной территории. В качестве примера служит донесение султана-правителя Западной части оренбургских казахов Баймухаммеда Айшуакова в 1835 году с представлением рапорта местного начальника Байтюбета Сагындыкова. Согласно его донесению, Байтюбет Сагындыков, ссылаясь на преклонный возраст и собственное желание, просил утвердить вместо него сына своего Тайбугу Байтюбетева в должность местного начальника, приложив избирательный лист с согласием его кандидатуры от подведомственных казахов при Куш-Яицком форпосте на

рассмотрение Пограничной комиссии [135, л. 2-9]. В рапорте султану Баймухамеду Айшуакову от местного начальника Байтюбета Сагындыкова было указано следующее: «Имея отроду 75 лет считаю для себя обременительным управление порученными мне казахами и потому согласно выбору ордынцев поручив исправлять свою должность по данному мне наставлению сыну моему Тайбуге Байтюбетеву имею честь представить при сем на рассмотрение вашего степенства *избирательный лист* и покорнейше прошу об утверждении его в означенную должность и учинить распоряжение». Казахи отделения Джанбас рода Кердеры, в избирательном листе подписались: «Тайбуга по воле отца производил разбирательства между нами, и всякий раз сказывал справедливость, знает русский язык, весьма хорошего поведения и усерден к службе. Ибо он в 1823 г. на собственный счет выкупил из плена уральского войска казачку Зубовину и казанского татарина Габетуллина [136, л. 10-12.].

Еще одним примером служит рапорт султана-правителя Западной части казахов оренбургского ведомства султана Баймухамеда Айшуакова в Пограничную комиссию, в котором был представлен рапорт начальника 1-й дистанции прилинейных казахов султана Узбекгали Нургалиева и составленный кочевавшими около этой дистанции казахами избирательный лист. В рапорте султан-правитель ходатайствовал по случаю преклонности лет и слабости здоровья султана Узбекгали Нуралиева вместо него определить на эту должность согласно рапорту и выбору казахов султана Муртазагали Узбекгалиева.

В ответ на прошение Баймухамеда Айшуакова Пограничной комиссией в 1836 году было приказано султану-правителю, в связи с возрастом и болезнью султана Узбекгали Нуралиева назначить Муртазагалия Узбекгалиева на должность начальника 1-й дистанции и «вручить ему наставление, требуя о последующем уведомления» [137, л. 2-5].

Помимо избирательного листа существовала и практика одобрения казахами того или иного претендента на должность. В 1838 году по рапорту султана Чутая Бахтыгиреева в Оренбургскую пограничную комиссию по причине отсутствия на Новой линии против Константиновского укрепления местного старшины, казахи, кочующие там рода кыпшак отделения танабуга «дали одобрение в утверждение над ними местным старшиною однородца их Есаула Асана Акбердина». Одобрение было следующего порядка: «Мы нижеподписавшиеся кипчакского рода танабужинского отделения кочующие против Константиновского укрепления Новой линии почтенные бии и простые казахи [в оригинале – киргизы] сим удостоверяем, что по неимению в нашем отделении местного старшины от чего встречается частое затруднение и более к защите нашей, Мы избрали в местные старшины есаула Асана Акбердина которого и желаем по обоюдному согласию иметь над нами местным старшиною. В удостоверении чего подписали и приложили тамги: старшина Утемис Талбулдинов, бий Маден Казыбаев, Турлугул Япаков, Тумамбай Караменов, Есаул Елгондо Алчанов, Карагуз Болванов, Аккужа Кулмагужанов, Шалдыбай Назарбаев» [138, л. 40-41].

Однако такая практика не была безусловной. Внимание заслуживает конфликтный случай с местным начальником Казыбаем Саванбаевым в 1857-1858 годах, который иллюстрирует, как «приговор» (решение) рядовых казахов мог оспорить преемственность власти.

В апреле 1857 года казахи рода керей в ведомстве местного начальника против Озерного отряда в Восточной части в числе 32 человек составили приговор, в котором изложено, что местный начальник старшина Саванбай Бикбулатов по состоянию здоровья и преклонности лет обязанность свою поручил родному сыну Казыбаю Саванбаеву. Из приговора следует, что казахи ему подчинялись и не уклонялись, но между тем отметили, что Саванбаев Казбек, управлявший за больного отца около 4-х лет, допускал злоупотребления: незаконные поборы, вымогательство, избиения. Они просили устранить его, минуя начальника 22-й дистанции.

В Приговоре также отмечено, что «Саванбаев часто ездил по аулам и влинейные селения совершенно не по делам службы, а по надобностям своим. Не говоря о том, что он сам ездит на наших лошадях, но и бывшие при нем 3-4 человек взимают наши лошади и делали дерзкие поступки, что заметно было, как он казаху Детебаю Койбакову нанес значительные побои, который вовсе не состоял в его ведомстве, а принадлежал старшине Баимбету Алибекову. Просим по приговору учинить распоряжение к ограждению нас от обид Саванбаева, от каковых он при подобной должности до глубокой старости себя не удержит и известить нас».

По донесению есаула султана М. Джантюрина, «вследствие удостоверения в справедливости жалобы казахов 22-й дистанции оказалось, что все претензии никакими доказательствами со стороны просителей не подтверждены и сами они, убедившись в бездоказательности жалоб своих, оставили их. Они желали одного, чтобы Казыбай не был местным начальником. Впоследствии же допущен был внук Саванбая Бикбулатова Мурат Мурзабакин. По предписанию Пограничной комиссии от 21 апреля 1858 года казах Кунту Исенгельдин был утвержден в должности местного начальника, потому все претензии к Саванбаеву оставлены без последствий [139, л. 5-7]. Этот пример демонстрирует важную роль общественного мнения казахов как фактор влияния на административные решения.

Следующим поводом к назначению местного начальника является факт смерти бывшего местного начальника и назначение на его место другого начальника. Данную тенденцию можно проследить на примере архивного документа о назначении местного начальника Буздакова. Согласно архивным материалам, были доставлены сведения в Пограничную комиссию от начальника 7-й дистанции по форме о казахах Кусуме Улдигулове (Ундеганове) и Бюйре Буздакове на должность местного начальника против Иртецкого форпоста и с прошением об утверждении одного из них, преимущественно Буздакова. Форма включала сведения о состоянии, поведении, возрасте, местах кочевок, влиянии в обществе. В результате Буздаков был утвержден в должности местного начальника.

О кадровых перестановках среди чиновников также свидетельствует тот факт, что в 21-й дистанции Восточной части оренбургских казахов в период с 1841г. по 1844 г. должность дистаночного начальника занимал Каракожа Каракаев, в период 1832-1841 гг. он занимал должность местного начальника против Крутоярской станицы. Это свидетельствует о том, что, будучи частью служилого аппарата административного управления, местный начальник в силу усердной и отличной службы мог быть переведен в должность дистаночного начальника, что говорит о наличии должностного роста в системе управления.

Конфликты в подведомственности в процессе выдвижения кандидатур. Рекрутинговая система часто становилась ареной конкуренции за влияние между разными уровнями власти. К примеру, конфликт 1842–1844 гг. вокруг назначения местных начальников по р. Илек. В феврале 1842 года начальник 11-й дистанции старшина, хорунжий Кунгурбай Бутбаев направил представление напрямую в пограничное начальство, выразив мнение о необходимости учреждения новых местностей, ссылаясь на «большое притеснении в подконтрольных местностях по р. Илек и речкам Каргалы». В докладной записке самостоятельно предложил 5 кандидатов на должности новых местных начальников: от устья Большой Каргалы до урочища Терис-Бутак и горы Жулан-Тау оставить местным начальником Турдали Чикабаева, от впадения Жаман Каргалы до вершин ее бия Биктургана Акмуртова, от устья большей Каргалы до Аши-Бутака и Илек оставить местным начальником бия Минбая Сегизбаева, от урочища Терес-Бутак и горы Жулан-Тау до речки Кызыл-Там определить местным начальником бия Менды Маматова, с Аши-Бутака до вершин реки Илек назначить старшину Юсуфа Нысанбаева. Упомянутые местные старшины должны были состоять в 28-й дистанции.

Между тем, в октябре 1842 года Пограничная комиссия обратилась к исправлявшему должность султана-правителя Средней части, султану Арслану Джантюрину с тем, чтобы он в скором времени исполнил предписание Комиссии от 20 марта 1842 года относительно доставления сведений: полагаете ли он нужным определить вышеуказанных местных начальников.

В свою очередь, исправлявший должность султана-правителя Средней части в своем рапорте в Комиссию возразил. Он согласился с необходимостью назначения новых трех местных начальников, но настаивал на своем исключительном праве как султана-правителя на личное усмотрение кандидатов, прося утвердить лишь двух предложенных им лиц, а именно, почетного бия Биктургана Аксакалова и старшину Юсуфа Нысанбаева. Кроме того, султан-правитель отметил: «без его личного или народного выбора, ни по чьему ходатайству не определять нигде местных начальников». В октябре 1843 года об утверждении местным начальником почетного казаха Юсуфа Нысанбаева над казахами, кочевавшими от устья р. Аши-Бутак до урочища Кок-Тубек, обращался в Пограничную комиссию и начальник 28-й дистанции Буранбаев [140, л. 1-2; 8-9 об.].

21 января 1844 года султан-правитель Средней части донес пограничному начальству, что избранный им в местные начальники над казахами, кочевавшими

от впадения Жаман Каргалы до вершин ее, бий Биктурган Аксакалов умер от болезни. Также просил о назначении вместо него известного в поведении, так и в расторопности Султан-Галия Тунгачина. В результате прошения султана-правителя Средней части и на основании сбора необходимых сведений от правителя Средней части утвердила в местные начальники Юсупа Нысанбаева и вместо бия Биктургана Аксакалова - Султан-Галия Тунгачина [141, л. 12]. В результате, Пограничная комиссия, получив положительные характеристики на Юсуфа Нысанбаева и от дистаночного начальника, и от султана-правителя А. Джантюрина, утвердила его. После смерти Аксакалова на его должность был утвержден Султан-Галий Тунгачин, предложенный А. Джантюриным. Данные обстоятельства наглядно иллюстрируют, как имперская администрация вынуждена была лавировать между инициативой начальников дистанций и авторитетом султанов-правителей, чья лояльность начальству и влияние на элиту были стратегически важны.

Роль управляюших родами в рекрутинговой системе. В рекрутинговой системе местных начальников была еще одна особенность - отбирать и определять кандидатов на должности могли не только дистаночные начальники и султаны-правители. В ряде случаев, важную роль в выдвижении кандидатов играли и управлявшие родами. Свидетельством этому служит рапорт управлявшего родом Жагалбайлы султана Мирхайдара Темирова в Оренбургскую пограничную комиссию. В своем рапорте султан Мирхайдар Темиров донес Пограничной комиссии о том, что местный начальник против Петровской станицы Куджан Кутманаев умер по причине болезни и его должность поручил почетному казаху отделения Урмантай Усену Кутманаеву.
По рапорту управлявшего родом Жагалбайлы султана Мирхайдара Темирова об определении Усена Кутманаева местным начальником против Петровской станицы вместо умершего Куджана Кутманаева, Пограничная комиссия утвердила данную кандидатуру и назначила его местным начальником [142, л. 2-3.].

Интерес вызывает и процесс назначения бия Уразбаева на должность местного начальника в апреле 1841 года тем, что в процессе увольнения и назначения начальников также задействован управлявший родом Жагалбайлы султан Мирхайдар Темиров. Местный начальник против Орской крепости, старшина Алченбай Айбашев обратился в Пограничную комиссию с рапортом об увольнении его от должности из-за болезни и преклонности лет. В свою очередь, Пограничная комиссия, известив о рапорте местного начальника Айбашева, предложила управлявшему родом Жагалбайлы султану Мирхайдару Темирову «избрать на место его кого-нибудь известного хорошего поведения и донести Пограничной комиссии на утверждение». Согласно тем правилам делопроизводства местному начальнику полагалось дать уведомление о том, когда будет избран на его должность другой, тогда местный начальник получит увольнение от занимаемой должности.

После донесения султана Мирхайдара Темирова в Пограничную комиссию в июле о том, что считает достойным определить местным начальником бия

Ударбая (Узарбая) Уразбаева, Пограничная комиссия, уволив Айбашева от должности местного начальника, назначила на место его бия Уразбаева. Уже в августе Комиссия уведомила о новом назначении бия рода Жагалбайлы Уразбаева, султана Мирхайдара Темирова, начальника 14-й дистанции, коменданта Орской крепости и бывшего местного старшину Айбашева [143, л. 5-7].

Еще одним свидетельством в построении механизма назначения, в частности, в логике смещения одних должностей другими служит рапорт, представленный в деле № 2190. Согласно документу, в 1840 году заседающий родом Жагалбайлы поручик Ивашкевич по рапорту начальника 18-й дистанции зауряд-хорунжего Назарова ходатайствовал о назначении казаха Альдиберду Рыскулова местным начальником против Верхнекизильского отряда, вместо уволенного по состоянию здоровья и преклонности возраста Ильчибая Байбулатова [127, л. 2-12]. Вследствие ходатайства поручика Ивашкевича Пограничная комиссия предписала наставление, печать и дела забрать у И. Байбулатова и выдать их А. Рыскулову с подпиской его о получении их, которую должны были доставить в Пограничную комиссию. Это являлось важным элементом процедуры передачи дел от одного начальника к другому, когда новый начальник получал письменные дела, инструкцию (наставление), казенную печать от бывшего начальника, о получении которых он давал расписку Пограничной комиссии. Факт передачи подтверждался рапортом. Согласно правилам делопроизводства, уведомление об увольнении начальника и назначение другого направлялось султану-правителю для сведения. Данный пример назначения отражает гибкость системы, позволявшей разные каналы выдвижения в зависимости от конкретных обстоятельств. Такая бюрократическая практика служила инструментом фиксации и легитимации ответственности [144, л. 52; 127, л. 7].

Таким образом, из всей переписки между должностными лицами можно пояснить о существовании подведомственной иерархии в подаче рапортов, прошений и уведомлений в конечный пункт - Пограничную комиссию. Местный начальник подает рапорт или прошение начальнику дистанции, дистаночный начальник подает рапорт султану-правителю, заведующему (коменданту), далее производится ходатайство о том или ином мероприятии на основе всех рапортов, и все рапорта и прошения передаются в пограничное начальство [127, л. 18–20].

Реорганизация и сокращение административного аппарата. В 60-е годы XIX века начался процесс оптимизации управления. В рекрутинговой системе местных начальников была практика сокращения начальников. Сокращение местных начальников произошло в период 1864–1865 гг. в 26-й дистанции. В октябре 1863 года попечитель ново-линейных дистанций Панов, констатировав, что в 26-й дистанции шесть местных начальников управляли всего 278 кибитками, предложил упразднить четыре старшинств как отягощение для казахов и очаги злоупотреблений.

Оренбургский и самарский генерал-губернатор в декабре 1863 года дал разрешение Областному правлению на сокращение количества местных

начальников, которые не приносили пользы и служили отягощением для казахов. В июне 1865 года начальник 26-й дистанции зауряд-сотник Наурызбай Казыбаев донес в Областное правление о том, что на основании предписания султана-правителя Восточной части, он включил упраздненные местности против Еленинского и Владимирского отрядов в местность против Княженского отряда в ведомство Турсунбека Кунанова. Местности против Георгиевской и Константиновской станиц включены были в местность против Ольгинского выселка в ведомство Карабулата Янатаева. Также он передал три султанские печати упраздненных Еленинского, Георгиевского отрядов и станицы Константиновской в Областное правление на уничтожение, а печать Владимирского отряда была передана местному начальнику Кунанову из-за утери [145, л. 7–9.]. Этот процесс отражал не только оптимизацию управления, но и эволюцию от экстенсивного создания мелких административных единиц к их консолидации.

В 1862 году встал вопрос о назначении местного начальника для управления казахами рода Адай и других родов, а также туркменами, кочевавшими близ Александровского форта. Хотя практика управления казахскими родами осуществлялась по родовому принципу, назначение местного начальника близ вышеуказанного форта было сделано с целью сосредоточения в одном лице власти над казахами разных родов, кочевавших близ Александровского форта, на полуострове Мангышлак и Бузачи. Необходимость в назначении было обусловлено затруднениями со стороны начальства в практике обращения с разными требованиями и поручениями из-за смешанного кочевания в этих местах казахов различных родов, а также неисполнительностью управлявших родами в поручениях начальства. В обязанности местного начальника входило разбирательство жалоб и ссор, возникавших между туркменами и торговавшими в форте армянами, и прочими сословиями на базаре Александровского форта, поскольку там съезжались разные купцы в большом масштабе. Постоянно находясь возле форта, он мог доставлять сведения коменданту форта о разных происшествиях в степи, предупреждать его о замышляемых адаевцами и туркменами беспорядках и, наконец, раскрывать места укрывательства преступников для их захвата. По мнению начальства, такой местный начальник не лишился бы отличительного внимания к нему высшего начальства, дорожил бы своей должностью и служил бы с особенным усердием. Однако, этот местный начальник оставался без подробной инструкции о круге его действий, а также не был обозначен район подчиняемой ему местности. В связи с этим, он часто не мог исполнять требования начальства, так как управлявшие родами препятствовали ему в этом, а потому не мог принести всей ожидаемой пользы. В связи с вышеизложенными обстоятельствами, управлявший областью оренбургских казахов Л.Ф. Баллюзек в рапорте от 9 марта 1866 года оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому предложил для придания ему более важного влияния и веса среди казахов переименовать его должность в дистаночного начальника. При этом подчинив ему казахов в независимости от принадлежности к какому-либо

роду, которые кочевали в окрестностях форта, на полуострове Мангышлак и Бузачи, близ Усть-Урта. Дистаночный начальник должен был обращаться к коменданту, доносить в то же время и султану-правителю, и требовать содействия при остром сопротивлении его распоряжениям со стороны подведомственных ему казахов. Содержание этому дистаночному начальнику полагалось производить по 200 руб. серебром в год, с отнесением расхода по параграфу 17 ст. 1 Сметы МВД на 1866 г. Высокое содержание по сравнению с другими дистаночными начальниками назначалось как по важности и разнородности возложенных на него дел, так и для того, чтобы привлечь к этой должности лучших и способных людей и заставить их дорожить должностью, а это само собой привело бы к исполнительности в поручениях начальства и более или менее добросовестности в действиях. Выбор на эту должность лица, который бы по влиянию и способностям соответствовал бы вполне этому назначению возложить на султана правителя Западной части области [112, Л. 1-3].

Таким образом, на основе анализа архивных документов можно сделать вывод, что назначение дистаночных и местных начальников сопровождалось некими принципами:

1) вследствие прошения самого дистаночного или местного начальника по собственному желанию, по состоянию здоровья и преклонности лет;

2) продвижение родственных связей: прошение передачи должности дистаночного или местного начальника их сыновьям;

3) назначение дистаночного или местного начальника вследствие смерти бывшего начальника.

4) назначение дистаночного или местного начальника по случаю отстранения или увольнения от должности вследствие уклонения или невыполнения обязанностей, а также вследствие злоупотребления должностными полномочиями.

Более того, на основе анализа данных можно проследить, как формировалась и развивалась рекрутинговая система в части отбора кандидатов, назначения и утверждения на должности дистаночных и местных начальников.

3.2 Функции и обязанности дистаночных и местных начальников

Дистаночная система, введенная в 1831 году на территории казахов оренбургского ведомства, сопровождалась не только ликвидацией традиционного института власти, но и разделением территории на новые административные структуры с целью установления постоянного контроля. В обязанности дистаночных и местных начальников входила передача информации о настроении в Казахской степи и действиях, связанных с недовольством среди местного населения, султанам-правителям и русской администрации.

В практике реализации дистаночной системы управления дистаночные начальники не могли контролировать все казахское население в полном объеме. С целью привлечь родоправителей и аульных старшин в систему

административного управления, было создано вспомогательное звено, представленное местными начальниками, выполнявшими посреднические функции между султанами-правителями и дистаночными начальниками.

В административной системе управления как дистаночная система существовала некая иерархия. Начальники дистанций на территории казахов оренбургского ведомства, впоследствии Области оренбургских казахов, находились в подчинении султанам-правителям и выполняли идентичные с ними должностные функции и служебные обязанности, но уже на территории дистанции. Дистаночные начальники назначались из числа султанов, биев и почетных казахов, в их обязанность входило участие во взимании кибиточного сбора. Местные начальники определенной дистанции находились в ведомости и прямом подчинении начальнику дистанции и подчинялись султану-правителю.

К числу основных обязанностей представителей дистаночной системы управления относились наблюдение за поведением казахского населения, осуществление контроля над общественным порядком на подведомственной территории, а также взимание кибиточной подати с кочевого населения в размере 1 рубля 50 копеек серебром с каждой кибитки. Последняя составляла один из источников регулярного пополнения государственной казны Российской империи, обеспечивая поступление денежных средств от кочевого населения. Местные начальники служили промежуточным звеном из числа старшин и управлявших родами между дистаночными начальниками и султанами-правителями.

С 1831 г. с началом назначения султанов и старшин на ново-учрежденные должности и определения того или иного казаха на должность начальника, председатель Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генс (1825-1844 гг.) предложил в особых предписаниях каждому начальнику исполнение и соблюдение выработанных им правил, изложенных в Инструкции. Данная инструкция для дистаночных и местных начальников подготовленная председателем Оренбургской пограничной комиссии Г.Ф. Генсом была утверждена в 1831 году 20 ноября П. Сухтеленом. Данный нормативный акт закрепил основные направления деятельности дистаночных начальников и определял их место в системе административного управления казахской степью. Согласно предписаниям Пограничной комиссии, на дистаночных начальников возлагался широкий круг административных, полицейских и надзорных обязанностей. Прежде всего, они должны были осуществлять контроль над поведением казахов подведомственной им дистанции, не допуская совершения ими противоправных действий или нарушений, а также обеспечивать защиту населения от возможных притеснений. Тем самым дистаночные начальники выступали не только как представители административной власти, но и как посредники, призванные поддерживать порядок в степи.

Важное место в их деятельности занимал регулярный объезд закрепленной территории. Это позволяло начальнику быть осведомленным о положении дел в степи, а также лично проверять, насколько местные старшины исполняют возложенные на них обязанности. Подобный порядок свидетельствует о

стремлении пограничной администрации установить систематический надзор за степным населением и обеспечить постоянный контроль над местными управленческими звеньями.

Помимо перечисленных функций, дистаночные начальники должны были действовать в соответствии с распоряжениями султанов-правителей, обеспечивать их своевременное исполнение, а также оперативно доводить до сведения султанов-правителей и комендантов крепостей информацию о любых происшествиях на вверенной им территории. Информация о наиболее значимых событиях доводилась до сведения Пограничной комиссии посредством линейного начальства, выступавшего в качестве промежуточного административного звена в системе передачи официальных сведений. Тем самым формировалась многоуровневая система отчетности, обеспечивавшая движение информации от местного уровня к центральным органам управления.

Отдельно подчеркивалась обязательность исполнения предписаний военного губернатора и Пограничной комиссии. Полученные распоряжения начальники дистанций был обязаны доводить до сведения соответствующего султана-правителя.

К числу важнейших направлений их деятельности относилось поддержание установленного порядка на подведомственной территории. Начальники дистанций должны были предупреждать и пресекать недружественные действия кочевого населения в отношении жителей пограничной линии, а также своевременно информировать начальство о происходивших событиях в степи, распространении слухов и намерениях местного населения, которые могли привести к дестабилизации существующего порядка.

В случае болезни либо временного отсутствия за пределами вверенной ему дистанции начальник обладал правом самостоятельно поручить исполнение своих должностных обязанностей одному из казахов, пользовавшихся доверием и уважением в местном обществе. Вместе с тем реализация данного права предполагала обязательное уведомление о временном замещении как султана-правителя, так и линейного начальства. Самостоятельность начальника в определении лица, временно исполнявшего его обязанности, сочеталась с необходимостью соблюдения установленного порядка административного уведомления вышестоящих органов власти. Данное положение демонстрирует, что система управления допускала временную делегацию полномочий, однако сохраняла жесткий контроль за кадровыми решениями на местах.

Таким образом, инструкция 1831 года закрепляла за дистаночными начальниками комплекс административных, контрольных и посреднических функций. Она отражала особенности пограничного управления, в рамках которого казахская степная элита включалась в структуру имперской власти и использовалась как инструмент поддержания порядка, передачи распоряжений и контроля над местным населением.

Текст Инструкции Оренбургской пограничной комиссии старшинам Оренбургской линии о порядке управления казахами от 24 февраля 1832 г.

выглядел следующим образом: *«Определив Вас в минувшем 183... г. в должность местного старшины над линейными киргизами, кочующими против..., предписываю Вам, с утверждения его сиятельства г. оренбургского военного губернатора и кавалера графа Павла Петровича Сухтелена к неупустительному исполнению*». Инструкция состояла из 36 пунктов, где были указаны функции и обязанности местных начальников.

Одной из причин беспорядков среди казахов, кочевавших вдоль пограничной линии, администрация считала отсутствие постоянных начальников, обеспечивавших надзор и защиту местного населения. В связи с этим распоряжение Г. Ф. Генса от ноября 1830 г., утверждённое оренбургским военным губернатором П. П. Сухтеленом, предусматривало назначение при каждой крепости и линейном отряде старшин либо почётных казахов, ответственных за управление кочевым населением и поддержание порядка. Контроль за их деятельностью возлагался на дистаночных начальников – султанов или старшин, пользовавшихся доверием региональной администрации и подчинённых султанам-правителям.

В соответствии с данным порядком Алибек Казыбаев был назначен старшиной над казахами, кочевавшими напротив Звериноголовской крепости, на участке от Алабужского до Озернинского отряда. В его ведение передавались все казахи независимо от родовой принадлежности и социального положения. При этом предписание предусматривало персональную ответственность старшины за ненадлежащее исполнение возложенных обязанностей, одновременно гарантируя возможность поощрения за добросовестную службу. Данный случай отражает практику административного закрепления казахских старшин за определёнными участками пограничной линии и расширения их ответственности за поддержание порядка среди кочевого населения [146, л. 2–6.].

К основным обязанностям местных старшин относилось управление всеми казахами, кочевавшими вдоль пограничной линии, независимо от их родовой принадлежности. В случае отказа отдельных лиц подчиняться установленному порядку местные начальники имели право удалить их с вверенной территории, предоставив возможность им выбрать другое место кочевья и перейти под управление другого начальника. При возникновении случаев неповиновения старшины должны были обращаться с соответствующими жалобами к дистаночным начальникам; В случае неповиновения кого-либо из подчиняемых казахов, местные старшины должны обратиться с жалобой на него к дистаночному начальнику; Без ведома и согласия начальника местные жители не имели право вновь поселяться или находиться временно во вверяемой местности; Новые присоединенные к вверяемому ведомству казахи должны быть благонамеренными и известными с положительной стороны; более того начальники были ответственны за поступки подчиненных, постоянно наблюдая за их поведением; При выявлении намерения совершить нарушение или преступление местные начальники обязаны были своевременное информирование дистаночного начальника о происходивших событиях с

одновременной передачей сведений местному линейному начальству, не дожидаясь распоряжений вышестоящей инстанции. В случае совершения преступления на пограничной линии они должны были передать нарушителя линейному начальству, уведомив об этом дистаночного начальника. Так, на местных старшин возлагалась ответственность за оперативное информирование администрации и содействие линейному начальству в обеспечении правопорядка на подведомственной территории; При сопротивлении со стороны обвиняемого, местные начальники привлекали помощь других подведомственных казахов; В случаях отказа отдельных лиц содействовать распоряжениям местных начальников последние обязаны были сообщать об этом линейному начальству, указывая имена виновных для принятия мер по их задержанию, с одновременным уведомлением дистаночного начальника. Если поведение кого-либо из казахов вызывало беспокойство среди местного населения, старшины должны были довести сведения об этом до дистанционного начальства для решения вопроса о его удалении с пограничной линии или высылке. Особая ответственность возлагалась на них за своевременное выявление намерений степных воров совершить хищения вблизи линии: о подобных сведениях следовало незамедлительно сообщать линейному начальству, не допуская укрывательства причастных лиц под угрозой установленного законом наказания; При совершении преступления местные старшины вместе с подведомственными обязаны были содействовать линейному начальству в преследовании и поимке, без отлагательства похищенное имущество подлежало передаче линейному начальству, тогда как сам преступник должен был быть доставлен на пограничную линию для последующей передачи под суд Пограничной комиссии, уполномоченной разбирать взаимные иски и претензии между казахами и линейными жителями. Кочевое население подлежало повиновению, в случае междоусобных ссор местные старшины должны были примирить их, в случае неповиновения или отказа от подчинения местные старшины обязаны были передавать виновных в распоряжение дистаночного начальника для принятия соответствующих мер.

Все взаимные иски и претензии, возникавшие между казахским населением и жителями линейных поселений, подлежали рассмотрению Пограничной комиссией. В связи с этим применение имущественных взысканий с казахов, включая изъятие денежных средств, скота и иного имущества, допускалось исключительно с её утверждения. Соответствующие предписания о взысканиях передавались местным старшинам через султана-правителя, дистаночных начальников и линейную администрацию. Таким образом, рассмотрение имущественных споров и связанные с ними взыскания находились в компетенции Пограничной комиссии, а их исполнение осуществлялось через установленную систему административного подчинения. Все взыскания должны были строго соблюдаться местными начальниками, сбор денег, скота и имущества местные старшины должны производить лично с соблюдением мер, не допускавших изъятия сверх установленного порядка, под строгую ответственность начальников; Местным начальникам запрещалось

самостоятельно удовлетворять предъявленные иски без соответствующего предписания Пограничной комиссии, а также обходить установленную систему линейного управления. Все отношения с линейными и внутренними жителями должны были осуществляться исключительно через линейное начальство. При этом передача денежных средств, скота и иного имущества сопровождалась установленным порядком: полученные расписки местные старшины обязаны были предоставлять дистаночному начальнику, который направлял их султану-правителю для последующей передачи в Пограничную комиссию. Далее эти сведения сопоставлялись с ежемесячными рапортами линейных начальников. Вместе с тем при предъявлении линейным начальством требований о выдаче имущества местные старшины не имели права отказывать или препятствовать их исполнению, однако должны были передавать требуемое главному местному начальнику с обязательным получением соответствующей расписки; Местные старшины были обязаны своевременно информировать дистаночное и линейное начальство обо всех добровольных сделках между казахами и жителями внутренних и линейных поселений. В случае поступления жалоб от подведомственного населения на незаконное лишение имущества со стороны последних отсутствие предварительного донесения об этом влекло для старшин ответственность по всей строгости закона. Наряду с надзорными функциями на них возлагалась обязанность предупреждать возможные конфликты, внушая казахам необходимость воздерживаться от действий против линейных и внутренних жителей, которые, как и они сами, являлись подданными империи. При этом старшины должны были поощрять мирное кочевание вдоль пограничной линии с целью заслужить расположение начальства. Так как линейные жители имели основания не доверять казахам ввиду прежних проступков, то старшины должны были предоставлять аманатов, это объясняется тем, что аманаты служили залогом мирного кочевания у линии и не вмешательства ни в какие дела.

При условии надлежащего поведения казахского населения практика взятия аманатов могла быть прекращена с разрешения вышестоящего начальства. Вместе с тем назначение местных старшин ответственными за управление казахами, кочевавшими вдоль пограничной линии, предполагало чёткое разграничение административных полномочий. Посторонние султаны, старшины и местные начальники не имели права вмешиваться в дела подведомственного населения или отдавать ему распоряжения. Такое право сохранялось исключительно за дистаночным начальником, султаном-правителем и уполномоченными им лицами, направленными для выполнения особо важных поручений. Местные начальники подчинялись начальнику дистанции оренбургских казахов. Но в случае получения предписания непосредственно от султана-правителя, Пограничной комиссии или оренбургского военного губернатора, то местные начальники должны были исполнять поручения незамедлительно, уведомив начальника дистанции о содержании документов. Донесения дистаночному и линейному начальству могли передаваться как в устной форме, так и через специально направляемых

для этой цели надёжных и заслуживающих доверия казахов. Линейное начальство по вопросам относительно казахов обращалось исключительно к местным старшинам, требуя надлежащего содействия, в то же время местные начальники имели право требовать у линейного начальства помощи и защиты при необходимости. За нарушения данного наставления местные начальники несли ответственность по закону; В случае же усердной службы начальство обращало внимание на их деятельность не оставляло без поощрения.

Согласно «Особым правилам», составленным Г.Ф. Генсом для местных управленцев, в круг обязанностей местных старшин входили поддержание общественного порядка, наблюдение за поведением казахского населения, а также исполнение распоряжений Пограничной комиссии. Особое место отводилось сбору статистических сведений о численности населения, количестве кибиток и поголовье скота. Тем самым местные начальники выступали не только в качестве представителей административного надзора, но и в качестве посредников в сборе информации о хозяйственном и демографическом состоянии подведомственного населения.

Кроме того, на них возлагалась обязанность вести учёт денежных поступлений. При выдаче казахам квитанций старшины должны были указывать родовую принадлежность, имя и прозвание плательщика, внесённую сумму, а также количество кибиток, с которых производился денежный сбор. Данное требование свидетельствует о стремлении администрации обеспечить документальную фиксацию финансовых поступлений и упорядочить их учёт на локальном уровне.

В случае потери квитанции местные жители должны были уведомить местных начальников, которые, отметив о том в шнуровых книгах, выдают им засвидетельствованные с тех квитанций копии (&88).

В отличие от местных начальников, в обязанности дистаночных начальников входило наблюдение за исправлением должности местных начальников, «главным предметом заботы должно было недопущение казахов до шалостей и преступлений, и чтобы они были предохраняемы от обид и притеснений. На дистаночных начальников возлагалась обязанность постоянно отслеживать происходившие в степи события и контролировать надлежащее исполнение местными старшинами возложенных на них обязанностей. Обо всех значимых происшествиях они должны были своевременно докладывать султану-правителю и обеспечивать точное исполнение его распоряжений. При необходимости дистаночные начальники могли обращаться в Пограничную комиссию как через линейное начальство, так и самостоятельно, одновременно уведомляя об этом султана-правителя. Особое значение придавалось исполнению предписаний Пограничной комиссии и оренбургского военного губернатора, поступавших как напрямую, так и через линейную администрацию, с обязательным доведением их содержания до сведения султана-правителя. Кроме того, на дистаночных начальников возлагалась ответственность за поддержание дружественных и законных отношений между казахским населением вверенной им дистанции и жителями линейных поселений, извещая

при том линейное начальство «о слухах, разглашениях, происшествиях в степи и о вредных намерениях степных воров, способствуя, сколько возможно, предупреждению всякого зла». О роли и положении, обязанностях дистаночных начальников можно увидеть в предписании председателя Пограничной комиссии Г.Ф. Генса начальнику 22-й дистанции Бикбулату Бикбову [1], а также в инструкции Областного правления оренбургскими казахами дистаночному начальнику против Александровского форта, утвержденной оренбургским генерал-адъютантом Н. А. Крыжановским 13 апреля 1866 г.

«§1. Обязанности ваши по званию дистаночного начальника при Александровском форте заключаются в том, чтобы находиться постоянно при форте во все времена года. Никуда оттуда не откочевывать, являться немедленно к начальнику и исполнять все законные его требования, равно как и распоряжение областного правления и султана правителя Западной части.

§2. Управление в качестве дистаночного начальника над казахами, кочующими в окрестностях форта на полуострове Мангышлак, Бузачи и ближайших к форту Усть-Урта и по прибрежью Каспийского моря к югу имеете вы руководствоваться следующими правилами:

А. По части полицейской:

1) Стараться к водворению в народе верноподданической преданности государю императору и беспрекословного повиновения законным распоряжениям начальства, внушая, что от этого зависит собственное благоденствие народа.

2) Охранять внутренний порядок и безопасность лиц и имуществ для чего обязаны следить за нравственным образом жизни и связями подчиненных вашему надзору ордынцев и затем:

а) о людях, замеченных к постоянному расположению к мошенничеству, буйству, самоуправству и неповиновению доводить до сведения начальника Александровского форта для принятия с его стороны соответственных мер исправления или наказания;

б) следить за тем, чтобы казахи не предоставляли убежища беглым и лицам, самовольно покинувшим владения, из соседних азиатских владений или из России, не держали для обучения детей грамоте туркменских, бухарских и хивинских мулл и не допускали вылазки шпионов и возмутителей с письмами или прокламациями из Хивы и других мест. При обнаружении подобных лиц среди подведомственного вам населения обязаны незамедлительно задержать их, а также привлечь к ответственности лиц, допустивших их пребывание в своих аулах. Задержанных передать начальнику Александровского форта для заключения под стражу, одновременно направив соответствующее донесение в областное правление;

в) выявлять случаи воровства среди подведомственного вам населения в больших размерах, грабеж, возмущение и тому подобные преступления, которые и отвращать захват и представлять в Александровский форт и далее направить областному правлению;

г) извещать областное правление и начальника форта обо всех случаях в Степи, если они и по важности своей того не заслуживают.
3) В случае же неповиновения законным распоряжениям вашим, имеете вы право подвергнуть ослушника наказанию по народным обычаям при свидетелях из почетных ордынцев. Если же ослушник не будет допускать к наказанию себя или же наказанный уже будет затем упорствовать в ослушании обязываетесь вы препроводить его под арест в Александровский форт, и донести о случившемся начальнику форта и областному правлению.
4) Сверх сего возлагается на вас:
а) смотреть, чтобы подвластные вам казахи не приобретали пленников какой-либо нации и не пытались держать таковых у себя, при обнаружении подобных случаев пленники и хозяин его должны быть препровождены под арест в форт с донесением об этом областному правлению;
б) принимать введение свое всякий пригульный скот и возвращать его хозяевам, если же последние не отыщутся, то донести об этом областному правлению и ожидать его распоряжения.
5) По части исполнительной и обязанности вашей надлежит: а) отыскание и высылка по следствию и суду куда указано ответчиков и свидетелей по делам гражданским и уголовным, вследствие пребывания от таковых от присутственных мест и должностных лиц. б) точное исполнение всяких к вам предписаний от начальства.
Б. По части судебной:
6) По проступкам и преступлениям совершенными казахами в кругу вашего ведомства обязываетесь вы: а) разбирательство ссор, драк и в случае воровства и мошенничества между подчиненными вам казахами, когда ценность покраденного не превышает 50 рублей сер. представлять биям и согласно решению давать удовлетворение по народным обычаям; 7) То же самое наблюдать при разбирательстве ответственных, так как на основании параграфа 10 Высочайше утвержденного 3 декабря 1861 года положения об устройстве в Степи разбор претензий между ними относится до обязанности начальника форта.
В. По части хозяйственной и попечительской:
9) В случае обнаружения в подведомственных вам аулах каких-либо больных людей и скот болезненных имеете вы доложить о том немедленно до сведения начальника форта и доносить областному правлению для принятия зависящих от них мер, казахам же должны внушать, чтобы они для собственного пользы и для прекращения заразы не употребляли в пищу палого скота, закапывали его глубже в землю и не сдирали с него шкуру, а здоровый скот удерживали в отдельности и подальше от заболевшего, наблюдая за исполнением этого на самом деле.
10) При неурожае хлеба от засухи или истреблениях их саранчей имеете доносить об этом начальнику форта и областному правлению и, если нужно ходатайствовать отпуска потерпевшим бедствие муки из запасов Александровского форта.

11) Производить в удобное время постоянный кибиточный сбор и деньги без утайки по заведенному порядку начальнику Александровского форта.
Г. Общие правила:
12) По службе вы подчиняетесь султану правителю Западной части области, областному правлению оренбургскими казахами, а также начальнику Александровского форта;
13) Все делопроизводство в пределах вверенной вам дистанции вы должны вести словесно, вступая в письменные сношения только с лицами вне круга непосредственных действий ваших;
14) На всех действиях по службе вашей должны вы руководствоваться строгою справедливостью, совершенным бескорыстием в отношениях ваших со старшинами, равными и низшими, отличаться благонравием, служа добрым примером для низших, приобретая уважение, стараясь удостоиться расположения старших;
15) За упущения против предписываемого настоящей инструкции подвергаетесь вы ответственности и взысканию по закону, а за точное и усердное и разумное исполнение возлагающих ею на вас обязанностей можете ожидать награды и возвышение по службе» [112, л. 8–13].

3.3 Социальное обеспечение дистаночных и местных начальников

По проблеме награждения дистаночных и местных начальников за службу, следует отметить, что местные начальники не получали никакого жалованья, однако для их поощрения существовала система награждения за преданность правительству, усердие по службе медалями, орденами, денежными выдачами и т. д. Согласно Положению от 1844 года местным начальникам, которых еще называли аульными начальниками в составе 400 человек и более по необходимости, жалование им не выплачивали. Одним из инструментов привлечения верных и надежных людей на службу было поощрение. Однако денежное поощрение для ордынцев степных отдаленных дистанций не могло быть вполне удовлетворительным средством. Поскольку «казахи смотрят на денежные вознаграждения, как на задаток их будущей зависимости от того ставят их ниже всякого другого возмездия за свои заслуги». Вследствие этого было положено, что вместо денежных наград предоставлять ордынцам при должности какие-либо другого рода преимуществ, как чины, которые считались более надежным инструментом привлечения на должности. Из отчета Оренбургской пограничной комиссии за 1849 г. следует отметить, что казахи награждались серебряными медалями, единовременными денежными выдачами, похвальными листами, золотыми часами, почетными саблями, золотыми медалями, орденами св. Анны 1–3 степеней за усердную, верную и преданную русскому правительству службу. Помимо медалей и орденов Оренбургская пограничная комиссия также награждала казахов военными чинами полковника, войскового старшины, есаула, сотника, хорунжего. Таким образом, султаны-правители, дистаночные начальники, аульные старшины или местные

начальники, составлявшие базу казахского чиновничества, могли рассчитывать на награды за верную и усердную службу [147].

Примером награждения должностных лиц на местах служит формулярный список о службе начальника 8-й дистанции оренбургских линейных казахов есаула султана Махмуда Алгызыева, составленный в 1837 г. в возрасте 39 лет. Из его формулярного списка можно увидеть, что он сын премьер-майора султана Алгазы Айшуакова. Служебную деятельность начал 20 июля 1830 года, когда был отправлен к султану-правителю Средней части оренбургских казахов. 15 августа 1830 года назначен состоять при султане-правителе Западной части оренбургских казахов. 20 ноября 1831 года назначен управляющим 8-й дистанцией оренбургских линейных казахов.

В качестве поощрения за его усердную службу следует отметить, что в 1830 году находившись при исправляющем должность правителя Средней части султане Юсуфе Нуралиеве в награду за отличное усердие в сопровождении бухарского и хивинского караванов к устью речки Акбулак и доставлении кибиток для помещения военного отряда бывшего при караване был произведен в чин зауряд-есаула 4 ноября 1830 года в возрасте 32 лет. В 1831 г. М. Алгазыев за поимку в степи беглого башкирца 9 кантона Гайсу Барсаева в марте 1831 года был награжден подарком – «бархатом на тюбетейку и на ее обложку золотым галуном». В январе 1833 г. в поощрение за его отличную службу награжден золотой медалью на аннинской ленте. При поимке в 1835 году скрывавшихся в степи двух преступников награжден в феврале 1836 года похвальным листом за подписью оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта Перовского. А 20 мая 1836 г. был произведен в чин есаула. В послужных списках начальников, как правило, отмечались наличие и срок отпусков, наличие штрафов и нахождение под судом или следствием и т. д. У Махмуда Алгазыева не отмечены ни штрафы, ни суды, ни следствия, ни жалобы. Кроме того, Махмуд Алгазыев в отправлении службы слабым не был замечен и между подчиненными беспорядков не допускал [148, л. 2-4]. В чем же заключалось отличие должностных султанов от султанов, которые не занимали никаких должностей. Это можно увидеть на примере дела по рапорту временно управляющего дистанцией старшины Дюсентаева по вопросу следует ли не должностным султанам платить все повинности, требуемые начальством наряду с «простыми ордынцами».

По рапорту начальника 4-й дистанции старшины Тлеу Дуйсебаева в феврале 1849 года не должностные султаны, кочевавшие против Каленовского форпоста, Шафагат Чуткарин, Сутей Илегаев и другие в числе 28 кибиток «каждый год делали нетерпимые по службе остановки, в особенности при сборе денег с них за кочевание, которых они никогда не платили, чрез это сами местные начальники подвергались ответственности». «Кроме того, требуемых ныне по приказу военного губернатора верблюдов нужных для своза в Раимскую крепость и других потребностей, необходимых по содержанию, находившегося там войска; следует ли с означенных казахов и кочующих с ними султанов собирать за кочевание деньги равно и требуемых верблюдов».

В ответ на его запрос сообщалось, что от «народных повинностей избавлялись только должностные лица, так как поименованные в рапорте султаны никаких должностей не занимали, то и обязаны нести все повинности, требуемые начальством наряду с прочими однородцами» [149, л. 10-18].

Система награждения начальников дистанций и местностей подразумевала собой поощрение служилого аппарата управления наградами за усердную службу либо за какие-либо оказанные услуги правительству. Награды за службу или услуги представляли собой похвальные листы, грамоты, медали, ордена, чины либо поощрялись в денежном эквиваленте. Порядок избрания и список лиц для награждения зависели от мнения и ходатайства султанов-правителей. Подачу списка султаном-правителем избранных для наград лиц можно проследить на основе анализа архивного документа №2363а, из которого следует, что султан-правитель Ахмед Джантюрин представил к награждению должностных лиц Восточной части оренбургских казахов в июне 1845 г., о чем изложено в таблице 3.1.

Таблица 3.1 – Список должностных лиц, представленных к награждению

№	Ф.И.О. кандидата	Вид награды
1.	Управлявший племенем Жогары-Шекты из рода аргын бий Шиген Мусин	300 рублей серебром
2.	Начальник 39-й дистанции Чулак Тансыбаев	кафтан с галунами
3.	Начальник 40-й дистанции Анак Атыбаев	60 руб. сер. единовременно за помощь бию Чигену
4.	Бий Аман Исенов	кафтан и представлен в начальники 40-й дистанции вместо Анака
5.	Начальник 41-й дистанции Казангап Джандыров	50 руб. сер.
6.	Управлявший племенем Томен-Шекты бий Биген Языев	100 руб. сер, и бархатный кафтан с галунами
7.	начальник 32-й дистанции прапорщик Тлемис Кунгурчин	кафтан с галунами
8.	начальник 34-й дистанции Бабакай Абилев	кафтан с галунами
9.	начальник 35-й дистанции Токтан Кучуков	кафтан с галунами
10.	Биримжан Шегенев - бий рода ургын отделения уошкар	к чину зауряд-хорунжий

11.	отделения уджар бий Кудабай Кучбин	к чину зауряд-хорунжий
12.	Италмас Тлемисов, бий отделения утей	к чину зауряд-хорунжий
13.	Джанторе Чукаев - старшина отделения таз	сабля
14.	Кубен Баяндин - почетный казах отделения умбет	похвальный лист
15.	Бий рода кыпшак Юртеке Баубеков	в чин зауряд-сотника

Из данного примера мы видим, что султаны-правители обладали влиянием и принимали непосредственное участие в выдвижении и предоставлении определенных кандидатур на те или иные награды в виде чинов и других подарков (сабли, кафтаны, денежные поощрения) в Пограничное начальство.

На примере выдвижения кандидатур для награждения из Восточной части можно заметить, что после рассмотрения кандидатур, Управлявшим Восточной частью оренбургских казахов Мухамедом Джантюриным в октябре 1845 г. был представлен более подробный список о кандидатах с описанием происхождения, маршрута кочевания, состояния, характера, наличия оказанных правительству услуг и наград. К примеру, Италмас Тлемисов, возраст 26 лет, сын дистаночного начальника Тлемиса Кунгурчина, из рода Аргын, отделения Утей. Кочевал летом у р. Тобол, зимой – у р. Убаган, услуг не оказывал, участвовал в экспедиции с султаном-правителем Ахмедом Джантюриным. Состояние и характер его описаны, как хорошее, не грамотен, но был известен преданностью правительству [150, л. 5–10].

Более того, после утверждения кандидата на присвоение определенного чина местным чиновникам полагалось получение патента на пожалованный чин. Так, в 1850 г. султан-правитель Восточной части обратился в пограничное начальство с ходатайством о получении им патента на чин полковника и просил о предоставлении патентов на пожалованные чины и другим лицам, удостоившимся к награде: чин войскового старшины бию Балгудже Ямгурчину, чин есаула Казыбеку Шигеневу, чин сотника Бигену Языеву. Аналогичная ситуация сложилась и в Средней части казахов оренбургского ведомства. Это говорит о том, что при присвоении чина патенты на настоящие чины выдавались несвоевременно. Для получения их в пограничное начальство обращались с ходатайством султаны-правители на основании рапортов и прошений местных чиновников. Так, на основании рапорта начальника 12-й дистанции Ходжа Якупа Худайкулова, поданного султану-правителю Средней части, в котором изъяснялось о том, что после похода в Раимское укрепление он пожалован был в чин хорунжего, но патента не получил. В связи с чем войсковой старшина Араслан Джантюрин ходатайствовал о выдаче патента на означенный чин Худайкулову.

В результате рассмотрения рапортов султанов-правителей Восточной и Средней частей казахов Оренбургского ведомства султан-правитель Восточной части полковник султан Ахмед Джантюрин, управлявший отделением узын рода

кыпшак, войсковой старшина Балгоджа Ямгурчин, управлявший племенем жогары-шекты есаул Казбек Шигенев, управлявший племенем томен-шекты сотник Биген Языев награждены этими чинами за отлично усердную службу и преданность правительству в марте 1850года. А начальник 12-й дистанции ходжа Якуп Худайкулов произведен в хорунжего 13 января 1848 года за участие в экспедиции 1847 г. и возведение укрепления на Сырдарье. Патенты на чины казахам выслали из инспекторского департамента Военного министерства, взыскание денег за патенты от казахов не производили, а расходы по изготовлению их приписывали за счет казны на основании приказа к 1540 ст.VIII св. выс. пост. Избавление казахов от взноса за получение патента на чины говорит о применении льгот по отношению к казахам [151, л. 1–3].

Лазаревский Ф. М., размышляя о состоянии Западной части, считал необходимым допустить к пользованию дистаночными и местными начальниками чина «зауряд». Такое мероприятие необходимо было для «облагорожения» начальников дистанций и местностей с тем, чтобы при назначении на должности дать им преимущества не только среди местного населения, но и для внушения казакам, которые притесняли местных начальников. Он отметил, что нужно позволить пользоваться чином зауряд-сотника начальникам дистанций, которые через 8 лет безукоризненной службы получили бы чин хорунжего, а местным начальникам пользоваться чином зауряд-хорунжего, которые получили бы чин хорунжего за такую же службу через 15 лет. Но на практике они и прежде имели право на получение тех чинов за отличные заслуги [45, с.205-206].

Помимо пожалования чина местным властям за хорошую службу еще одним видом поощрения, как было ранее указано, была выдача подарков. Начальник 24-й дистанции зауряд-хорунжий султан Мусыралий Кадыров в должности с 21 февраля 1841 г., чин зауряд-хорунжего получил 2 декабря 1844 г. за усердие, оказываемое при преследовании мятежного султана К. Касымова, за усердие по службе 30 октября 1846 г. награжден 30 руб. сер., а в декабре 1853 года в подарок от начальства получил две бритвы. За долговременную службу и преданность правительству для него запрашивалась награда бархатный кафтан с галуном [152, л. 5]. Данное обстоятельство служит доказательством того, сроки предоставления чина начальникам дистанций или местностей за хорошую службу или за оказанные услуги правительству не зависело от каких-либо сроков. На данном примере видим, что М. Кадыров получил чин зауряд-хорунжия через 3 года службы на позиции начальника дистанции.

На практике были случаи массового представления к наградам местных чиновников за службу, одним из таких примеров является награждение начальников медалями, ценными подарками и др. в 1853–1856 гг., о чем указано в таблице 3.2 [153].

Таблица 3.2 – Список казахов, удостоившихся наградам

№	Чин имя прозвание	Награда назначаемая

	ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ	
1	Заседающий от казахского народа в ОПК хорунжий султан Тлеукабыл Абултаев	150 руб. сер. из суммы на награды аульным начальникам
2	Помощник управляющего племенем жогары шекты рода аргын Анак Алтаев	Серебряная медаль на аннинской ленте с подписью за усердие
3	Начальник дистанции №26 Суюнучгали Янбурин	Сабля в 25 руб.
4	Начальник дистанции №27 Наурызбай Казыбаев	Шашка в 23 руб. сер.
5	Начальник дистанции №38 бий Кульджабай Чарабасов	Кафтан с золотым галуном в 30 руб. 75 коп. сер.
6	Местный начальник Березовской станицы Сасык Сартанов	Единовременно по 25 руб. сер. каждому из суммы на награды аульным начальникам
7	Местный начальник Крутоярской станицы Улжабай Сагандыков	
8	Местный начальник Лугового отряда Алжан Кастанов	
9	Местный начальник Усть-Уйской станицы Жаналы Испулаев	Единовременно по 25 руб. серебром каждому из суммы на награды аульным начальникам и прочие по степи расходы
10	Местный начальник Звериноголовской станицы Баимбет Алибеков	
11	Местный начальник Озерного отряда Саванбай Бикбулатов	
12	Местный начальник Ольгинской станицы Рыспай Аманжолов	
13	Местный начальник Михайловского укрепления Уркунбай Айтуганов	
14	Местный начальник Алексеевской станицы Туркебай Джурумбаев	
	СРЕДНЕЙ ЧАСТИ	
15	Султан Тазимухамед Бирстемов	Серебряная медаль с подписью за усердие для ношения на шее на аннинской ленте
16	Бий Джаныбек Бараков, род табын, отделение шумешли	
17	Местный начальник Ильинской станицы султан Таналий Абулгазыев	Кафтан с золотым галуном в 33 руб. серебром
18	Бий Нияз Утаралиев, управляющий отделением кабак	Кафтан суконный в 30 руб.75 коп. серебром

19	Местный начальник Хабарного отряда Татжик Бикетов	Единовременно по 25 р. сер. из суммы на награды аульным начальникам
20	Бий Жаманкул Тюлегенев, род шекты, отделение кенегес	Табачный серебряный рожок в 13 руб. 13 ¾ коп. серебром
21	Баян Курмантаев, род кете, отделение каракете	Единовременно по 20 руб. сер. из суммы на награды аульным начальникам
22	Бий Малгельды Утепов, род тама, отделение Давлеткельды	Сабля в 22 руб. сер.
23	Бий Батыл Култаев, отделение шурен	Суконный кафтан с галуном в 20 руб. сер.
24	Бий Джанак Утесов, отделение каракесек	Золотой перстень с эмалью в 14 руб. сер.
25	Бий Таспан Джабагин, род шомекей	Суконный кафтан с галуном в 20 руб. сер.
26	Бий Жанкуш Беркинбаев, род торткара	
27	Бий Бисенбай Баджиков, отделение назар	Золотой перстень с эмалью в 14 руб. сер.
28	Бий Караул Кулекенев, род шекты, отделение тлеу	Шашка в 30 руб. сер.
29	Джумаз Иралиев, того же рода, отделение жанкылыш	Золотой перстень с эмалью в 14 руб. сер.
30	Караул Кунакбаев, того же рода, отделение кабак	Суконный кафтан с золотым галуном в 28 руб. сер.
31	Бий Кулназар Арасланов, того же рода, отделение карабак	Золотой перстень с эмалью в 14 руб. сер.
	ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ	
32	Управляющий родом байбакты войсковой старшина Казы Сарымов	Единовременно по 100 р. сер. из суммы на награды аульным начальникам
33	Хорунжиц Есенкул Исбулаев	Серебряная медаль с надписью за усердие на аннинской ленте
34	Бий Кугабай Атабаев, род исык, отделение ураз	
35	Местный начальник Харкинского форпоста Тастанбек Аллабергенев	Суконный кафтан с золотым галуном в 33 руб. сер.
36	хорунжий рода Байбакты Кундукер Акбаев	Сабля в 16 руб. 25 коп. сер.

37	Зауряд-хорунжий Рабай Идигин	Суконный кафтан с золотым галуном в 33 руб. сер.
38	Бий Угурта Баймуратов, род Алшын, отделение Барамык	Суконный кафтан с галуном на обложку насчет суммы на награды местных начальников
39	Бий Аймурат Коктаубаев, род Есентемир, отделение Тагаш	Табачный серебряный рожок в 13 руб. 13 ¾ коп.
40	Бий Данияр Укиев, род Байбакты, отделение Алтен	Сер вызолоченная именная печать из суммы на награды
41	Исалий Табылдин почет казах рода Табын	Единовременно по 25 руб. сер. из суммы на награды аульным начальникам
42	Бий Динчулак Байтюбетев, род Таз, отделение Шак	Сер вызолоченная именная печать
43	Бурунбай Тогузбаев, род Таз	Табачный сереб. Рожок в 15 руб.63 ½ коп. сер.
44	Почет казах отделения Кадыркул Жумамбет Мендыбаев	Кинжал в 9 руб.

Выводы

Система дистаночного управления подразумевала собой разделение территории Младшего жуза на дистанции, которые представляли собой административно-территориальные участки, определявшиеся пространство между соседними крепостями. В свою очередь, дистанции были разделены на более мелкие дробные единицы, называемые местностями или старшинствами. Данные старшинства размещались напротив каждого форпоста, отряда, редута в определенной дистанции. Управление дистанциями осуществляли дистаночные начальники, тогда как руководство местностями находилось в ведении местных начальников. В системе управления казахами Младшего жуза была сформирована трёхуровневая административная структура, низовое звено которой составляли дистаночные и местные начальники. Кандидатуры дистаночных и местных начальников определялись султанами-правителями и представлялись на утверждение Пограничной комиссии.

Во главе дистанции стояли дистаночные начальники, местностями управляли местные начальники. Такая система управления в Младшем жузе подразумевала трехуровневую систему, которая представляла низовое звено в структуре местного управления. Султаны-правители определяли кандидатуры дистаночных и местных начальников, которые утверждались Пограничной комиссией.

Основным нормативным руководством в деятельности дистаночных и местных начальников являлись «Особые правила», разработанные председателем Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсом. В них регламентировались должностные обязанности указанных управленцев и закреплялась система их административного подчинения султанам-правителям и пограничной администрации. Согласно инструкции в функциональные обязанности дистаночных и местных начальников входили поддержание порядка среди подведомственного населения, сбор кибиточной подати в размере 1 руб. 50 коп., а также исполнение распоряжений Пограничной комиссии. На них также возлагались функции административного надзора и сбора статистических сведений о численности населения, количестве кибиток и поголовье скота. Особое внимание уделялось контролю за поведением казахов, обеспечению их лояльности и подчинения правительственной власти. Таким образом, деятельность дистаночных и местных начальников охватывала как административно-контрольные, так и фискальные функции, сочетая непосредственное управление кочевым населением с выполнением предписаний пограничной администрации.

Несмотря на установленную систему вертикали власти, дистаночные и местные начальники сохраняли возможность непосредственного обращения в Пограничную комиссию по вопросам, требовавшим её вмешательства. Такие обращения могли направляться как напрямую, так и через линейное начальство, однако в обоих случаях соответствующие сведения должны были доводиться до вышестоящего руководства: местные начальники уведомляли дистаночного начальника, а дистаночные начальники информировали султана-правителя.

Таким образом, установленный порядок допускал прямую связь с Пограничной комиссией, сохраняя при этом принцип административной подотчётности.

Таким образом, анализ деятельности дистаночных и местных начальников показал, что российское правительство преследовало основную цель – создание дробных административно-территориальных единиц в Казахской степи и первичного аппарата управления над казахами, живущих при линиях с целью усиления контроля и распространения влияния русского правительства. Заметное влияние начальников дистанций и старшинств на подведомственных казахов и усердие были необходимы для тактических действий русской администрации.

4 ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ДИСТАНОЧНЫХ И МЕСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ С СУЛТАНАМИ-ПРАВИТЕЛЯМИ И РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ

4.1 Султаны-правители, дистаночные и местные начальники: вертикаль взаимодействия

Проведение административно-территориальных реформ в первой половине XIX века на территории казахов оренбургского ведомства объективно обусловило процесс становления локального административного аппарата, характеризующегося постепенным увеличением доли представителей местного населения в структуре чиновничества. Данная тенденция коррелировала с общеимперским вектором на включение в управленческую структуру традиционных институтов власти. Инкорпорация казахской родовой знати в имперскую систему управления превращала ее в эффективный инструмент трансляции правительственной политики. Трансформация власти в степи в этот период знаменовала переход от надзора к бюрократическому регулированию, где местная знать выступала проводником имперских интересов в рамках формирующегося «инородного управления».

Институциональное взаимодействие между дистаночными начальниками и султанами-правителями верифицируется через массив делопроизводственной документации, которая, выступая «одним из важных звеньев фиксирует механизмы регионального управления.

Дистаночные и местные начальники в данной системе выполняли роль посредников между кочевым населением и региональной властью и играли немаловажную роль в общей административной структуре управления. Дистаночная система представляла собой отдельный слой управленцев на местах с функциями контроля и наблюдения за порядком и занимала промежуточную позицию между султанами-правителями и региональной властью. Представители родовой знати, которые могли быть полезны для службы, по плану российского правительства должны были служить опорой в проведении имперской политики на территории Казахской степи.

Так, в круг задач региональной власти входило развитие сотрудничества с представителями казахской знати, привлекая их на службу Российской империи. Такой подход способствовал бы установлению полного контроля над кочевым населением, что и удалось русской администрации осуществить через внедрение дистаночной системы управления на территории казахов оренбургского ведомства. К примеру, в письме управляющего МИД оренбургскому и самарскому генерал-губернатору с замечаниями министерства на проект Положения об управлении оренбургскими казахами от 1851 г. указано, что главным направлением имперской политики было не отдаление, а наоборот, вовлечение и привязывание казахов к правительству [33, с. 250–251]. И для эффективного управления казахским народом, необходимо, по возможности упростить управление путем отмены излишней формальности, не свойственные

быту кочевого народа и которые только влекут к проволочке дел и к излишней переписке.

Мысль правительства заключалась в уменьшении вмешательства во внутренний распорядок казахов, т.е. «не вводить у них порядка внутреннего государственного управления, который по кочевому быту казахов [в оригинале – киргизов], им вовсе несвойственен, а предоставить им управляться и ведаться внутри степи своими обычаями, сколько это будет возможно, и своими казахскими властями; нам же только наблюдать за их действиями, смотреть, чтобы не было каких-нибудь важных злоупотреблений, пресекать всякие в степи беспорядки, вселять казахам повиновение и покорность и т.п. Эта система, без сомнения, есть лучшая, и вполне убеждает многолетний опыт. При неослабном согласовании с него наших действий менее может быть также поводов к неудовольствию и ропоту со стороны казахов на наше правительство; ибо, как известно, не строгости и карательные действия против буйных и непокорных казахов отвращают иногда от нас казахский народ, а распоряжения и требования, не свойственные их нравам, их привычкам, самому образу их жизни; подобного рода распоряжения и меры хотя медленно, но, тем не менее, могут на них действовать и вселить в них отвращение к нашему правительству».

В качестве примеров взаимодействия между представителями местного управления и центром можно рассмотреть одно из прошений начальника 9-й дистанции Тауке Айшуакова в 1838 г., адресованное султану-правителю Западной части Баймухаммеду Айшуакову, о назначении пенсии. Прошение основывается на перечислении его заслуг, опыта работы и периода работы на должности, выслуги лет, какие награды и за какие услуги получил, когда был награжден орденами и медалями и когда был присвоен чин. Это один из примеров того, как проходила коммуникация между начальником дистанции и султаном-правителем посредством письменных прошений [154, л.1-3]. Султан-правитель на основании данного прошения должен был ходатайствовать о назначении пенсии в региональную администрацию. Из этого следует, что прошения, рапорты отправлялись через султана-правителя;

В апреле 1834 года начальник 13-й дистанции Султан-Галий Тунгачин направил рапорт султану-правителю Юсуфу Нуралиеву, в котором говорилось о строгих указаниях местным начальникам, биям и есаулам об удержании казахов, состоящих в его дистанции, от истребления леса и потравы скотом их сена, а также недопущении казахов к подобным действиям [155];

В 1844 году был случай нежелания подчиняться должностному лицу, а именно, местному начальнику, который был описан в обращении исправлявшему должность султана-правителя Средней части Арслану Джантюрину и, впоследствии, председателю Пограничной комиссии Г. Ф. Генсу от старшины рода тама отделения курман, кочевавшего против Вязовского отряда. Прошение подписали 41 человек, среди них Байтаит Баймуратов, Сарыбашев, Таймас Джаныбаев и др. В прошении извещалось о том, что 4 кибитки из 93 кибиток без их согласия назначили местным начальником Матея

Буриева. Они же не были согласны, желали назначить благонадежного человека, Буриев же был известен несправедливым и дурным поведением.

В свою очередь, Пограничная комиссия приказала султану объявить упомянутым казахам, что против Вязовской станицы местный начальник не Матей Буриев, а старшина Аралбай Денгизбаев и определение начальников не зависит от выбора подчиненных [156, л. 1-3].

Особенности взаимодействия можно рассмотреть и в контексте продвижения султанами-правителями своих кандидатур на должности дистаночных и местных начальников. Этот аспект вызывал различные конфликты между ними.

В марте 1852 года произошел случай, когда представители султанского сословия хотели власти и самовольно, не зная процедуру, обращались в региональную администрацию и просили назначить их на должности начальников. Так, султан Шындали Кушаков в прошении своем председателю Пограничной комиссии от 22 марта 1851 года ходатайствовал об определении его на имевшуюся тогда вакансию начальника 10-й дистанции. На запрошенное по этому обстоятельству мнение султан-правитель Средней части оренбургских казахов от 9 апреля 1851 года донес комиссии, что поскольку султан Кушаков неблаговидными поступками не только навлек на себя негодование начальства, но даже потерял уважение среди казахов, то он не находит приемлемым допустить Кушакова на должность начальника 10-й дистанции. Тем более на эту должность согласно предписанию Пограничной комиссии от 8 марта 1851 года, представлен им прежде управлявший этой дистанцией зауряд-хорунжий султан Джан-Идиль Алгазыев, который и был назначен начальником 10-й дистанции. Решением Пограничной комиссии было оставить без последствий просьбу султана Кушакова об определении его на этой должности, так как начальником 10-й дистанции был определен уже султан Алгазыев [157, л. 2-5].

Помимо конфликтов между казахами и линейными жителями были разногласия и взаимные претензии между местным населением и представителями чиновничьего аппарата – дистаночными начальниками. Свидетельством этому может послужить архивный документ «Переписка о противозаконных действиях бия 50 дистанции Айгеля Айтбаева с прочими в буйственных поступках, дерзостях и уклонение от подчинения установленным властям» [158]. В данном документе начальник 53-й дистанции Джигангеров донес о противозаконных действиях бия Айтбаева султану-правителю Восточной части Ахмету Джантюрину. Ему стало известно от начальника 50-й дистанции, султана Омара (Гумара) Мухаммедова «о буйственных поступках, дерзостях, самоуправстве, уклонении от подчинения установленным властям, с отсутствием преданности правительству и в других злокачественных наклонностях Айгеля Айтбаева, сына его Сандыбая и казаха Байгабыла Джанайдарова». Здесь султан Джигангиров отмечает, что названные лица доказали уклонение от повиновения распоряжениям начальства, сбежали перед допросом, а при повторном вызове пригрозили, что они не сдадутся и до последней возможности будут сражаться, убивая русских и своих.

Однако позже Айгель был задержан для содержания под стражей и отправлен к начальнику оренбургского укрепления Майору Яковлеву. Султан Джигангиров в рапорте султану-правителю Восточной части и в Областное правление добавил, что казахи Авначар Бигильдин, Сандыбай Айгелев с товарищами, в числе 27 человек, в прошениях к генерал-губернатору объяснили, что султан Гумар Мухаммедов вступив в должность дистаночного начальника начал притеснять их. «*Если узнает, что есть хороший верблюд, то требует хозяина к себе и предлагает ему за них деньги, но, если кто станет таковые требовать, то тех подвергает наказанию; собирает со всех киргиз кошеное сено; кто занимается хлебопашеством, собирает с каждого по 4 мешка пшеницы; у казаха Дубана Жангильдина, кочевавшего с прочими в числе 40 кибиток около р. Тургай, отобрал все зимовки в свою пользу, а их прогнал; если кто из ордынцев приходит к нему с жалобой, то он их не принимает, а наказывает; когда был послан к нему бий Айтбаев Айгель от всего рода и просителей против его притеснений, то Мухаммедов приказал Айгеля связать, сказав: жалуйтесь где хотите, разве вы не знаете что я сын правителя, никакая жалоба не может на меня подействовать». Из-за того, что просители жаловались султану-правителю и султану Джигангирову, и их просьба осталась без решения, они ходатайствовали о проверке всего чрез особого чиновника Областного правления*».

Интересным в данном документе является то, как события разворачивались далее. Султану-правителю Восточной части и Областному правлению султан Бабин донес, что начальник 53-й дистанции подполковник Джигангиров, отправляясь по делам службы в Оренбург, поручил ему следить за казахами 50-й дистанции Сандыбаем Айгелевым и Байгабылом Джанайдаровым. Далее, приводятся сведения, что Бабин, наблюдая за Айгелевым и Джанайдаровым узнал, что они, разъезжая по аулам, подстрекают казахов для дачи ложной жалобы против дистаночного начальника Гумара. Из документа видны взаимные претензии начальника 50-й дистанции Гумара Мухаммедова и казахов Сандыбая Айгелева и Байгабыла Джанайдарова.

Даныай документ также приводит сведения, что ранее разборы по народным обычаям взаимных претензий были между оренбургскими и сибирскими казахами при общем сборе с обеих сторон местных властей в присутствии командированных начальством чиновников и на основании этого был положен «конец вражде миролюбивым путем и объявлено всемилостиво прощение тем казахам, которые обвинялись в убийствах». Здесь преподносится таким образом, что государь российский заботился о народе и от «*благодетельной цели отца отечества зависит благополучие как самих испорченных нравственности, так и всего народа ордынского*».

В итоге начальник 53-й дистанции в обращениях своих к султану-правителю и региональной власти просил распоряжение, чтобы Сандыбай и прочие преступники по угону скота и грабежу у сибирских казахов, нарушившие мирные условия между оренбургским и сибирским ведомствами были строго наказаны [158, л. 1-5].

Султаном-правителем Восточной части оренбургских казахов Мухамедом Джантюриным в представлении об увольнении местного начальника Якупа Сындыбаева против Надежинского отряда обозначено следующее: в 1851 году начальник 27-й дистанции донес бывшему султану-правителю Ахмеду Джантюрину о том, что «местный начальник против Надежинского отряда Якуп Сындыбаев, состоя в этой должности с 1834 года, исполнял оную безукоризненно, ныне чувствуя в себе, руках и ногах болезнь, /:ломоту:/, не имеет возможности исполнять, просит уволить его Сындыбаева от настоящей должности. Причем Казыбаев представил рапорт самого Сындыбаева, коим он просил о том же. Султан-правитель Восточной части доложил Пограничной комиссии, что на место Якупа Сындыбаева, в местные начальники против Надежинского отряда избрал почетного казаха Аргымбая Жанжигитова, о котором представил при сем по форме список и, тем самым, просил разрешения Пограничной комиссии об утверждении Жанжигитова в должности местного начальника.

Формулярный список о казахе Аргымбае Жанжигитове, удостаиваемом в местные начальники против Надежинского отряда, составленный сотником султаном Мухамедом Джантюриным является ценным материалом, позволяющим реконструировать механизмы подбора, оценки кандидата на должность. Документ фиксирует не только имя, родовую принадлежность и имущественное положение Жанжигитова, но и набор критериев, по которым администрация оценивала кандидатуру на должность: возраст, характер, грамотность, лояльность, преданность правительству, служебную деятельность и репутацию, отсутствие судимости, семейное положение, кочевые маршруты и численность подвластного хозяйства.

В декабре 1851 года был издан приказ об увольнении Сындыбаева и определении на должность местного начальника Жанжигитова. В феврале 1852 по рапорту султана-правителя Восточной части Мухамеда Джантюрина в Пограничную комиссию, в соответствии с предписанием Пограничной комиссии от 28 декабря 1851 года, почетный казах Аргымбай Жанжигитов был утвержден местным начальником против Надежинского отряда на место уволенного Якупа Сындыбаева. В присутствии султана-правителя и письмоводителя он был приведен к присяге на верность службы по клятвенному обещанию и установленным порядком введен в должность. После введения в должность начальника и приведения его к присяге, в Пограничную комиссию доставляли присяжный лист вновь избранного начальника [159, л. 3–12].

Кейс о назначении местного начальника, который длился с апреля по октябрь 1851 года, относится к делу об увольнении местного начальника против Ключевской станицы Ирмекова. Местный начальник против Ключевской станицы в 20-й дистанции Чота Ирмеков 28 марта донес о его продолжительной болезни и невозможности исправлять обязанности местного начальника.

В апреле 1851 года в Пограничную комиссию донес о данном случае султан-правитель Восточной части, полковник Ахмет Джантюрин. 10 мая того же года султан-правитель представил список по форме о казахе Ингыртбае

Кунакбаеве, который был избран местным начальником против Ключевской станицы вместо уволенного по болезни Чоты Ирмекова.

Из списка по форме о казахе Кунакбаеве известно следующее: Ингыртбай Кунакбаев был из рода кыпшак, отделения булгашин. Летом кочевал между рр. Тогузаком, Тоболом и Аятом, а зимой - против Ключевской станицы. Состояние имел порядочное. Был в возрасте 46 лет, характер у него был хороший, грамоту не знал. Наград не получал. В экспедициях не был, под судом не был. Жены: Урпай Ибеспаева – 22 года, Ките Идилева - 24 года. Сыновья: Юсуф – 17 лет, Нурмухаммед – 13 лет, Ишмухаммед – 11 лет, дочери: Дильда – 14 лет, Бибийкайша - 3 года. В ведомости его было бы 190 кибиток, лошадей - 2000, верблюдов - 7, рогатого - 1350, баранов - 1800. В июне согласно ходатайству султана-правителя Восточной части Ингыртбай Кунакбаев, был назначен местным начальником. В сентябре 1851 года Кунакбаев был приведен к присяге [160, л. 5-9].

В данном архивном документе не упоминается дистаночный начальник и его взаимодействие с местным начальником или султаном-правителем. Данный кейс показывает, что султаны-правители могли сами назначать и ставили в известность региональную администрацию, так как документация проходила через них. Исходя из этого, можно сделать вывод, что не всегда соблюдали вертикаль взаимодействия.

26 апреля 1857 султан-правитель Восточной части Мухамед Джантюрин донес в Пограничную комиссию, что начальник 21-й дистанции султан Сермухаммед Джигангиров от 24 января донес, что местный начальник вверенной ему дистанции против Усть-уйской станицы Джиеналы Испулаев от продолжительной болезни 20 января умер, а потому он избрал на эту должность достойного и благонадежного казаха, сына умершего почетного казаха Аманжола Джиеналина, представив список о нем, он просил утвердить его в должности местного начальника против Усть-Уйской станицы в 21 дистанции. Из поданного списка известно нам, что Аманжол Джиеналин - почетный казах из рода кыпшак, отделения теныбек. Летом кочевал между рр. Тобол и Тогузак, а зимой - против станицы Усть-Уйской. Состояние у него было хорошее, в возрасте 27 лет, характер у него был скромный, знал русский и татарский. Известен преданностью. Наград не получал, в экспедициях не был, но был известен преданностью правительству. Был холост. Под следствием и судом не был. В Усть-уйской станице (в его ведомости) кибиток было 569, лошадей - 4750, рогатого – 2120, баранов - 2650. В июле 1857 года Аманжол Джиеналин был определен местным начальником, о чем сообщалось султану-правителю Восточной части с предписанием ему передать дела, печать и наставления Аманжолу Джиеналину. В октябре 1857 года султан-правитель Восточной части представил присяжный лист Джиеналина в Комиссию. Присяжный лист Аманжола Джиеналина от 16 октября выглядел следующим образом: «Вследствие предписания ОПК от 15 июля сего года определенный местным начальником против Усть-Уйской станицы Аманжул Джиеналин на верность службы, по присланному при том предписании бланку клятвенного обещания к

присяге приведен, которое, по совершении обряда за надлежащими подписями имею честь представить и доложить, что Джиеналину печать и наставления уже переданы. Султан Джантюрин М.». К присяге приводил мулла Мыктыбай Тельгарин, присутствовал управляющий Восточной части сотник султан М. Джантюрин [161, л. 4-10].

4.2 Дистаночные, местные начальники и Оренбургская пограничная комиссия: от конфликтов к сотрудничеству

Административные реформы в начале XIX в. привнесли изменения в социальной, политической и экономической сферах казахского кочевого общества и были нацелены на дальнейшую инкорпорацию Казахской степи в состав империи. Институты местной власти входили в зону интересов имперской власти. По мнению исследователя Султангалиевой Г. С., для российского правительства важно было привлечь представителей казахской элиты на службу государю и через них получить каналы воздействия на казахское население и в итоге – контроль над территорией казахских кочевий [162, с. 653-655].

Развитие отношений между кочевым обществом, казахскими чиновниками и региональной властью в XIX веке следует рассматривать через ключевые события, связанные как с конфликтами, так и с развитием сотрудничества между казахской знатью и имперской администрацией. Усиление противоречий и возникновение конфликтов между казахским населением и имперской администрацией было связано с административными нововведениями, проведенными на территории казахов Оренбургского ведомства. К числу факторов, вызвавших напряженность, относились реформы 1820-х годов, введение дистаночной системы в 1830-е годы, Положение об оренбургских казахах от 1844 года, налоговая политика, пропускная система и т. д.

Кроме того, в 1831 году было издано циркулярное распоряжение «О воспрещении самовольного перехода казахов в степь и обратно на линию», согласно которому казахским работникам запрещалось возвращаться в степную зону до окончания срока найма.

В 1833 году начальником Оренбургского края был издан приказ для комендантов Оренбургской линии, Уральской войсковой канцелярии и начальника Новоилецкой линии о недопуске казахов на внутреннюю сторону без билетов.

В 1835 году управление оренбургского военного губернатора предписало коменданту 3-й дистанции Ваулину не пропускать казахов без билетных пропусков, а также не допускать перегон скота без разрешения и уплаты установленного сбора на внутреннюю сторону. По мнению Кабульдинова З. Е., в начале XIX века колониальная власть перешла к ужесточению правил перехода казахов на внутреннюю сторону линии. Эти меры затрагивали казахов, проживавших среди башкир, находившихся временно на зимней кочевке или работавших у линейных жителей. Автор сводит суть российской политики к недопущению компактного расселения казахов [163].

Такие постановления со стороны имперской администрации как наличие пропускной системы по билетам ограничивали маршруты кочевок казахов и способствовали возникновению конфликтных ситуаций в приграничной зоне. Есть и другая сторона – положительная для российской власти. Вместе с тем, как отметил Е.Б. Бекмаханов, пропускная система была экономически выгодна правительству как источник пополнения казны и одновременно обеспечивала региональных чиновников дешевой рабочей силой [68, с.133].

На фоне активной колонизации региона, усиления административного давления и роста социальной напряженности в степном регионе произошло восстание Кенесары Касымова в 1837-1847 годах. Восстание Кенесары Касымова – борьба против царской власти с целью сохранить независимость и самостоятельность ханства как традиционного института власти. Взаимоотношения К. Касымова с дистаночными и местными начальниками носили сложный и противоречивый характер, поскольку Кенесары требовал признания ханской власти и выплаты зякета при одновременном запрете уплаты налогов русскому правительству [35, с. 268]. Об этих обстоятельствах изложено в труде Е.Б. Бекмаханова, в котором им приведен отрывок из поэмы Нысанбая «Кенесары-Наурызбай», в котором упоминаются дистаночные начальники: начальник дистанции №34 – Бабакай Абилев и начальник 46-й дистанции Толеген Жанкабылов [68].

Из строк этой поэмы можно проследить отношение к Кенесары, восхваления его как хана.

«… Одинок и беден народ,
Коль его покинул вожак.
Наурызбай и Кенесары,
Кто направит джигитов шаг?..»
«…При великом хане Кене
Были мы сильны и грозны.
Налетали на вражий стан
Наши доблестные сыны…»

Представленный фрагмент поэмы свидетельствует об идеализированном образе Кенесары хана как лидера, чья власть воспринимается не только как политическая необходимость, но и как основа существования народа. Поэт Нысанбай жырау фиксирует трагический период в истории казахского народа как потеря традиционного института власти и переход к колониальной реальности [164, с. 228].

Отношение и восприятие местными чиновниками усиливавшейся колониальной политики империи было неоднозначным. На наш взгляд, такое обстоятельство имеет субъективный характер, поскольку это зависело от целей и интересов индивидуума в условиях влияния внешних факторов. Часть казахских начальников сохраняла лояльность имперской власти и активно противодействовала восстанию с целью сохранения былого влияния и статуса в степи, другая часть, объективно оценивая политику империи и ее последствия для кочевого народа, переходила на сторону повстанцев.

Среди начальников, оказавших сопротивление Кенесары Касымову, следует выделить начальника 34-й дистанции Бабакая Абилева – лазутчика султана-правителя Восточной части Ахмеда Джантюрина, который передавал российским чиновникам сведения о расположении ставки Кенесары и перемещениях его отрядов, предоставлял лазутчикам лошадей и разведывательные данные о планах Кенесары. Кроме того, он укрывал в своем ауле лазутчиков Бердена Байкушкарова и Увакбая Качаганова, предоставлял им ночлег и лошадей [35, с. 368; 373]. Начальник 14-й дистанции Дарий Балтуов оказывал сопротивление восстанию, информируя коменданта Орской крепости о продвижении отрядов Кенесары Касымова к р. Камышкалы, их соединении с родом торткара и намерениях совершить нападение на род жагалбайлы [35, с. 264]. Начальник 12-й дистанции Якуп Худайкулов также сообщал сведения о действиях повстанцев. Подвластные ему роды и аулы были в подчинении ОПК и привлекались к выходу во вспомогательных царских отрядах [35, с. 277; 330–331]. Кашкынбай Наурызбаев – начальник дистанции также выступал против восстания, оказывал содействие царским войскам и лояльным родам при столкновении с отрядом брата Кенесары – Наурызбая Касымова, способствовав его поражению [35, с. 374]. Байкасым Сагиратов – начальник дистанции оказывал вооруженную и логистическую поддержку в ликвидации повстанческих отрядов Наурызбая Касымова [35, с.374]. Илемес Султабаев выступал на стороне администрации, участвовал в противодействии сбору зякета есаулами Кенесары и содействовал разгрому повстанческих отрядов [35, с. 374]. В экспедициях против Кенесары Касымова в 1843-1844 годах принимал участие и начальник 19-й дистанции Турмамбет Кунбасов под руководством султана-правителя Восточной части Ахмеда Джантюрина. Турмамбет Кунбасов также принимал участие в сборе верблюдов для экспедиции в Хиву, за что султан-правитель Ахмед Джантюрин ходатайствовал об его награждении золотой медалью за отличную службу и преданность правительству в 1844 году председателю ОПК М.В. Ладыженскому [39, с. 21].

Среди местных начальников следует выделить Костана Сартова, кочевавшего против Кидышевского отряда. Он также участвовал в 1843-1844 годах в экспедиции под руководством султана-правителя Восточной части Ахмеда Джантюрина против султана Кенесары Касымова [О почетней, с. 21]. Местный начальник Чампык Юсуфов, через которого осуществлялась переписка, одновременно испытывал давление со стороны Кенесары, требовавшего от его людей присоединения к восстанию. Старшина Тлеугул Атанов упоминается вместе с Чампыком как местный начальник, вовлеченный в сбор информации для российской администрации. Местный начальник, зауряд-хорунжий Мухамедияр Качаров воевал против Кенесары в составе военного отряда полковника Дуниковского [35, с. 260, 276-277]. Местный начальник аргынов Худабай Кушкинов также поддерживал имперскую власть и информировал о действиях повстанцев. Служил официальным нарочным (гонцом) у почетного бия Чигена Мусина и султана-правителя Восточной части Мухамеда Джантюрина, оперативно передавал в укрепления известия о

действиях Кенесары, сборе им зякета и нападениях на род жаппас [35, с. 378-379, 388].

Вместе с тем часть представителей местной власти поддержали восстание Кенесары Касымова. Так, старшина Улджебай Сатыбалдин стал одним из местных начальников, перешедших на сторону К. Касымова и увлекших за собой аулы вглубь степи. Бии Тиес и Чиманов оказывали материальную помощь повстанцам, в частности, Тиес предоставлял лошадей тюленгутам Кенесары Касымова. Батыр рода тама Жоламан Тленшиев - один из главных союзников Кенесары в оренбургском ведомстве, объединил с ним отряды для совместной борьбы против царских укреплений на реках Илек и Тургай, бий рода табын Байкадам Бакайдаров со своими подвластными примкнул к Кенесары и содействовал его военным отрядам. [35].

Конфликтный характер отношений между кочевым населением и русской администрацией сохранялсяя и в 1850-е годы. Продолжались частые нападения казахов на караваны, гарнизоны и приграничные районы. В связи с этим 27 ноября 1854 года Оренбургская пограничная комиссия объявила о применении смертной казни к казахам, нападавшим на военные отряды и купеческие караваны. В документе отмечалось, что в Оренбургской степи, особенно в окрестностях Уральского укрепления, казахами было совершено «несколько грабежей и хищений: вооруженные разбойники нападали не только на русских купцов в степи и на транспортных извозчиков, но даже на почтарей, доставлявших почту в степные укрепления». В предупреждение таких преступных действий в степи оренбургский и самарский генерал-губернатор предложил Пограничной комиссии объявить всей Орде, что если казахи продолжат нападать на военные транспорты и караваны, угонять казенных лошадей и скот, то виновные за все такие правонарушения будут судимы военным судом в ближайшем укреплении и наказаны смертной казнью [165, л. 6–7 об.].

О конфликтах между казахским населением, кочевой знатью и региональной администрацией, в частности, о негативных последствиях жесткой политики русских властей изложены в строках стихотворения Ж. Жабаева:

«Мы боялись тебя, Орымбор,
Проклинали тебя, Орымбор,
Ты страшилищем слыл, Орымбор,
От Едиль до Тянь-Шаньских гор».

Приведенный фрагмент отражает крайне негативное восприятие Оренбурга как одного из центров российской власти в регионе, как воплощение системы власти, воспринимавшейся частью казахского населения в качестве источника давления и социальных потрясений. И в народном сознании народа имперское правительство воспринималось не как институт порядка, а как источник насилия и экономического разорения.

«Из казенных твоих ворот
Караваны водили купцы,
Чтобы грабить в аулах народ

До последней тощей овцы».

Здесь мы можем увидеть истинные взгляды глубокого разочарования казахского народа в сложившейся ситуации, о разорениях, грабежах казахских аулов, утраты хозяйственной самостоятельности.

«...Ханов, беков манил Орымбор
Золотым сундуком казны,
За предательство и позор
Ты давал им большие чины…».

Данный фрагмент характеризует кочевую знать, которая сотрудничала с русским правительством, как предателей своего народа за получение материальных вознаграждений, должностей и чинов. Этот нарратив подчеркивает раскол в обществе, где легитимность традиционной власти была подорвана зависимостью от колониального центра.

«А потом с тобой, Орымбор,
Город пыток, цепей и бед,
По-казахски повел разговор
Наш батыр, незабвенный Бекет.
Он хотел тебя сжечь,
Чтобы ты кандалы не ковал,
Был тяжел императорский меч –
И Бекета ты бросил в подвал.
Но Бекета ты не сломил –
Он жил и умер орлом».

Из этих строк мы видим, что Ж. Жабаев описывает трагические последствия для казахского народа и упоминает Бекета батыра как батыра казахского народа, народного героя Казахстана, руководившего восстанием бедноты в XIX веке.

Таким образом, в данном произведении переплетены два аспекта: с одной стороны, интересы простого народа, испытавшего последствия социально-экономических изменений, а с другой стороны, интересы части местной власти, которая использовала сложившуюся систему отношений для укрепления своих позиций в обществе, а также социальные противоречия, возникшие в процессе адаптации к новым политическим реалиям [32, с. 29–35].

Наряду с вооруженными конфликтами существовали противоречия внутри самой системы местного управления. Интерес представляет кейс об убийстве должностных лиц. Так, в 1836 году начальник 17-й дистанции Серкебай Каркынов донес русской администрации об убийстве местного начальника против Магнитной крепости Кидея Байзакова. Вместо него казахи Бузбецкого отделения избрали Каланбая Иркебаева, кандидатура которого была представлена на утверждение региональной администрации. В этом архивном документе также можно увидеть исполнение должностных обязанностей дистаночным начальником докладывать региональной администрации о выдвижении кандидатуры на должность. В данном случае русское начальство запросило мнение султана-правителя Средней части оренбургских казахов,

султана Юсупа Нуралиева о том, «…признает ли он рекомендуемого в местные старшины Каланбая Иркебаева достойным сего звания и донести его мнение в Комиссию».

В 1840 году в Пограничную комиссию поступил рапорт от поручика Ивашкевича о том, что начальник 18-й дистанции зауряд-хорунжий Назаров в своем рапорте представил ему подписку от казахов, кочующих против Магнитной крепости. Рапорт содержит сведения о смене местного начальника по «худому поведению» Каламбая Иркебаева и о поручении этой должности казаху Алчинбаю Юрзакову и запросе об утверждении Юрзакова в должности местного начальника. К рапорту прилагалось прошение казахов отделения бузбет рода жагалбайлы об утверждении Алчинбая Юрзакова из-за недовольства «худым поведением Иркебаева».

В прошении было указано «… местному начальнику Иркебаеву вместо убитого Кыдыя Байзакова было поручено управлять родом. В управлении нами имеет следствия самые худые, по сему, мы, Иркебаева не хотим иметь себе в начальники, в чем дистаночного начальника Назарова просим сделать распоряжение избрать нам другого местного начальника. Кочующие против Магнитной крепости подписали: Маманай Наусенов, Умирзак Наусенов, Бармак Багисов, Букан Токбуранов, Балыкбай Токбуранов, Утарбай Байтинов, Куючал Байтинов, Кучюм Байтинов, Иса Кусагалов, Кусякбай Тутов, Избаскан Байбуранов, Нарынбай Атыгаев, Байтин Арыстангулов, Нарынбай Бейсинов, Байзак Арыстангулов, Кулшыбай Юрзаков, есаул Юрунбаев, Силибек Бирдыбаев, Избибибай Багисов, Сырлыбай Сергепов, Бикзак Астангулов».

Далее, поручику Ивашкевичу от Пограничной комиссии был отправлен запрос с предоставлением сведений, в каких именно дурных поведениях замечен был Иркебаев. Кроме того, Пограничная комиссия запросила информацию и у султана-правителя Средней части оренбургских казахов по делу прошения казахов близ Магнитной крепости с подпиской о смене местного начальника Иркебаева по «худому поведению», указанному в рапорте поручика Ивашкевича, состоявшем при управлявшем казахами рода жагалбайлы, султане Мирхайдаре Темирове. Вследствие этого Пограничная комиссия приказала донести о достоверности изложенных в рапорте и прошении обстоятельств, «…точно ли местный начальник Иркебаев не хорошего поведения и в каких дурных поступках был замечен».

В 1845 году правитель Средней части оренбургских казахов Арслан Джантюрин донес в Пограничную комиссию, что лично допросил «почетных ордынцев» о поведении местного начальника Иркебаева «в производимой в минувшем 1842 году [поездке] по делам службы вверх по линии чрез крепость Магнитную». После допроса «почетных ордынцев» сообщил, что Иркебаев «ни в каких предосудительных поступках замечен не был». В результате полученных сведений от султана-правителя Средней части Арслана Джантюрина, из которых видно, что «Иркебаев исправлял должность местного начальника с усердием, а казахи отзывались о нем с хорошей стороны, а сам правитель посчитал

неудобным сместить его с должности», Пограничная комиссия утвердила Иркебаева в звании местного старшины [166].

Исходя из вышеизложенного следует подчеркнуть, что при возникновении спорных ситуаций русская администрация стремилась опираться на свидетельства местной власти: султанов-правителей, дистаночных и местных начальников, а решения принимались на основании собранных сведений.

Развитие конфликтной ситуации среди кочевого населения и его взаимодействие с русской администрацией можно увидеть на примере кейса, связанного с дистаночныи начальником Асфендияром Сюгалиным, который под видом кибиточного налога незаконно взимал скот с казахов родов шомекей и торткара. В ответ на подобные действия представители пяти родов во главе с батыром Жанкожой Нурмухаммедовым направили жалобу оренбургскому губернатору с требованием отстранения и привлечения к суду А. Сюгалина. Впоследствии он был отстранен от сбора кибиточного налога. Однако данный случай не был единичным и отражал распространенный характер злоупотреблений со стороны местной администрации [167].

Подобные случаи носили систематический характер. Факты злоупотребления полномочиями в виде незаконных поборов с населения, замечены в деятельности местного начальника Куйбалова. В 1840 году казахи Намазов, Баулиберген Джинчин, Тастемир Джанкарин, кочевавшие при Ново-Илецком форпосте, подали жалобу на местного начальника Исбергена Куйбасова, обвиняя его в незаконных поборах, взимании скота, денег и имущества. В их претензии председателю Пограничной комиссии отметили, что местный начальник Исберген Куйбасов «кроме личных обид делал им и другие притеснения, а именно:

- в 1834 году с казахов отделения жарас взял неизвестно для чего 16 баранов во время сбора денег за кочевание по 1 руб. 50 коп. серебром;
- с казахов отделений айдар, карамук собрал 42 барана и потребовал в свою пользу, когда как они отдавали в казенный сбор;
- с казаха Минабая Шалабаева разными устрашениями взял денег 60 руб.;
- в 1840 г. во время сбора верблюдов для Хивинской экспедиции взял в свою пользу 1 верблюда и во время последнего сбора денег 220 руб. и 6 баранов;
- с казаха Шабара Дусакова взыскал 1 лошадь, 1 корову с теленком, бычка и телку 3 лет».

Они просили уволить Исбергена Куйбасова с должности местного начальника. В ответ на прошение Пограничная комиссия предложила султану-правителю Западной части произвести расследование с доставлением доказательств в Пограничную комиссию. В 1844 году тот же состав с Намазовым, Баулибергеном Джинчиным, Тастемиром Джанкариным снова доложили председателю Пограничной комиссии о том, что из числа денег, собранных за кочевание, с 493 кибиток по 1 руб. 50 коп. Исберген Куйбасов утаил с 103 кибиток, и взыскал с 8 кибиток по 88 руб. В 1843 г. сверх кибиточного сбора приказал заплатить за свой долг 47 баранов [168].

Среди султанов-правителей также фиксировались злоупотребления служебным положением. Так, султан-правитель Средней части М. Баймухамедов был обвинен в незаконном присвоении скота и имущества казахов рода табын, а также в завышении размеров сборов, установленных властями, в связи с чем в 1845 г. было возбуждено против него следственное дело.

Еще одним свидетельством злоупотребления и взяточничества на службе является прошение на имя председателя Оренбургской пограничной комиссии казахов рода аргын и рода кыпшак с жалобой на султана-правителя Восточной части А. Жанторина. Однако комиссия, расследовавшая дело А. Жанторина, признала его невиновным, а прошение 315 казахов оставила без удовлетворения. В свое время за злоупотребления служебным положением должности султана-правителя лишились Ш. Орманов, М. Мухаметкалиев, Д. Жанторин, Ш. Бахтыгереев.

В системе дистаночного управления существовала и практика неподчинения русскому начальству со стороны дистаночных начальников. Возникшая на этом фоне практика отстранения от должности начальника свидетельствует о стремлении правительства контролировать эффективность и лояльность казахских управленцев. В 1859 году председатель Пограничной комиссии В. Григорьев доложил оренбургскому и самарскому генерал-губернатору доложил о неоднократных кражах в подведомственной начальнику 11-й дистанции Джанбулату Бачентаеву территории.

По мнению В. В. Григорьева, Бачентаев не исполнял распоряжения начальства должным образом, «все преследования этих преступников через дистаночного их начальника оказывались безуспешными, потому что Бачентаев сам потворствует воровству и разным беспорядкам со стороны своих подчиненных, стараясь отделаться от требований начальства о раскрытии воров, одними лишь донесениями, что им приняты самые деятельные меры к отысканию виновных, тогда как на самом деле ничего подобного нет: хищники спокойно остаются на свободе и продолжают воровать; а число жалоб возрастает». «…Бачентаев оказывается виновным в слабом надзоре за казахами и в нераспорядительности по исполнению начальственных предписаний, так как постоянный неуспех в раскрытии воров и мошенников, гнездящихся в его дистанции, а равно и бездеятельность по разбору претензий на захват луговых и пашенных мест, прямо должны быть отнесены к его нерадению и послаблению».

В связи с этим, он предложил уволить Жанбулата Бачентаева от занимаемой им должности, временно поручив исправление ее местному начальнику против Черкасского отряда зауряд-хорунжему Тлеумухаммеду Нурмухаммедову, а управлявшему Средней частью полковнику Баймухаммедову избрать в начальники 11-й дистанции казаха способного и деятельного, который бы не имел в этой дистанции родственных связей, повсюду в степи мешающих казахским властям действовать с надлежащим беспристрастием, а также отметить в «списке об ордынцах», занимающих в Средней части должности [169, л. 2-5].

Аналогичным образом в июне 1851 года начальник 28-й дистанции в Средней части султан Мухамедказы Арунгазыев просил отстранить местного начальника 70-летнего Турдалия Чикабаева за неисполнение служебных обязанностей, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны начальника дистанции и Пограничной комиссии. В результате в декабре 1857 года местный начальник Турдалий Чакабаев был «уволен от должности «по нерадению к службе», а его должность занял бий Кашкынбай Кусаков [170, с. 3-4].

Несмотря на конфликты, взаимодействие казахских чиновников и региональной администрации постепенно приобретало устойчивые формы сотрудничества. Как отмечает Избасарова Г. Б., Оренбургская пограничная комиссия играла значительную роль в реализации имперской политики на территории казахов Оренбургского ведомства. Региональные власти придерживались политики постепенного внедрения административных преобразований с учетом особенностей кочевого общества, «однако были и отдельные военные губернаторы, которые действовали в противовес этому, что приводило к конфликту между двумя структурами власти». Гибкость и многовариантность продвижения российской политики послужили опорой для обеспечения стабильности империи.

На территории Казахстана для русской администрации опорой продвижения политики империи были казахские султаны. В результате проведения реформ в 1824 году на территории трех частей (Западной, Средней и Восточной) оренбургского ведомства появились должности султана-правителя. Наряду с этим была и должность исправляющего должность султана-правителя, рассматриваемая как испытательный срок, в течение которого султан должен был продемонстрировать свои способности, преданность и усердие на службе российскому правительству.

Региональные власти контролировали деятельность местных органов управления. Назначение на должности осуществлялось через Пограничную комиссию, которая собирала сведения о надежных и лояльных имперской власти людях. К концу 1840-х годов ОПК практически сформировала «базу данных» о казахских чиновниках. Эти сведения учитывались при назначении дистаночных и местных начальников.

Наглядным примером является дело «О службе начальника 8-й дистанции султана Махмуда Алгазыева», содержащее формулярный список чиновника. В подобных документах фиксировались происхождение, служебная деятельность, поведение, исполнительность, наличие взысканий, наличие наград и отношение к службе. Особое внимание уделялось вопросам, связанным с добросовестностью исполнения обязанностей, способностью поддерживать порядок среди подчиненных. Стандартная форма характеристики способствовала составлению портрета кандидата в чиновники и определить готов ли кандидат исполнять обязанности на конкретной должности [171].

Процесс сотрудничества между казахскими управленцами и региональной администрацией прослеживается через многочисленные рапорты, донесения,

прошения и предписания. По мнению Ерменбаевой Г. К., султан Б. Айшуаков вошел в историю как один из наиболее преданных царизму представителей казахской знати. По мере превращения султанов в оплачиваемых империей чиновников они постепенно отдалялись от местного населения и все более интегрировались в административную систему империи.

Взаимодействие султанов-правителей и региональной власти прослеживается на примере рапорта султана-правителя Западной части Баймухаммеда Айшуакова председателю Оренбургской пограничной комиссии М. В. Ладыженскому от 1844 года. Анализируя документ, можно представить практику делопроизводства: султан-правитель получал предписание от Пограничной комиссии, затем султан-правитель направлял необходимые сведения по запросу Пограничной комиссии. В данном случае султан-правитель предоставил список кандидатов, рекомендованных к награде, с подробной характеристикой каждого. В документах указывались «*происхождение, возраст, место кочевок, состояние, поведение, грамотность, награды и служебные заслуги и чины*». Так, начальник 1-й дистанции султан Муртазагали Узбекгалиев был в возрасте 28 лет, характеризовался как человек «хорошего характера», умеющий читать и писать по-татарски, назначенный начальником за верную и усердную службу. Представлялся в чин «хорунжего за исправное управление своей дистанцией и прочих возлагаемых на него поручений» [172, л.33].

Начальник 7-й дистанции Ялпык Тайланов в возрасте 53 лет, рода тама, отделения кенжебай. Его описывают как человека, у которого характер хороший, имущественное положение посредственное. Известен правительству за усердие в сборе денег за кочевание в 1837 году, за что и получил саблю. За присутствие в Санкт-Петербурге с ханом Шергазы Айшуаковым был награжден серебряной медалью на аннинской ленте. Был представлен в чин зауряд-хорунжего за отлично-усердную службу и за успешное исполнение обязанности по вверенной ему дистанции.

Помимо продвижения начальников дистанций для наград или назначения новых начальников, султаны-правители выступали инициаторами и обращались к региональной администрации с предложениями относительно преобразования административного устройства. Султан-правитель Восточной части оренбургских казахов Ахмед Джантюрин, обратившись в Пограничную комиссию, предложил учредить новую дистанцию в племени жогары-шекты рода аргын, в состав которой должны были войти казахи того же рода, отделения уджан, будене, татан и утемис, которые кочевали между реками Тобол и Тургай в количестве 510 кибиток. Рекомендовал на должность начальника дистанции Кудабая Кучбина, представив подробную характеристику его происхождения, способностей и личных качеств [173, л. 1-3].

Среди предложений в Пограничную комиссию со стороны казахских чиновников по усовершенствованию системы управления, рассматриваемые в контексте взаимодействия с региональной властью, следует отметить предложение султана-правителя Западной части Мухамедгали Тяукина о разделении 31-й дистанции на 3 дистанции из-за ее многочисленности и

назначении 3-х дистаночных начальников к ним. И на каждого кандидата заполнялась форма [174, л.15].

Механизм взаимодействия между дистаночными начальниками, султанами-правителями и региональной администрацией был аналогичен с механизмом взаимодействия султанов-правителей и региональной власти. Начальнику дистанции выдавалось предписание от султана-правителя, во исполнение предписания начальник дистанции предоставлял ответные донесения, рапорты или списки по установленным формам султану-правителю. Султан-правитель далее отправлял донесения региональной администрации [175, л.3].

В целом имперская администрация создала базу и систему учета казахских чиновников, в которой фиксировались не только лояльные и преданные службе чиновники, но и лица, считавшиеся неблагонадежными. На основе формулярных списков формировались представления о личных качествах управленцев, проводился анализ их способностей, служебной деятельности, в результате чего были составлены портреты казахских чиновников. Основными критериями отбора, назначения, продвижения по службе являлись преданность правительству, усердие в службе и исполнительность.

4.3 «Социальная инженерия»: включение детей дистаночных и местных начальников в имперский образовательный процесс

Главной целью развития образования и распространения учебных заведений в первой половине XIX в. была подготовка служилого аппарата для русского начальства. В первой половине XIX в. в вопросе просвещения учитывались интересы империи, что привело к игнорированию потребностей казахского населения в светском образовании на родном языке. Во 2-й половине XIX в. возросла необходимость в увеличении числа переводчиков и других чиновников для административной системы управления. Недостаточное количество служилых для нужд чиновничьей администрации требовали роста количества учебных заведений.

В первой половине XIX века функционировало 2 учебных заведения на территории Оренбургского ведомства: Неплюевский кадетский корпус (1825–1918 гг.) и школа казахских детей при Пограничной комиссии (1850–1869 гг.).

Для анализа проблемы развития образования казахов отобраны архивные материалы по школе, учрежденной при Пограничной комиссии для казахских детей, поскольку функционировала данная школа с 1850 года по 1869 год в период существования дистаночной системы управления.

Целью обучения детей в школе была схожей с целью обучения в Неплюевском кадетском корпусе – это подготовка кадров из числа казахов для службы империи и решения административных задач на местах.

Отличие в обучении в школе при Пограничной комиссии от обучения в Неплюевском кадетском корпусе заключалось в программе обучения, а именно в языковом блоке. Если в Неплюевском корпусе среди учебных предметов

изучались русский, французский и немецкий, татарский, арабский и персидский языки, то в школе для казахских детей изучались русский и татарский языки. Кроме того, программа изучаемых предметов в Кадетском корпусе была намного шире, чем в школе при Пограничной комиссии.

Относительно выпускников Неплюевского кадетского корпуса из числа казахского населения можно увидеть в работе исследователя Г.С. Султангалиевой, где автор дает количественные показатели, в частности, о числе казахов, окончивших в период 1825–1866 гг. За этот период было 37 выпускников, из них 21 – это сыновья султанов, 2 – сыновья биев, 14 – сыновья старшин. Из представленного списка выпускников можно увидеть, что наибольшее количество представляют дети султанов, но среди них не было детей дистаночных и местных начальников. Вероятно, это связано с тем, что образование в Кадетском корпусе считалось элитарным, и при принятии в кадетский корпус учитывался сословный принцип, то есть принимались дети султанов-правителей, наиболее влиятельных султанов [176].

В истории образования детей дистаночных и местных начальников немаловажную роль играла школа для обучения казахских детей, учрежденная при Оренбургской пограничной комиссии в первой половине XIX в. В 1850 г. при Пограничной комиссии была учреждена школа для детей казахов, преданных русскому правительству. Срок обучения в школе был 7-летний, и обучение велось на русском языке. Школа функционировала до 1869 года и за 19 лет работы, количество выпускников составило 48 человек. Одним из первых выпускников этой школы в 1857 году был Ибрагим (Ибрай) Алтынсарин, известный казахский просветитель и инспектор народных училищ Тургайской области [177].

Согласно Положению о казахской школе при Оренбургской пограничной комиссии, утвержденному 14 июня 1844 года, количество обучавшихся в школе казахов должно было быть 30 (§ 1). По сведениям Султангалиевой Г. С., из первых 30 детей, зачисленных в школу, 11 – дети султанского происхождения, 5 – сыновья биев, остальные были детьми почетных казахов и старшин. [25, с. 124].

Кроме определенного числа штатных воспитанников (на казенном содержании), в школу могли быть приняты и сверх штата ученики на собственном их содержании или же вольноприходящие молодые казахи, что предоставлялось на усмотрение Пограничной комиссии (§15).

Школа при Пограничной комиссии была учреждена с целью распространения русского языка среди казахов, подготовки способных людей к занятию должностей письмоводителей, переводчиков, писарей при дистаночных начальниках и султанах-правителях, на которые исключительно назначались казахи (§2). Школа состояла в ведомстве Пограничной комиссии, наблюдение же возлагалось на председателя (§3), с разрешения и утверждения которого осуществлялся прием казахских детей в школу (§13). В школу принимались исключительно казахские дети и, преимущественно, родители

которых известны русскому правительству своей преданностью или оказывали правительству услуги (§12).

Штат школы состоял из надзирателя, у которого было помещение в здании школы, учителей русского языка, чистописания и арифметики, учителя татарского языка и законоучителя магометанского вероисповедания (§4). В обязанности надзирателя входило заведование школой и надзор за обучавшимися, которых называли воспитанниками (§7). Помимо надзирателя при учениках для постоянного присмотра находились 2 отставных унтер-офицера (§8). Финансирование школы и содержание учеников определялись штатом управления оренбургскими казахами (§10). Сумма, определенная штатом, покрывала отопление и освещение школы, наем сотрудников, ремонт заведения, покупка учебных припасов и учебных пособий (§11). Примечательно, что в школу без согласия родителей детей не принимали (§14).

Возраст для вступления в школу полагался от 8 до 12 лет (§16). В школе было 4 класса, срок обучения был 7-летний по 2 года в первых трех классах и 1 год в последнем четвертом классе.

В школе изучали следующие дисциплины: закон магометанский, русский язык, чистописание и грамматика; арифметика и способ счисления на счетах, татарский язык, составление деловых бумаг на русском языке (§17). По сведениям Алтынсарина И. помимо указанных предметов изучались порядок производства следствия и составление деловых бумаг на русском и татарском языках и гимнастика [178, с. 281-283].

По Положению о школе от 1844 года учитывался образ жизни казахов в степи и в летнее время отправляли их на кочевку в одно из ближайших и удобных мест, где за ними также должен был быть надзор §19. На практике из архивных документов известно, что казахские дети после окончания года обучения в мае отправлялись к родителям в отпуск в летнее время, называя это вакационным временем, и возвращались в школу не позднее 1 сентября.

Что касается одежды казенных воспитанников, то она должна была быть однообразна и применена к одеянию казахов (§20). При школе был лекарь (врач Пограничной комиссии), в обязанности которого входило посещение больных детей, для которых была предусмотрена особая камера. При тяжелой и продолжительной болезни детей переводили в военный госпиталь (§21). Здесь следует добавить, что лекари также отправлялись в аулы казахских детей для осмотра больных детей, которые не могли вернуться в школу. К примеру, лекарь Эверсман после извещения о состоянии воспитанника был отправлен к мальчику Мухамед-Садыку Кучумову - сыну Кучума. В результате осмотра и освидетельствования мальчика лекарем заключил, что мальчик тяжело болен и никакие лекарства уже не помогут ему.

Следует отметить, что благодаря предложениям оренбургского и самарского генерал-губернатора Катенина А.А., увеличить число учеников и расширить программу обучения, 14 апреля 1859 г. были приняты новые положения. По новой программе число казеннокоштных мест для казахских детей увеличилось до 40, срок обучения сократился до 6 лет, по 2 года в каждом

классе, всего было 3 класса. Полагалось по штату надзиратель школы, 9 учителей и 3 унтер-офицера для наблюдения за учениками.

Прошения казахов о зачислении детей в учебные заведения

Прошения казахов о зачислении их детей в школу при Пограничной комиссии по архивным материалам числятся с 1845 года по 1849 год, перед открытием школы казахских детей при Пограничной комиссии. С объявления султанам-правителям трех частей Оренбургского ведомства о возведении школы и принятии туда детей казахов, не все казахи захотели отдавать на воспитание своих детей в школу при Пограничной комиссии. Об этом свидетельствовали рапорта султанов-правителей в Пограничную комиссию. Лишь после прошений отдельных султанов о принятии их сыновей в школу, явившихся примером для других казахов, появился некий поток желавших образовать детей. Этому способствовала также агитация султанов-правителей, на которых напрямую возлагалась в обязанность Пограничной комиссией, на получение образования в школе и ее пользе при вступлении на службу. Прошения о принятии их детей в школу отправляли казахские должностные лица, чиновники, представители казахской знати, дети которых принимались в случае преданности и оказания услуг русскому правительству.

В качестве примера может послужить прошение почетного казаха против Илецкого городка Куйсары Исенова (род табын, отделение кадырбек): «Желая образовать сына Кушмухаммеда (9 лет), я намерен определить его в Оренбургский кадетский корпус или, если невозможно, то вновь учреждаемую при Пограничной комиссии школу для казахских детей», тем самым, просил у Председателя Пограничной комиссии распоряжения о зачислении сына его в одно из упомянутых заведений на казенное содержание. Однако русское начальство не ограничивалось лишь прошениями со стороны казахского населения, а требовало сведений у султанов-правителей, в ведомстве которых они находились, наводило справки относительно каких-либо вопросов, в том числе, и о родителях, просивших о зачисления детей их в учебные заведения. Так и в этом случае, не дав предварительного ответа просившему лицу, начальство предписало султану-правителю Западной части о том, чтобы он доставил нужные сведения (имя, происхождение, место кочевания, состояние, характер, грамотность, возраст, услуги, награды) о Куйсары Исенове. Далее Пограничная комиссия через султана-правителя объявляла просителю, что по открытию школы будет сделано распоряжение о принятии сына его в школу казахских детей при Пограничной комиссии. Однако количество желавших отдать детей в школу не было велико. По этому поводу начальство отметило: «Так как совсем мало казахов изъявило желание на отдачу детей в учебные заведения, а приглашение их более зависит от правителей их, то Пограничная комиссия обязала султанов-правителей всех частей зависящими от них средствами и советами склонить почетных казахов к получению образования их детей, которые преимущественно бы назначались к должностным и почетным местам в Орде». Список лиц, которые отправляли прошения для зачисления их детей в школу при Пограничной комиссии, можно увидеть в таблице 4.1 [179].

Таблица 4.1 – Список казахов, желающих зачислить детей в школу для казахских детей при Пограничной комиссии и Неплюевский кадетский корпус

№	Ф.И.О. просителя	Ф.И.О. кандидата, возраст	Происхождение	Результат
Западная часть				
1	Зауряд-хорунжий Савандык Тюлюбаев	Сын Юсуп, 13 лет	Род жагалбайлы	Зачислен кандидатом в воспитанники школы
2	Старшина Мухаммед Утемисов	Нурсултан, 10 лет	Род Бериш отделение жаик	Не принят из-за отца его, обвиненного в различных проступках
3	Старшина Япар Илекбаев	Досмухаммед, 12 лет		
4	Почетный казах Мяке Айтаев	Кушакгалий, 12 лет	Род теленгут	
5	Почетный казах Каркабай Баубеков	Бикбул, 12 лет	Род табын, отделение даултай	
6	Почетный казах Байкубек Алибеков	Сарсенбек, 12 лет	Род табын, отделение даултай	
7	Кармыс Якасев	Мухамедгалий, 12 лет	Род тама, отделение аташал	
8	Местный начальник против Оренбурга Самбай Куккузов	Сабыржан, 6 лет, Аман, 9 лет		Зачислены кандидатами в воспитанники школы
9	Хорунжий Бармак Муратов	Байтокман, 10 лет		Зачислен кандидатом в воспитанники школы
10	Султан Курбан-Галий Альмухамедов	Султан Куват-Галий, 12 лет	Султанского происхождения	Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
11	Султан, зауряд-хорунжий Кульдур Сеидгазыев	Султан-Герей, 9 лет		Зачислен кандидатом в воспитанники

				школы в 1846 г.
12	Султан Иркен-Галий Булекин	Куваныч-Галий, 9 лет		Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
13	Султан Ходжам-Яр Каипгалиев	Бахтыгерей, 10 лет		Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
14	Султан Асфендияр Артыков	Куват-Галий,12 лет		Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
15	Бий Гакыл-Бек Исенгильдин	Тастанбек, 7 лет	Род тама, отделение асан	Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
16	Старшина Нияз Алдабергенов	Баймулла, 12 лет	Род тама, отделение калкаман	Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
17	Старшина Башикары Калиев	Дюрткара, 12 лет	Теленгут	Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
18	Начальник 9-й дистанции, надворный советник султан Тауке Айшуаков	Сулейман, 4 года; Сагит, 3 года; Казы, 2 года	Султанского происхождения	Был зачислен в школу в 10 лет
19	Помощник султана-правителя Западной части, есаул, султан Мухамед-Галий Тяукин	Шангирей, 2 года	Султанского происхождения	Неплюевский кадетский корпус до подходящего возраста
20	Султан Даржан Агимов (Ачимов)	Багала, 13 лет	Султанского происхождения	Неплюевский кадетский корпус

21	Начальник 7-й дистанции, старшина Ястык Тайланов	Ажемкул, 13 лет		Неплюевский кадетский корпус
22	Исенкул Исбулаев	Кудаяр,12 лет		Неплюевский кадетский корпус
23	Местный начальник Атанкил Табулдин	Бикбулат, 13 лет		Неплюевский кадетский корпус
24	Старшина Исали Табулдин	Мухамедгали, 8 лет		Неплюевский кадетский корпус
25	Старшина Даукарин	Шынсултан, Младший сын		Был зачислен кандидатом в школу при Пограничной комиссии
Восточная часть				
1	Бий Балгуджа Ямгурчин	Внук Ибрагим Алтынсарин	Род кыпшак, отделение узын	Зачислен кандидатом в воспитанники школы в 1846 г.
2	Бий Юртак Баубеков	Родной брат Кунанбай, 9 лет; Сыновья брата родного, бия Амангельды Баджанова: Юсуф 10 лет и Якуп, 9 лет	Род кыпшак, отделение теленгут	Зачислены кандидатами в воспитанники школы в 1846 г.

Здесь следует отметить, что управляющий Западной частью в своих донесениях отметил, что из вверенной ему части никто согласия отдать детей своих в школу не изъявил. Но «он, М.-Г. Тяукин, отдав в школу 10-летнего сына Сулеймана, своим примером убедил отдать в школу 12-летнего Мухаммеда - сына султана Утепа Сюгалина, 9-летнего Миргалия - сына почетного казаха рода Табын Бахтияра Киякова и 12-летнего Бийсембе - сына казаха рода Маскар Лекера Куандыкова», который был исключен и заменен Тасименом, 12-летним сыном султана Таналия Абылаева. Позже были зачислены сыновья султана Кусеп-Гали Урманова - Адиль-Гирей и Сахиб-Гирей, Шангирей (Утебай) – сын султана Бердали Сарина, сын почетного бия Байтоки Айбасова 10-летний Ханшуак. После открытия школы султаны Утеп Сюгалин и Таналий Аблаев не пожелали обучать сыновей своих в школе и забрали их.

Султан-правитель Восточной части Ахмед Джантюрин 22 июня 1850 года отправил представление в Пограничную комиссию с запросом о том, сколько

именно мест было доступно для казахский детей, и сколько отведено мест для каждой части в школе при Пограничной комиссии. На данный запрос султана-правителя в Пограничной комиссии ответили, что в Положении о школе, утвержденном от 14 июня 1844 года, учрежденной при Пограничной комиссии «для обучения казахских детей нет назначения о точном количестве воспитанников, которые должны поступить в школу из каждой части, воспитанники школы могут быть даже из одной части, если из других частей желающих поступить не найдется». В тот момент из Западной и Восточной частей не было ни одного кандидата. Также в сообщении султану-правителю упоминалось, что количество воспитанников ограничивается в 30 человек, что называли комплектом, мальчиков для поступления в школу необходимо было доставлять в Оренбург не позже 1-го августа, чтобы ко дню открытия школы, запланированного на 22 августа, можно было обмундировать представленных кандидатов к поступлению в школу. Доставление детей, зачисленных в школу, производилось по-разному, одним из путей была высылка подорожного билета (пропуска) на проезд в Оренбург и обратно просителю, как правило, это были родители или родственники мальчиков. К примеру, в июле 1850 года султан-правитель Восточной части донес в Комиссию, что управлявший отделением узын рода кыпшак войсковой старшина, бий Балгуджа Ямгурчин желал отправиться в Оренбург для доставления в школу внука Ибрагима Алтынсарина, который был зачислен кандидатом для поступления в школу в 5-летнем возрасте в марте 1846 года. Так султан-правитель Восточной части ходатайствовал в Пограничную комиссию о выдаче бию Ямгурчину подорожного билета при проезде в Оренбург и обратно, на что ходатайство было удовлетворено со стороны оренбургского начальства [180].

Для отбора мальчиков для поступления в школу первым шагом было предписание Пограничной комиссии султанам-правителям объявить среди казахов во вверенной им части о том, что ведется набор детей для обучения в школе, учрежденной при Пограничной комиссии и найти кандидатов для зачисления в школу согласно желанию их родителей. Так султан-правитель Восточной части предъявил список из 10 мальчиков для зачисления в школу, что отражено в таблице 4.2.

Таблица 4.2 – Список казахских мальчиков из Восточной части оренбургского ведомства для зачисления в школу для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии

№	Ф.И.О. кандидатов	Происхождение	Возраст
1	Идига Айтукин	рода кыпшак, отделение узын	11 лет
2	Жумагул Жанбаев		11 лет

3	Халилулла Кунанов	Рода кыпшак, отделение танабугин	10 лет
4	Нурум Мунсызбаев	рода кыпшак, отделение усты	11лет
5	Мумин Байдосов	рода кыпшак, отделение торайгыр	11 лет
6	Досалы Байгоджин		10 лет
7	Бикбулат Кунгурбаев	отделение кульдене	10 лет
8	Якуп Амангельдин		11 лет
9	Сегизбай Аксартов	рода аргын	10 лет
10	Жолмухаммед Байжанов	рода керей, отделение манатай	11 лет

Помимо представления детей для поступления в школу, было несколько этапов отбора кандидатов, впоследствии ставшие воспитанниками школы. После представления мальчиков султаном-правителем одной из частей в Пограничную комиссию, мальчики проходили медицинский осмотр, называемый освидетельствованием лекаря (пар.21 Положения о школе для казахских детей), который, в свою очередь, проводя осмотр и наблюдение, давал свое заключение на принятие либо отказ, мотивируя обоснование с указанием причин. Относительно тех детей, которые представлены султаном-правителем Восточной части, в свидетельстве, датированным от 1-го августа 1850 года указано, что они были здоровы, без признаков болезней, препятствующих к принятию в учебное заведение.

При положительном освидетельствовании 3-х мальчиков из Западной части, 11-летний Аймаганбет (Аймухамед) Чулаков, сын старшины, почетного казаха Чулака Айбасова, 12-летний Токтамыс Косваков, сын Косвака Калмакбаева, 11-летний Сеиталий, сын Аксыя Джангильдина также были зачислены в школу.

В итоге 11 мальчиков из Восточной части и 3 мальчика из Западной части были помещены в частную квартиру до окончательной отделки дома для школы [181, л.26-28].

Позже султан-правитель Восточной части Ахмед Джантюрин в августе 1850 года представил еще 12 мальчиков: Юсуф Кулакаев, Исмагил и Исхак Хисаметдиновы, Калжан и Хамза Каржасовы, Исмагил Бийтаев, Самурат Кучербаев, Самурат Кулубеков, Аманжол Уакбаев, Атабек Жолдасбаев, Рыскельды Исенаманов, Кудабай Копбергенов. Двое из них Хамза Каржасов и

Атабек Жолдасбаев не прошли освидетельствование, при медицинском осмотре их были найдены болезни, по этой причине они не были приняты в школу и возвращены обратно к своим родителям через султана-правителя. После зачисления 10 мальчиков в школу они переданы надзирателю школы Кукляшеву [182, л. 30–32].

Ходатайство султанов-правителей о зачислении казахских детей в школу при Пограничной комиссии основывалось на прошении самих казахов, которые желали отдать детей своих в школу для обучения. Так, 14 августа 1850 года казах рода Джагалбайлы из Средней части Кучум Якупов просил принять сына своего Мухамед-Садыка в возрасте 10 лет в число воспитанников школы, в результате положительного освидетельствования доктором Майделем мальчик был включен в число учеников школы. Однако, уже в 1851 году по причине болезни был исключен, вместо него был зачислен сын султана из Средней части Дербисали Бердалина 11-летнего Аймухаммед.

Следует отметить, что зачисление в школу происходило исключительно по желанию родителей, Пограничная комиссия считала бесполезным принимать детей вопреки желанию родителей, так кандидаты из Западной части - сыновья султанов Таналия Аблаева Тасимен Таналиев (12 лет) и Утепа Сюгалина Мухаммед Утепов (12 лет) были исключены и возвращены родителям, так как по донесению султана-правителя Западной части председателю Комиссии, те неохотно привезли детей на день открытия школы и хотели возвратить обратно. В результате были зачислены еще кандидаты из Западной части, это сын султана Мухаммед-Галия Тяукина Сулейман (10 лет), сын почетного казаха Бахтияра Киякова Миргалий (9 лет), сыновья султана Кусяп-Галия Урманова - Адиль-Гирей и Сахиб-Гирей, сын почетного бия Байтока Айбасова – Ханшуак (10 лет).

Помимо освидетельствования доктора была практика испытания в виде наблюдения со стороны учителей и надзирателя школы. На основании наблюдения за поведением кандидата, его успеваемости в учебе, способностям и отзывам учителей надзиратель школы давал свой отзыв относительно принятия кандидата или отказа в принятия после испытательного периода. К примеру, надзиратель школы Кукляшев в рапорте своем от 16.12.1850 года Пограничной комиссии донес об успеваемости сына султанши Абулгазыевой Тлеумухаммеде Саматове, по отзывам учителей и его личному наблюдению показал хорошие способности к продолжению обучения, «по скромности и благонравию заслуживает скорейшего замещения в комплект воспитанников». В результате отзыва надзирателя и освидетельствования доктора Тлеумухаммед Саматов был включен в число обучавшихся вместо исключенного по слабости здоровья Рыскельды Исенаманова [183, л. 93].

Сын казаха Кучума Якупова Мухамед-Садык Кучумов по слабости здоровья был исключен и заменен сыном султана Средней части Дербисали Бердалина Аймухамедом (11 лет). Также по освидетельствованию врача и отзывам надзирателя был зачислен в школу вместо Кучумова.

Сейталий Аксыев из Западной части по причине болезненного состояния был исключен из школы, а вместо него был уже кандидат из Средней части, из

которой был принят только 1 мальчик, когда как из Восточной части зачислено 19 учеников, из Западной – 9 учеников.

Согласно Положению школы, для принятия в школу казахских детей учитывали заслуги их родителей, какие услуги оказывали, чем известны начальству и преданны ли русскому правительству, также в «комплект воспитанников» могли зачисляться только дети казахов Оренбургского ведомства, из других регионов не принимали.

Ишмухаммед Саматов был включен в число воспитанников по хорошим способностям. А сын сотника из Средней части Амана Таубаева 11-летний Мухаммед-Галий не прошел испытательный срок и по тупым способностям и плохим успехам был исключен из школы. Вместо него зачислен должен был быть Джумагалий Тюлеков, которому было 8 лет, однако по желанию отца его местного начальника против Гниловского форпоста Тюлека Айджарыкова, в дальнейшем в 1857 году занимавшего должность начальника 6-й дистанции, сын его будет доставлен в школу в 1856 году в возрасте 10 лет.

Еще одной из особенностей при зачислении в школу было наведение справок и запрашивание дополнительных сведений у султанов-правителей и дистаночных начальников относительно неизвестных русскому правительству казахов, желавших отдать детей для обучения в школу.

Так, в феврале 1855 года султан-правитель Средней части Араслан Джантюрин и есаул Махмуд Алгазыев донесли Пограничной комиссии, что дистаночные начальники 25-й и 12-й дистанции в своих рапортах донесли о просьбах казаха Чукубая Токтубаева (род Джагалбайлы, отделение Манатай) зачислить 11-летнего сына Исмагамбета и 11-летнего Юсупа - сына казаха Тулубая в число воспитанников школы.

По замечаниям Пограничной комиссии, сын местного начальника против Гниловского форпоста Тюлека Айжарыкова Джумагалий не был доставлен в школу и по причине смерти одного из ученика Хисаметдинова появилась еще одна вакансия для поступления желающих. Так, Пограничная комиссия предписала дистаночным начальникам доставить сведения о казахах Токтубаеве и Тулубае. В марте 1855 года начальник 12-й дистанции представил сведения о казахе Тулубае, желавшего отдать сына Юсупа в школу. Тулубай Буркутбаев, бий рода Тама, отделение Таз, знал татарский язык, услуг не оказывал, но был предан правительству. В результате сын его Юсуп был зачислен в кандидаты для своевременного поступления в школу и был внесен в особый список, называемый «кандидатский», из которого отбирались дети в порядке очередности в случае появления свободной вакансии. Что касается второго мальчика Исмагамбета, по донесению бия Баиса Кусяпова в августе 1855 года Чукубай Токтубаев отменил просьбу о зачислении сына его в школу.

Помимо прямого сообщения от султанов-правителей председателю Комиссии о желающих казахов отдать своих детей для поступления в школу существовала и практика прямого обращения местного начальника Председателю Пограничной комиссии с просьбой о принятии детей в школу. Местный начальник по р. Чингирлау Досмухаммед Даукарин обратился к

председателю ОПК В.В. Григорьеву с докладной запиской, где ходатайствовал о принятии его сыновей 9-летнего Зулкарная в Неплюевский кадетский корпус и 11-летнего Айтмухаммеда в школу для казахских детей, учрежденной при Пограничной комиссии, который позже был исключен из кандидатов для поступления в школу.

Интересным представляется случай с султаншей Давлетой Кучаковой, которая, став вдовой, желала отправить сыновей на обучение в школу при Комиссии. Однако по случаю нахождения под следствием бывшего мужа ее и смерти его в тюремном замке, в просьбе зачислить детей ее, было отказано, так как согласно Положению о школе от 1844 года, принимались сыновья только тех казахов, которые были известны своими услугами или преданностью правительству. Несмотря на отказы в принятии ее сыновей султанша Давлета неоднократно обращалась с докладными записками и прошениями в оренбургское начальство. Благодаря ходатайству председателя Комиссии оренбургскому и самарскому генерал-губернатору о неоднократных просьбах султанши, несмотря на отказы, и разрешению генерал-губернатора сыновья султанши Мигмангалий (10 лет), Насангалий (8 лет) и Араслангалий (6 лет) были внесены в кандидатский список для своевременного поступления в школу в марте 1856 года. В феврале 1857 года всем султанам-правителям было объявлено о том, что по Положению о школе для казахских детей, утвержденному от 14 июня 1844 года и Дополнительной инструкции для начальства школы, одобренной министерством иностранных дел, курс обучения для воспитанников школы полагался 7-летний. Так как школа была открыта в 1850 году, то в 1857 году наступил 7-летний срок, в связи с этим полагалось выпустить всех находившихся в школе учеников. На освободившиеся 12 вакансий после выпуска призвать почетных казахов, оказывавших услуги правительству, отдать своих детей на открытые вакансии для обучения в школе. В то же время местный начальник против Рымникской, Адрианопольской станиц в 25 дистанции Средней части зауряд-хорунжий Сагындык Тюлебаев по личному поручению ему председателя Пограничной комиссии приискать мальчиков для нового набора в школу представил сыновей бия Кудабая Тубелева Избасара (11 лет) и брата его Тюлебаева – Мендыкула Тюлебаева Зиялгаза (14 лет). Основываясь на пункте 16 Положения о школе для казахских детей, утвержденного 14 июня 1844 года, по которому для обучения в школе допускались лица в возрасте от 8 лет до 12 лет, сын Мендыкула Тюлебаева Зиялгаза (14 лет) не был принят в школу из-за возрастного ограничения. Позже в марте 1857 года султан-правитель *Средней части* представил список 10 мальчиков для зачисления в школу, которые были зачислены кандидатами, о чем отражено в таблице 4.3.

Таблица 4.3 – Список мальчиков из Средней части, зачисленных в казахскую школу кандидатами

№	Ф.И.О. мальчика	Ф.И.О. родственника	Происхождение	Результат

1	Мухамеджан Ибрагимов (9 лет)	сын местного начальника против Каменно-озерной станицы Ибрагима Байдосова, кочует в 11 дистанции	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты
2	Сеитбаттал Кунгурбаев (12 лет)	Брат зауряд-хорунжего Нурмухаммеда Кунгурбаева, кочует в 11 дистанции	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты
3	Мухаммед-Бакий Шулдаев (8 лет)	Сын бия, зауряд-хорунжего Шулдая Утевова, кочует в 11 дистанции	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты
4	Абыл Тулькубаев (11 лет)	Сын казаха Тулькубая Марикова (ничем не известен, но предан правительству, кочует в 11 дистанции)	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты
5	Амиралий Досов (8 лет)	Сын бия, почетного казаха, местного начальника Доса Даукарина (благонадежен и предан, кочует в 11 дистанции)	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты
6	Бирман Баянов (11 лет)	Сын бывшего местного начальника Баяна Кутанова, кочует в 11 дистанции	Рода тама, отделение кызылкурт	Зачислен в кандидаты
7	Урал Баянов (12 лет),	брат Бирмана Баянова, кочует в 11 дистанции	Рода тама, отделение кызылкурт	Зачислен в кандидаты
8	Ишмухаммед (Исмагамбет) Сагындыков (11 лет)	Сын зауряд-хорунжего, бывшего местного начальника в 25 дистанции Сагындыка Тюлебаева	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты
9	Джиенгазы Мендыкулов (12 лет)	Сын бия Мендыкула Тюлебаева (брат Сагындыка Тюлебаева, ничем не известен, но предан правительству), кочует в 28 дистанции	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты

10	Избасар Кульбаев (11 лет)	Сын бия Кульбая Тюлебаева (брат Сагындыка Тюлебаева, ничем не известен, но предан правительству), кочует в 28 дистанции	Рода тама, отделение аташал	Зачислен в кандидаты

Здесь следует отметить, что сын Сагындыка Тюлебаев Ишмухаммед [Исмагамбет] 11 июля умер, вместо него включили в число воспитанников сына Жаксыбая Казангапова Измета из Восточной части. А Бирман Баянов был исключен по причине его болезни, и вместо него был зачислен сын султана Айшуакова Гумар Тяукин.

Иначе была ситуация в Западной части, несмотря на предписание Пограничной комиссии об открытых вакансиях в школе, в июне 1857 года дистаночный начальник 5-й дистанции зауряд-хорунжий Алджан Исергамышев, которому было поручено со стороны оренбургского начальства найти мальчиков для обучения в школе, никто желания не изъявил об отдаче сыновей своих в школу. Сам Алджан Исергамышев пожелал отдать 11-летнего сына своего Шангирея в школу, в результате чего сын его был определен на одну из вакансий.

Позже в июле того же года ситуация в Западной части меняется, желание отдать в школу изъявили:

- есаул султан Асфендияр Сюгалин сына своего Сеитджагфера [Сеитжапар] (10 лет) и племянников Исхака Чингизова (9 лет) и Давлетгалия Сугралина (9 лет);
- временно управлявший одной половиной рода ысык султан Бис-Галий Каратаев пожелал отдать в школу сына Амиржана (11лет);
- султан Суфияр Ильтаев пожелал отдать в школу брата Бахтли-Гирея Ильтаева (10 лет);
- почетный бий из рода ужра, отделение баимбет Тюлес Жанабатыров – сына Кулмухаммеда (10 лет), которые были определены в число учеников школы и должны были быть доставлены к 15 августа и не позже 1-го сентября.

Затем из Восточной части в число воспитанников школы были определены:

- 12-летний Шектыбай, сын почетного казаха Корыстамбая Бекбердина (род кыпшак, отделение алимбет);
- 11-летний Хусеин, сын почетного казаха Тулеса Тунгачева (род кыпшак, отделение коккоз);
- Третий мальчик Изтеми (8 лет) был зачислен в кандидаты.

В августе 1857 года начальник 27-й дистанции в Восточной части зауряд-хорунжий Наурызбай Казыбаев донес Пограничной комиссии, что препроводил определенных в школу мальчиков, сына своего *Баймухаммеда*, сына местного начальника Урумбая Айтуганова *Байкадама*, сына почетного казаха Корыстамбая Бекбердина Шектыбая и добавил, что сын почетного казаха Тулеса Тунгачева Хусеин болен.

После окончания обучения в школе выпускникам выдавались свидетельства об окончании изучения курса наук в школе для казахских детей при Пограничной комиссии под расписку выпускников о том, что они получили свидетельства от дистаночных начальников или султанов-правителей. Текст расписки о получении свидетельства об окончании курса наук: «Я, нижеподписавшийся, дал расписку от 11 августа 1857 года временно управляющему Средней части Арасланову в том, что я получил свидетельство за №8920 об окончании курса наук в школе казахских детей. Подписал Тохтамыс Косваков».

При анализе архивных документов были выявлены выпускники школы при Оренбургской пограничной комиссии – дети дистаночных и местных начальников, которые были зачислены в школу при ОПК.

В Восточной части:

Баймухаммед Наурызбаев – сын начальника 27-й дистанции Наурызбая Казыбаева;

Байкадам Урунбаев – сын местного начальника Урунбая Айтуганова.

В Западной части:

Адиль-Гирей Кусяпгалиев и Сахиб-Гирей Кусяпгалиев – сыновья султана, начальника 5-й дистанции Кусеп-Гали Урманова;

Мухаммедгалиев Сулейман – сын султана Мухаммед-Гали Тяукина;

Сеитжапар Асфендияров – сын дистаночного начальника Асфендияра Сюгалина;

Шангирей Алджанов– сын начальника 5-й дистанции Алджана Исергамышева;

Джумагали Тулеков – сын начальника 6-й дистанции Тулека Айджарыкова.

В Средней части:

Ишмухаммед Сагындыков – сын местного начальника в 25-й дистанции Сагындыка Тюлебаева;

Бирман и Урал Баяновы – сыновья местного начальника Баяна Кутановав 11 дистанции;

Сеитбаттал Кунгурбаев – брат начальника 11-й дистанции Нурмухаммеда Кунгурбаева;

Мухамеджан Ибрагимов – сын местного начальника против Каменно-озерной станицы Ибрагима Байдосова;

Токтамыс Косваков – сын почетного казаха в 11-й дистанции Средней части оренбургских казахов;

Амир-Галий Досов - сын бия, почетного казаха, местного начальника Средней части Доса Даукарина в 11-й дистанции.

Относительно выпускников следует отметить следующее. Были случаи, когда окончившие обучение выпускники сами обращались в Пограничную службу для вступления в службу с целью получения опыта и усовершенствования полученных знаний. Среди них следует отметить выпускников школы *Шахмурата Кучербаева, Шахмурата Кулубекова и*

Миргалия Бахтиярова, обратившихся с докладной запиской председателю Комиссии В.В Григорьеву, в которой просили оставить их на службе при Пограничной комиссии с целью усовершенствования знаний и получения опыта в делопроизводстве, в изучении канцелярии и следственных дел. В результате с разрешения оренбургского и самарского генерал-губернатора Катенина Пограничная комиссия распорядилась о прикомандировании 3-х казахских выпускников, согласно их желанию, в Пограничную комиссию для практического изучения делопроизводства и занятий в качестве репетитора с вновь поступившими учениками школы, при этом им назначалось жалование в размере 120 рублей серебром в год каждому. Кроме них из выпускников школы в 1858 году обратились с просьбой служить при Пограничной комиссии, чтобы усовершенствовать полученные знания, ознакомиться с делопроизводством и следственными делами *Токтамыс Косваков и Ханшуак Байтоков*. Просьба первого была удовлетворена, и он был командирован в Пограничную комиссию, а просьба последнего была отклонена по недостатку суммы из штата, утвержденного от 14 июня 1844 года ему на жалование [184, л.416-417].

После окончания обучения курса наук был вопрос о распределении выпускников на должности. Султан-правитель Западной части Мухамед-Галий Тяукин донес Пограничной комиссии о том, как он предполагал распределить бывших воспитанников школы для казахских детей. Согласно его представлению в октябре 1857 года в должности письмоводителей были назначены: *Адиль-Гирей Кусяпгалиев* - у управляющего 1-й половиной рода Байбакты султана Куват-Галия Урманова, *Сахиб-Гирей Кусяпгалиев* был определен во 2-ю дистанцию, *Ханшуак Байтоков* – у управляющего 2-й половиной 8-й дистанции, *Утебай Бердалиев* - у управляющего 1-й половиной 8-й дистанции, *Сулейман Мухаммед-Галиев* был оставлен при султане правителе Западной части Мухаммед-Галие Тяукине [185, л. 441, л.453].

В Средней части в конце октября 1857 года выпускники были распределены следующем образом: *Токтамыс Косваков* был определен письмоводителем в 57-й дистанции, Аймухамед Дербисов - в 10-й дистанции, *Тлеумухаммед Саматов* - в 12-й дистанции [186, л. 462-479].

Впоследствии, войсковой старшина султан Сеитхан Джантюрин и зауряд-хорунжие Токтамыс Косваков, Миргалий Бахтияров в 1868 году занимали должность заседающих от казахского народа в Общем управлении Областного правления оренбургских казахов [187, с. 50].

После назначения вступившие в службу казахи в качестве письмоводителей присягали на верность службы [180, л.591-598].

Всего на 1857 год 19 свидетельств, выданные казахам Пограничной комиссией, об окончании курса наук в школе для казахских детей. За 48 лет существования школы для казахских детей при Пограничной комиссии было 4 выпуска школы с 1850–1869 годы.

Выводы

Вводя должности султана-правителя, дистаночных и местных начальников российское правительство возлагало на них большие надежды. Комитет Азиатских дел признавало о необходимости сделать в понятии казахов звание главных султанов выгодным и привлекательным. Султаны-правители были наделены широкими функциями по внедрению русских порядков на территории казахов Оренбургского ведомства.

Таким образом, султаны-правители, дистаночные и местные начальники являлись административными посредниками между казахским населением и региональной властью. Усердная служба султана-правителя, дистаночных и местных начальников не оставалась без внимания российской администрации и поощрялась наградами и денежными вознаграждениями.

Анализируя деятельность султанов-правителей, дистаночных и местных начальников можно сделать вывод, что обязанности и полномочия этих должностных лиц были схожи, однако существовала некая соподчиненность, иерархия подчиненности внутри системы местного управления: местные начальники находились в прямом подчинении у дистаночных начальников, дистаночные начальники подчинялись султанам-правителям, султаны-правители подчинялись региональной власти. Однако была и такая особенность, дистаночные и местные начальники в отдельных случаях могли обратиться напрямую в Пограничную комиссию, об этом указано в «Инструкции» для дистаночных и местных начальников, составленной Г.Ф. Генсом.

Имперская власть, изменив и реорганизовав местную систему управления на территории казахов Оренбургского ведомства, стремилась изменить правовой статус казахских земель в составе империи.

Реформы, приведшие к административно-территориальному разделению, и создание низовых звеньев управления в Казахстане для имперского правительства были необходимыми мерами. Такие действия породили и противоречивое настроение среди казахского населения. Запрет на кочевание казахам, налогообложение, билетно-пропускная система, все это способствовало антироссийским настроениям среди кочевого населения и создавало почву для конфликтных ситуаций. Однако были и султаны, которые инкорпорировались в имперскую службу и представляли собой посредников между казахскими жителями и региональной администрацией.

Введение дистаночной системы управления на территории казахов оренбургского ведомства способствовало институциональному закреплению представителей казахской знати в местной административной структуре, одновременно расширяя возможности пограничной администрации по надзору и контролю над кочевым населением.

Сформированный в результате административно-территориальных преобразований 1820-1830-х гг. институт дистаночных и местных начальников стал важным механизмом реализации имперской административной политики на приграничных территориях. Их деятельность была направлена прежде всего на поддержание установленного порядка, надзор за кочевым населением и

своевременную передачу пограничной администрации сведений о происходивших в степи событиях.

Региональная администрация пришла к пониманию того, что эффективное управление казахским населением во многом зависело от сотрудничества с представителями местной знати. Знание ими традиционного уклада жизни, маршрутов кочевий родовых групп и особенностей организации кочевого хозяйства делало их незаменимыми посредниками между имперской властью и степным населением. Привлечение представителей казахской знати к административной службе не только облегчало осуществление надзора за населением и сбор кибиточной подати, но и позволяло региональным властям опираться на авторитет и влияние местных управленцев при проведении административной политики. В этом отношении кооптацию представителей казахской знати в систему имперского управления следует рассматривать как способ укрепления имперского присутствия и постепенного распространения его влияния вглубь степи.

На основе архивных документов и материалов можно проследить наличие заинтересованных лиц из числа казахов в обучении и получении образования казахских детей для вступления в службу, будущего построения карьеры и продвижения по службе в ячейках административного управления в рамках имперской системы власти. Кроме того, можно увидеть динамику роста прошений и общую картину процесса зачисления детей казахов, а именно, должностных лиц, чиновников, султанов, почетных казахов и старшин, а также их выпуска и дальнейшего распределения на должности на местном уровне.

Проанализировав данные по учебным заведениям, в которых обучались казахские дети, можно сделать вывод, что начиная с середины XIX века шло активное вовлечение казахских детей для обучения в учебных заведениях. Так как была необходимость в этом, и возрастал спрос на образованных казахских чиновников в структуре местного управления, знавших русский и восточные языки и другие науки, которые могли бы качественно исполнять обязанности на административных должностях. В этом контексте следует привести сведения Койшигариной Г., автор в своей статье отметила о стратегической роли в формировании казахского чиновничества в процессе инкорпорирования и интеграции в имперскую систему [188].

В связи с этим, после окончания курса наук существовала практика распределения выпускников школы на определенные должности согласованно с местным казахским начальством внутри Оренбургского ведомства. Получившие должности письмоводителей выпускники отличились своими способностями, успеваемостью и качеством выполнения возложенных на них поручений. Среди них были и выдающиеся выпускники, назначенные на службу в Пограничную комиссию с получением жалования Ибрагим Алтынсарин, Шахмурат Кушербаев, Шахмурат Кулубеков, Меиргалий Бахтияров, Токтамыс Косваков и др.

В процессе формирования казахского чиновничьего аппарата, безусловно, значительную роль сыграли открывавшиеся в тот период учебные заведения,

которые принимали казахских детей для обучения и их последующего прохождения службы в угоду русского правительства. В школу принимали не всех казахских детей, а был отбор и отбирали детей тех казахов, которые известны были русскому начальству своими услугами, службой, преданностью, то есть, лояльных казахов русскому правительству.

На наш взгляд, казахи, прошедшие обучение в рамках русской системы образования, и составившие костяк казахского чиновничества и казахской элиты в целом, нужны были русскому правительству для проведения политики империи и исполнения возложенных на них обязанностей и поручений, тем самым формируя кадровый состав и кадровый резерв из числа казахов для службы имперской администрации. Тем самым обеспечивая имперское правительство надежной прослойкой казахской интеллигенции, которые бы лояльно служили и выполняли роль агитаторов, проводников в выполнении воли имперской власти на территории Казахской степи. Выступая посредниками между русским правительством и местным казахским населением, представители казахской служилой элиты не ограничивались исполнением возложенных на них обязанностей. Их деятельность в ряде случаев выходила за рамки непосредственной службы и была связана с распространением образования и просвещения в степи, а также установлением контактов с представителями русской интеллигенции. Это позволяет рассматривать казахских чиновников не только как проводников имперской административной политики, но и как участников культурных и общественных процессов, происходивших в казахской степи. Российский исследователь Г. Косач подчеркнул, что не все выпускники становились управленцами и чиновниками, лишь малое количество становились действительными управленцами, большинство из них «возвращались к традиционному образу жизни, забывая русский язык и приобретенные во время учебы знания». В целом, институт дистаночных и местных начальников на территории казахов оренбургского ведомства был первым этапом в истории формирования национальной интеллигенции Казахстана [189, с. 21].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблемы формирования и деятельности института дистаночных и местных начальников в первой половине XIX века на территории казахов оренбургского ведомства в контексте новой имперской и локальной истории на основании исторической научной литературы, архивных документов и материалов, опубликованных источников позволило прийти к следующим выводам:

1. В заключение следует отметить, что дистаночная система, введенная в 1831 году на территории Младшего жуза в рамках оренбургского ведомства, явилась фундаментальным механизмом имперского административного освоения казахской степи в первой половине XIX века. Ее формирование представляло собой закономерный этап колониальной реформы, последовавший за ликвидацией ханской власти и разделением жуза на административные части, позволив эффективно решить задачи фискального учета, полицейского надзора и стабилизации приграничных территорий. Анализ географической локации, типологии (прилинейные, степные и особые дистанции) и динамики развития системы подтверждает ее роль как гибкого инструмента территориального управления, эволюционировавшего от периферийного контроля к освоению внутренних степных пространств. Это отражало прогрессирующее утверждение власти империи, трансформацию традиционных родоплеменных структур в территориально-ориентированные и интеграцию кочевого общества в политико-правовое поле империи. Встраивая местную элиту (султанов и старшин) в качестве низовых агентов на фиксированном жалованье, система объективно способствовала эрозии родовой идентичности, формируя новую административную лояльность.

2. Конкретные результаты исследования, основанные на анализе архивных документов, включают установление общего числа 57 дистанций и 237 местностей в оренбургском ведомстве: 10 дистанций и 61 местность в Западной части (под управлением султана Баймухамеда Айчувакова, дистанции №1–8, №31, №52); 19 дистанций и 89 местностей в Средней части (при султане-правителе Араслане Джантюрине, дистанции №9–18, №23–25, №28–30, №54, №56–57); 28 дистанций и 87 местностей в Восточной части (под Ахмедом Джантюриным, дистанции №19–22, №26–27, №32–51, №53, №55). Выявлены также типы дистанций, их соотнесение по частям ведомства, географическое положение, имена начальников и маршруты кочевок родовых групп.

Не менее существенным представляется анализ внутри-пограничных пространств, которые в условиях расширения имперского влияния выступали как подвижные границы. По мере учреждения новых дистанций и последовательного продвижения имперской политики вглубь степи их конфигурация претерпевала изменения, что отражало процесс постепенного колониального освоения степного пространства. При этом фронтирный характер данной территории проявлялся не только на внешних рубежах империи, но и

внутри степи, где складывались внутристепные фронтиры, в частности между оренбургским и сибирским ведомствами.

В итоге дистаночная система не только обеспечила постоянное урегулирование отношений и поддержание порядка в степи, но и заложила прочный фундамент для последующих реформ, включая создание Уральской и Тургайской областей в 1868 году, тем самым интегрировав казахское кочевое общество в структуру Российской империи. Полученные выводы обогащают понимание процессов колониального строительства и открывают перспективы для дальнейших исследований динамики административных трансформаций в степных регионах.

3. Дистаночная система управления в оренбургском ведомстве представляла собой трехуровневую административно-территориальную структуру, где территория делилась на дистанции (участки между крепостями), а последние - на мелкие единицы в виде местностей или старшинств, расположенных напротив форпостов, отрядов и редутов. Во главе дистанций стояли дистаночные начальники, а местностями - местные начальники, кандидатуры которых определялись султанами-правилами с последующим утверждением Пограничной комиссией оренбургского ведомства. Руководящим документом для их деятельности выступали «особые правила», разработанные председателем комиссии Г.Ф. Генсом, которые устанавливали строгую вертикаль соподчиненности: местные и дистаночные начальники подчинялись султанам-правителям и пограничной власти. Функциональные обязанности местных начальников включали надзор за порядком, статистический учет населения, кибиток и скота, сбор кибиточной подати (1 руб. 50 коп.), исполнение предписаний комиссии, обеспечение верности и послушания казахов правительству, а также сбор оперативной информации. В случае необходимости местные начальники обращались напрямую к Пограничной комиссии или через линейное начальство с уведомлением дистаночного начальника, а дистаночные — аналогично султану-правителю. Анализ архивных источников подтверждает, что такая организация преследовала стратегическую цель создания дробных административных единиц и первичного аппарата управления в степи для усиления фискального, полицейского и информационного контроля над кочевым населением. Усердие и влияние дистаночных и местных начальников на подведомственных казахах обеспечивали тактическую эффективность российской администрации, способствуя интеграции Младшего жуза в имперскую систему.

4. Введение должностей султанов-правителей, дистаночных и местных начальников в рамках дистаночной системы управления на территории казахов оренбургского ведомства отражало стратегический замысел российского правительства по созданию административных посредников между кочевым населением и имперской властью. Комитет Азиатских дел подчеркивал необходимость сделать эти звания выгодными и привлекательными для казахской элиты, наделяя султанов-правителей широкими функциями по внедрению русских порядков, что обеспечивало эффективное низовое звено

трехуровневой иерархии: местные начальники подчинялись дистаночным, те — султанам-правителям, а последние — региональной Пограничной комиссии. Несмотря на жесткую вертикаль подчиненности, инструкция Г.Ф. Генса допускала прямые обращения дистаночных и местных начальников к комиссии в исключительных случаях, усиливая гибкость системы.

5.Усердная служба поощрялась наградами и денежными вознаграждениями, что способствовало лояльности части казахской знати, инкорпорированной в имперскую службу как инструмент наблюдения, контроля порядка, донесения о происшествиях, сбора кибиточной подати и учета кочевок. Реформы, инициированные в 1820-е годы, изменили правовой статус казахских земель, расширив сферу имперского контроля и продвинув администрацию вглубь степи через представителей, знакомых с бытом и маршрутами родов. Однако билетно-пропускная система, налогообложение и ограничения кочевания порождали противоречия, антироссийские настроения и конфликты среди населения, подчеркивая амбивалентность колониального процесса. В итоге дистаночная система с ее низовым аппаратом из казахской знати стала тактическим механизмом имперского продвижения, обеспечивая управление через локальных посредников и закладывая основу для дальнейшей интеграции казахского общества.

6.Вовлечение казахских детей в систему имперского образования во второй половине XIX века стало важным направлением кадровой политики Российской империи в Казахской степи. Обучение в учебных заведениях рассматривалось не только как средство получения знаний, но и как механизм подготовки лояльных кадров для службы в местных административных структурах, где особенно востребованными были владение русским и восточными языками, а также навыки делопроизводства и управления. Анализ архивных материалов позволяет заключить, что процесс зачисления казахских детей носил селективный характер и был тесно связан с политикой имперской администрации. В учебные заведения преимущественно принимали детей тех казахов, которые уже пользовались доверием российского начальства, отличались службой и преданностью, что свидетельствует о целенаправленном формировании кадрового резерва из числа лояльной казахской знати. Таким образом, образование выступало каналом социальной селекции и инструментом вовлечения части казахского общества в имперскую служебную систему. Особое значение имела последующая практика распределения выпускников по должностям в учреждениях оренбургского ведомства.

7. Выпускники школы для казахских детей после окончания обучения назначались на службу, в том числе письмоводителями и иными низовыми должностями, а наиболее успешные из них получали позиции в Пограничной комиссии с денежным содержанием и служебными перспективами. Это свидетельствует о наличии устойчивой связи между образовательной подготовкой, служебным продвижением и интеграцией казахской молодежи в имперскую административную вертикаль власти. Вместе с тем данный процесс имел противоречивый характер. С одной стороны, он способствовал

формированию прослойки образованных казахских служащих и становлению местного чиновничества как первой стадии формирования национальной интеллигенции Казахстана. С другой стороны, далеко не все выпускники закреплялись в чиновничьей среде: часть из них возвращалась к традиционному образу жизни, не всегда сохраняя русский язык и приобретенные знания.

8. Система дистаночного управления была нововведением имперской власти по распространению административной политики и интеграции казахской степи в общую имперскую систему. Это акт активного продвижения колонизации региона, сопровождавшийся подрывом института султанов и собственно традиционной формы власти в связи с назначением на должности уже не только из числа султанов, но и представителей «черной кости». Вовлечение же кочевников в систему образования также было в интересах политики империи для подготовки кадров из числа казахов для службы империи и все большего распространения колониальной политики.

9. На основе анализа архивных документов и сборников материалов было выявлено: за весь период функционирования дистаночной системы управления на территории оренбургских казахов с 1831 года по 1868 год общее количество дистаночных начальников составило 144 и местных начальников – 298. Наибольшее количество дистаночных начальников заведовали в Восточной части - 61, а местных начальников достигало 113. В Средней части – 46 начальников дистанций и 114 местных начальников. В Западной части – 37 начальников дистанций и 80 местных начальников. Из них султанов – 47, биев – 44, старшин – 25, почетных казахов – 28. Наибольшее количество султанов было в Западной (22) и Средней частях (18), наименьшее количество султанов (7) и наибольшее количество биев (28) и старшин (11) – в Восточной части территории казахов оренбургского ведомства.

10. Институт дистаночных и местных начальников подразумевает собой систему управления, в которой было свойственно двойственное положение казахских управленцев. С одной стороны, они являлись частью имперской административной структуры, с другой стороны, их традиционная власть была закреплена авторитетом, происхождением, влиянием внутри казахского кочевого социума. Дистаночные и местные начальники – особая группа, сформированная в процессе административной интеграции казахской степи в состав бюрократической системы империи, прошедшая сложный процесс адаптации к новой системе управления и сотрудничеству, в ходе которого дистаночные и местные начальники становились частью новой имперской системы административного управления, сохраняя при этом традиционное влияние в степи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Генс Г.Ф. К истории административного устройства у киргизов // Тургайская газета. – 1898. – № 28.
2. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 2. Исторические известия. – Санкт-Петербург, 1832. – 333 с.
3. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах Степных областей. Оренбург: Типо-литография П. Н. Жаринова, 1898. – 532 с.
4. Казанцев И. Описание киргиз-кайсак. – Санкт-Петербург, 1867. – 231 с.
5. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 15. – Оренбург, 1900. – 524 с.
6. Мейер Л. Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – Санкт-Петербург, 1865. – 414 с.
7. Васильев А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. – Оренбург: Типо-литография П. Н. Жаринова, 1896. – 314 с.
8. Алекторов А.Е. Тургайская область: естественные и производительные силы ее населения и народное образование: статистические очерки. – Оренбург, 1891. – 98 с.
9. Ильминский Н. Воспоминания об И. А. Алтынсарине. – Казань: Типо-литография В. М. Ключникова, 1891. – 396 с.
10. Бларамберг И.Ф. Земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. – Санкт-Петербург: Тип. Департамента Генерального штаба, 1848. - Т. 14, ч. 3. – 205 с.
11. Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. – Алма-Ата, 1947. – 389 с.
12. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. – Алма-Ата, 1960. – 296 с.
13. Рязанов А.Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость Казакского народа (1797–1838 гг.). Очерки по истории национального движения Казакстана в 2-х частях. – Кызыл-Орда, 1926. – 300 с.
14. Рязанов А. Ф. Оренбургский край: исторический очерк. – Оренбург: Изд. Журн. «Вестник просвещенца» (Гос. типо-литография ГСНХ), 1928. – 142 с.
15. Тажибаев Т.Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. – Алма-Ата, Казгосиздат, 1962. – 506 с.
16. Абдрахманова Б. М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана: РАПО «Полиграфия», 1998. – 137 с.
17. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в региональной политике Российской империи в XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 427. – С. 118–124.

18. Васильев Д. В. Административное управление Малой Казахской Ордой в первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3. – С.40-45
19. Побережников И.В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. – 2018. – № 4. – С. 73–81.
20. Почекаев Р. Антропология властной коммуникации в российской политике фронтирной модернизации Казахской степи и ханств Средней Азии в XVIII – начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук. – Оренбург, 2020. – 564 с.
21. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / Г. С. Султангалиева, Т. Т. Далаева, С. К. Удербаева. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 418 с.
22. Далаева Т.Т. Характер и эволюция социокультурной идентичности казахских должностных лиц XIX – нач. XX вв. (по личным письмам и прошениям) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». - 2018. - № 1 (56). - С. 30-37
23. Удербаева С.К. Интеграция казахских чиновников в административный аппарат управления Российской империи. (XIX-XX вв.). Доклады Национальной Академии Наук Республики Казахстан. – 2014. – №3. – С.171-175; Волостные управители Семиреченской области: круг функциональных обязанностей и общественная деятельность // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2017. – № 4. – С. 189-195.
24. Абдрахим М. Казахские чиновники Семиреченской области во второй половине XIX – начале XX вв.: формирование и структура: дис. на соискание степени PhD по специальности «История». – Алматы, 2025. – 176 с.
25. Султангалиева Г. С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII–XX вв.). – Уфа, 2002. – 262 с.
26. Далаева Т. Т. Организация школ в Казахской степи (XIX – начале XX вв.): практика включения в российское социокультурное пространство. Российские регионы: взгляд в будущее. – 2018. – С. 54–69
27. Айтмухамбетов А.А. Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX – начале XX вв. (исторический аспект): дисс. д-ра ист. наук. – Семей, 2010. – 345 с.
28. Бисенова А., Мукашева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 166. – С. 445–459.
29. Идрисов Р. А. Историческая география Западного Казахстана первой половины XIX века. – С. 23–40.
30. Ксенжик Г. Н. Историческая география степных областей Казахстана в XIX – начале XX в. – Алматы: Айганым, 2015. – 406 с.

31. A Short Manual to the Art of Prosopography K. Verboven, M. Carlier, J. Dumolyn
32. Жабаев Ж. Песня об Орымборе / Перевод с казахского под ред. К. Алтайского // Степные огни. – Оренбург, 1938. – 182 с.
33. Материалы по истории политического строя Казахстана: сборник документов / Сост. М.Г. Масевич. – Алма-Ата, Изд-во Акад. Наук КазССР, 1960. – 441 с.
34. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 годы): сборник документов и материалов / сост. Ф.Н. Киреев, В.Я. Басин, Т.Ж. Шоинбаев и др. – Алма-ата: Наука, 1964. – 575 с.
35. Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова: сборник документов / сост. В.З. Галиев, Б.Т. Жанаев; отв. ред. М.К. Козыбаев. – Алматы: Гылым, 1996. – 512 с.
36. Национально-освободительное движение казахского народа в конце XVIII – начале XX веков: сборник документов / сост. М.Р. Сатенова, Р.Е. Оразов и др. - Алматы: ТОО «Литера-М», 2019. – 640 с.
37. Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане / сост. С.К. Жакыпбек, А.А. Бельбаева. – Алматы: Қазақ университеті, 1999. – 255 с.
38. История Казахстана в документах и материалах: альманах / сост. Б.Т. Жанаев и др. – Вып. 1. – Алматы: LEM, 2011. – 436 с.
39. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. 8, ч. 2: О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки / сост. Б.Т. Жанаев; науч. ред. И.В. Ерофеева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 962 с.
40. Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост.: Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаева. – Алматы: Қазақ университеті, 2014. – 418 с.
41. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. – Москва, 2000. – 344 с.
42. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под ред. И.В. Герасимова, С.Б. Глебова и др. – Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 427–459.
43. Бисенова А. Обзор основных терминов постколониальной теории и состояние их локализации. – 2022. С. 161-171; Bissenova A. Decolonizing ‘the Field’in the Antheopology of Central Asia: ‘Being there’ and ‘being here’. – 2023. – P. 82-95; Алима Бисенова и Кульшат Медеуова. О проблемах региональных исследований по Центральной Азии. Антропологический Форум. - 2016. - № 28. - С. 35-39

44. Tlostanova, Madina & Walter Mignolo. (2012). *Learning to Unlearn: Decolonial Reflection from Eurasia and the Americas.* Ohio: Ohio State University Press, 283 p.
45. История Казахстана в документах и материалах: альманах. Вып. 3 / сост. Л.А. Абдрасилова, Б.Т. Жанаев. – Караганда: ПК «Экожан», 2013. – 496 с.
46. Шиловский М. В. Проблема регионализма в дореволюционной литературе // Из прошлого Сибири. – Новосибирск, 1995. – Вып. 2, ч. 1. – С. 22–29.
47. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. – Москва: Славянский диалог, 1997. – 416 с.
48. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Генерал-губернаторы Азиатской России: история и социальный портрет института власти (1822–1917 гг.): сборник научных статей «Люди империи – империя людей». – С. 378-384.
49. Ремнев А. В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник Омского университета. – 2004. – №4. – С. 6-13.
50. Безвиконная Е. Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20–30-е гг. XIX в.) // Ab Imperio. – 2003. – № 1. – С. 371–378.
51. Ремнев А. В. У истоков российской имперской геополитики: азиатские «пограничные пространства» в исследованиях М.И. Венюкова // Исторические записки. – 2001. – № 4(122). – С. 344–369.
52. Венюков М. О новом разделении Азиатской России // Известия Императорского Русского географического общества. – Т.VIII. – СПб, 1873. – 327 с.
53. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в региональной политике российской империи в XIX в. Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 427. – С. 118–124.
54. Соболева Т. Н., Бобров Д. С. Современная российская историография концепции фронтира // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4. – С. 189–193.
55. Урушадже А. Т. Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия на статью Д. В. Сеня // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2020. – № 1 (27). – С. 85–94.
56. Malikov Yu. Tsars, Cossacks, and Nomads: The Formation of a Borderland Culture in Northern Kazakhstan in the Eighteenth and Nineteenth Centuries. – Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2011. – 321 p.
57. Султангалиева Г. С. Казахские чиновники Российской империи XIX века: особенности восприятия власти // Cahiers du Monde Russe. –2015. – Vol.56/4. – P.651–679
58. Венюков М. И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. – Санкт-Петербург, 1876. – 180 с.
59. РГВИА. Ф. 231. Оп. 1. Д. 112. Л.7-8
60. Мажитов С. Правда о колонизации Казахстана и восстании К. Касымова // Мысль. – 2012. – №10. – С. 71-81; Сутеева К.А. Русские военные историки

XIX в. о причинах и мотивах движения России на Восток (в Среднюю Азию и Южный Казахстан) // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда: материалы конф. / под ред. В. А. Моисеева. – Барнаул: Азбука, 2003. – С. 100-116.
61. Венюков М. И. Поступательное движение в Среднюю Азию. – Санкт-Петербург, 1878. – 49 с.
62. Горшенина С. Теория «естественных границ» и завоевание Кульджи // Ab Imperio. – 2014. – № 2. – С. 102–165.
63. Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 390 с.
64. Robinson R. Non-European Foundations of European Imperialism: Sketch for a Theory of Collaboration // Studies in the Theory of Imperialism. – London: Longman, 1972. – P. 117–142.
65. Campbell I.W. Knowledge and the Ends of Empire: Kazakh Intermediaries and Russian Rule in the Steppe, 1731–1917. – Ithaca: Cornell University Press, 2017. – 312 p.
66. Бисенова А., Мукашева А. Колониальные интеллектуалы: между просвещенческой и представительской ролью // Новое литературное обозрение. – 2020. – № 166. – С. 445–459.
67. Добросмыслов А.И. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург, 1901. – Вып. 9. – С. 50–53.
68. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. – Алма-Ата, 1992. – 397 с.
69. История Казахской ССР: в 5 т. Т. 3. – Алма-Ата: Наука, 1979
70. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.3048. 35 л.
71. Тажибаев Т. Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1962. – 507 с.
72. Избасарова Г.Б. «Кочевая ментальная карта пространства // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. – 2016. – № 4. – С. 31–44
73. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX века. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2015. – 580 с.
74. Киреев А.А. К вопросу о типологизации границ России // Ойкумена. – 2013. – №1. – С. 50-70
75. Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. – 2003. – № 1. – С. 4765.
76. Султангалиева Г. С. Административная политика Российской империи в Казахской степи в первой половине XIX в.: поиск новых форм управления. RES HISTORICA 40, 2015. – С.125-134
77. Султангалиева Г. С. Казахские чиновники Российской империи XIX века: особенности восприятия власти // Cahiers du Monde Russe. – 2015. – Vol. 56, № 4. – P. 651–679

78. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского как объект реформ: опыт Российской империи по управлению окраиной (1731 – сер. XIX века): дис. … доктора исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2018. – 811 с.
79. Воропанов В. А. Становление местной имперской администрации в областях Казахской степи: проекты и реализация судебных реформ 1820-х гг. // Социум и власть. – 2010. – № 2(26). – С. 101–105.
80. Воропанов В. А. Органы юстиции в политике фронтирной модернизации Восточной и Юго-Восточной периферии Российской империи (1775–1864): дис. … д-ра ист. наук. – Оренбург, 2022. – С. 295–341. – 469 с.
81. Лысенко Ю. А. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в.). – Барнаул, 2014. – 272 с.
82. Султангалиева Г.С., Дюсембек Ж. Distance and Distance Chiefs of the Kazakhs of the Orenburg Province (1830–1860) // Bylye Gody. – 2018. – Vol. 50. – Is. 4 – P.1575-1583.
83. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в имперских проектах и практиках первой половины XIX века. – Алматы, 2018. – 484 с.
84. Ерменбаева Г. К. Социально-исторические преобразования органов местной власти (на примере казахов Оренбургского ведомства в 20-60-х годах XIX века): дис. ... канд. истор. наук. – Алматы, 2006. – 150 с.
85. Идрисов Р. А. Историческая география Западного Казахстана первой половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Алматы, 1998. – 151 с.
86. Ксенжик Г. Н. Историческая география степных областей Казахстана в XIX – начале XX в. – Алматы: Айганым, 2015. – С. 100–103.
87. Тулибаева Ж. М. Казахстан и Бухарское ханство в XVIII – первой половине XIX вв. – Алматы, 2001. – С. 79.
88. Далаева Т. Т. От пожалования к производству: механизм получения военного чина казахами в Российской империи (перв. пол. XIX в.) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». – 2019. – № 3(19) http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1255
89. Далаева Т.Т. Казахские волостные управители: стратегии легитимации местной власти в 1917-1919 гг. // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». – 2018. – № 4 (59). – С. 56-61
90. Султангалиева Г.С., Тулешова У.Ж. Султаны Баймухамедовы: процесс вхождения в дворянство Российской империи. KazNU Bulletin. History series. – 2017. – №1 (84). – С.120-127
91. Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. – Richmond, Surrey: Curzon, 2001. – 244 p.
92. Uyama T. Asiatic Russia as a Space for Asymmetric Interaction // Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts

93. Burbank J., Cooper F. Imperial Trajectories // Empires in World History: Power and the Politics of Difference. – Princeton: Princeton University Press, 2010. – P. 1-22.
94. Kappeler A. The Russian Empire and Its Nationalities in Post-Soviet Historiographies // Ab Imperio. – 2005. – № 1. – P. 32–51.
95. Pianciola N., Sartori P. Islam, society and states across the Qazaq Steppe (18th – early 20th centuries). – Wien, 2013
96. Wortman, Richard S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. – Vol. 2. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – 580 p.
97. ПСЗРИ. Собрание (1825–1881): Том 19 (1844): Часть 1: Законы (17472–18572). – №17998. – С. 392-401; – №17999. – С. 401-403
98. Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений 1836 года. - Оренбург: тип. Штаба Оренбургского отдельного корпуса, 1835. - 176 с.
99. Справочная книга Оренбургской губернии на 1868 год / изд. Оренбургского губернского статистического комитета. – Оренбург: Губернская типография, 1868. – 3–116, 26 с.
100. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): в 5 томах. Т. 3: Казахстан в новое время / гл. ред. М. К. Козыбаев. – Алматы: Атамұра, 2000. – 768 с.
101. Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества. Вып. 3-й. Оренбург: типография Ив. Евфимовского-Мировицуого. - С. 313–419
102. Избасарова Г.Б. Политика Российской империи в Казахской степи в первой половине XIX века // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 8. История. – 2017. – № 2. – С. 50-63
103. Рукописное наследие Г.Ф. Генса. Из краткого исторического обозрения управления оренбургскими киргизами. 1844 г. История Казахстана в документах и материалах: Альманах / Сост. Б.Т. Жанаев, М.Х. Абусеитова, И.В. Ерофеева и др. Вып.1. – Алматы: «Изд-во LEM, 2011. – 436 с.
104. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3305. Л.1 - Л1 об.
105. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.1641. Дело о разделении казахов аргынского рода на дистанции и о назначении дистаночных начальников.
106. ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 6323. 10 л. Дело об учреждении в Восточной части орды новой киргизской дистанции и объединения 49-й и 50-й дистанций.
107. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3048. 15 л. Дело о разделении территории оренбургского ведомства на новые дистанции.
108. Там же. Л. 10
109. АВПРИ. Ф. I-9 (Т-9). Д. 5. Л.37-49 об.
110. ОГАОО. Ф. 6 Оп. 10. Д. 8162
111. ЦГИА Грузии. Ф.1116. Оп.1. Д. 15. Л.1-2 об.

112. ЦГИА Грузии. Ф.1116. Оп.1. Д. 12. Л. 1-3
113. Кыдыралин У., Кыдыралина Ж.У. Первый выпускник-казах Оренбургского Неплюевского корпуса султана Мухамедгали Таукина. 1871 г. // Исторический архив, №1. 2017. [Электронный ресурс] URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Taukin_M/text1.phtml
114. Даулбаев Б. Д. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. — Оренбург, 1881. - Вып. IV. - С. 112–117.
115. Жуковский И. Краткое географическое и статистическое описание Оренбургской губернии на 1832 г. - Уфа: Губернская типография, 1880. – 103 с.
116. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4181. 35 л.
117. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3288. Л. 5.
118. Султангалиева Г.С. Династия Беркимбаевых: от зауряд-хорунжего до дворянина Российской империи // edu.e-history.kz. – 2017. – № 4 (12).
119. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 38–40.
120. Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений. 1836 года. – Оренбург: тип. штаба Оренб. отд. корпуса, 1836. – 188 с.
121. Галкин М. Н. Сведения о местах расположения киргизских родов Оренбургского края. Зимние и летние кочевья // Записки РГО по отделению этнологии. – Т. 1. – Санкт-Петербург, 1867.
122. Кудайбердыулы Ш. Родословная тюрков, киргизов, казахов, ханских династий. - Алма-Ата: СП Дастан, 1990. - 120 с.
123. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 300. Л. 1.
124. Там же. Л. 8.
125. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366.
126. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д. 4182. 15 л.
127. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2190. Л. 5–5 об.
128. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1651. Л. 12–13.
129. Сулейменов Б.С. Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. – Алма-Ата: Наука, 1981.
130. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2209. 10 л.
131. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3008. 5 л.
132. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3245. 6 л.
133. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2176. 8 л.
134. ЦГА РК. Ф. 4. Д. 1650. 6 л.
135. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2131. 12 л.
136. Там же. Л. 10-12
137. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д. 2143. 22 л.
138. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1614. Л. 40–41.

139. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2833. 9 л.
140. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1962. Л. 1-2, 8-9 об.
141. ЦГА РК. Ф. 4. Оп.1. Д. 1649. 13 л.
142. ЦГА РК. Ф. 4. Оп.1. Д. 1671. 4 л.
143. ЦГА РК. Ф. 4. Оп.1. Д.1643. 11 л.
144. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3178. Л. 52; Д. 2190. Л. 7.
145. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3186. 12 л.
146. ЦГА РК. Ф. 4. Оп.1. Д. 298. 8 л.
147. Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в региональной политике российской империи в XIX в. Вестник Томского государственного университета. - 2018. - № 427. - С. 118–124
148. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д. 1619. 6 л.
149. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д. 2513. 21 л.
150. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д. 2363а. 14 л.
151. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д. 2564. 4 л.
152. ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 3048. Л.15.
153. ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 2726. 88 л.
154. ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 2169. Л.1-3
155. ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1694
156. ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д.1666. 5 л.
157. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2623 7 л.
158. ЦГА РК. Ф.785. Д.10. Л.1-5
159. ЦГА РК. Ф.4.Оп.1. Д. 2619. 15 л.
160. ЦГА РК. Ф.4.Оп.1. Д. 2621 15 л.
161. ЦГА РК. Ф.4.Оп.1. Д. 2620 13 л.
162. Султангалиева Г. С. Казахские чиновники Российской империи XIX в.: особенности восприятия власти // Cahiers du Monde Russe. 56(4) 2015. P. 651-679
163. Кабульдинов З. Политика выдавливания казахов из внутренней части пограничной линии Оренбургского края во второй четверти XIX века. – Алматы, 2012.
164. Соболев Л. Песни степей: антология казахской литературы. – Москва: Госиздат «Художественная литература», 1940. – 587 с.
165. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4476. л. 6-7 об.
166. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2142 35 л.
167. Дюсембек Ж., Мырзабекова Р.С., Бегимбаева Ж.С. Служба дистаночного начальника Асфендияра Сюгалина в контексте политики российской империи // *Bylye Gody*. – 2023. – Том 1. – Вып. 1. – С. 188 - 198
168. ЦГА РК. Ф.4. оп.1. Д.1699.
169. ЦГА РК Ф. 4, Оп.1. Д. 2906. 8 л.
170. ЦГА РК Ф. 4, Оп.1. Д. 2630. 8 л
171. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.1619 6 л.
172. ЦГА РК. Ф.4.оп.1. Д.2303. 33 л.
173. ЦГА РК. Ф.4.оп.1. Д.2427. Л.1-3

174. ЦГА РК. Ф.4.оп.1. Д.2428. 15 л.
175. ЦГА РК. Ф.4.оп.1. Д. 5012. Л.3.
176. Султангалиева Г.С., Койшигарина Г.М. Формирование казахского чиновничества в первой половине XIX в. (на материалах Неплюевского кадетского корпуса) // Вестник КарГУ. – Караганда, 2006.
177. Болодурин В.С. История становления и развития образования в Оренбуржье (XVIII–XXI вв.) // Вестник ОГУ. – 2012. – № 5(141).
178. Алтынсарин И. Из инструкции для руководства к утвержденному 14 июня 1844 г. Положению о школе для казахских детей при Оренбургской пограничной комиссии // Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 1. – Алма-Ата, 1975. – С. 281–283.
179. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3414. 212 л.
180. ЦГА РК. Ф.4. Оп. 1. Д. 3578. 636 л.
181. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.3578 Л.26-28
182. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.3578. Л.30-32
183. ЦГА РК. Ф.4. Оп.1. Д.3578. Л.93
184. Там же. Л. 416-417
185. Там же. Л. 441, л. 453
186. Там же. Л. 462-479
187. Справочная книга Оренбургской губернии на 1868 г. / изд. Оренбургского губернского статистического комитета. – Оренбург: Губернская типография, 1868. – 116, 26 с., 13 л. табл.
188. Койшигарина Г.М. Роль учебных заведений Южного Урала в формировании казахской интеллигенции. Вторая половина XIX – начало XX веков // Вестник КарГУ. – Караганда, 2006.
189. Косач Г. «Казахский образованный класс» в Российской империи // Казахстан и Россия: общества и государства. – Москва: Права человека, 2004. – Вып. 6. – С. 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СПИСОК ДИСТАНОЧНЫХ И МЕСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ КАЗАХОВ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА

№	Начальник дистанции (ФИО, происхождение)	Годы службы / чин	№ дистанции	Расположение дистанции	Местный начальник	Расположение местности	Примечание
1.	1)Султан Узбек-Галий Нуралиев 2) Муртазагали Узбек-Галиев (Аксартов) (султан, внук Нурали-хана), знает татарский, руссский 3)Султан Асфендияр Сюгалин, знает татарский 4) Косумбай Тавасаров	1831-1836 гг. С 1836-1860-е г. /хорунжий Март-июль 1862 г. с1 августа 1862 г.	1	от Гурьева городка до Сарайчиковской крепости	1. Кабан Карабаков 2. Илемес Чанетев 3. Старшина Тутай Назар-Алиев 4. Казах Укубай Юлгартов 5. Старшина Батырбек Асанов	1. г. Гурьева 2.Кандауровского форпоста 3.Редутского форпоста 4.Сорочинского форпоста 5.Сарайчиковской крепости	
2.	1) султан Табулда Шахгазин 2) султан Абиль Табылдин 3)султан Джумагали Абилев 4)султан Ахмеджан Кусепгалиев	1831-1836 гг. 1837-1841 гг. с ноября 1841 г. с сентября 1856 г./ зауряд-хорунжий	2	От Яманхалинского форпоста до Зеленовского форпоста	1. Старшина Айчюре Сачакаев 2. казах Токтар Джанабеков 3. Бий Джанлик Альмамбетев 4. Казах Ишназар Турдугулов 5. Казах Джанбай Кыставов	1.Яманхалинского форпоста 2.Баксайской крепости 3.Кармановского форпоста 4.Тополинской крепости 5.Зеленовского форпоста	В 1836 году вакансия (АК за 1836 г.)
3.	1)Старшина Каркын Бутантаев 2) Султан Мурзагельды Аралов 3)Бабасов Хаким	1831-1836 гг. 1836-1850 гг. 1850-1853 гг. /	3	От Орловского до Красноярского форпоста	1. Бий Бикбатыр Калкаманов. 2. Бий Ильтезер Избасаров. 3. Казах Сарым Сартаев 4. Маймак Сансызбаев 5. Тастанбек Алдабергянов (род маскар, отд.	1.Орловского форпоста 2. Кулагинской крепости 3.Гребенщиковского форпоста 4. Горской крепости 5.Харкинского форпоста	

	род маскар, отделение куттыкадам 4)Бабасов Мурзагельды (сын бия, род маскар, отд. бабаназар), не грамотен	хорунжий (1853) 1860-е годы			куттыкадам, в 1850-е гг.) 6. Сарым Мурзатаев	6.Красноярского форпоста	
4.	1) Старшина Исенгельди Янмурзин 2) Старшина Утебай Санкибаев (род тана, отделение калкаман), не грамотен 3) Старшина Каржау Тлемисов	1831 г. 1832-1850-е гг. / сереб. медаль на аннинской ленте (1837) зауряд - хорунжий (1839) 1860-е годы	4	От Калмыковской крепости до Каленовского форпоста	1. Бий бастагул карасаев 2. Казах Авель Темиров 3. Булюкбай Исенгельдин (род тана, отд. асан), знает татарский, в 1852-е гг. 4. Курджум Кубачин 5. Токтан Кундаулетов 6. Джиенбай Кутумбаев	1.Калмыковской крепости 2.Котельного форпоста 3.Кругловского форпоста 4. Антоновского форпоста 5.Лебяжинского форпоста 6.Каленовского форпоста	
5.	1) Султан Кусеп-Гали Урманов 2)Султан Алдзян/ Альджан Исергамышев (род байбакты, отделение батак), не грамотен	1831-1834 гг. 1834-1850-е гг. /зауряд хорунжий (1838)	5	От Сахарной крепости до Бударинского форпоста	1. старшина Тукбай Кунтувов 2.Нияз Аллабергенев 2.1. Баир Бикишев (род тана, отд. асан), знает татарский, в 1852-е гг. 3. казах Чупан Бустанов 3.1. Джумали Кызаев (род байбакты, отд. жаркын), знает татарский, в 1852-е гг. 4. Иралий Бигалиев (род байбакты), не грамотен 5. старшина Джанторе Исенаманов 5.1. Алдамжар Булаов (род байбакты), не грамотен 6. Жаманкул Бубетеев (род кердеры), говорит по-русски, в 1852-е гг. 7. Карлыбай Туктабаев	1.Сахарной крепости 2.Каршинского форпоста 3.Мергеневского форпоста 4.Горячинского форпоста 5.Лбищенского форпоста 6.Кожехаровского форпоста 7.Бударинского форпоста	В 1836 году вакансия (АК за 1836 г.)

					7.1. Джаналы Канаев в 1852-е годы, хорунжий (род кердеры, отд. кутермен), знает татарский и русский		
6.	1) султан Яхшилык (Жаксылык) Айшуаков 2) султан Утеп-Галий Айшуаков 3)Кузбаков Джаманбай (род кердеры, отделение кутермис), знает русский 4) Миргалий Бахтияров (сын почетного казаха Бахтияра Киякова, род табын), выпускник школы при ОПК 1857 г.	1831-1836 гг. 1836-1849гг. с 26 июля 1850 г. / хорунжий (1847) 1860-е гг.	6	От Кош-Уральского до Рубежинского (Рубежного) форпоста	1. Тайбуга Байтюбетов 2. Ужан Кусин 3. Карасарт Мусаев 4. старшина Узакай Бердиев 5. Тулек Айжарыков (род кердеры, отд. кутсуюн), знает татарский и русский 5.1.Данияр Айярыков 6. Бий Насан Таттыбаев	1. Кош-Уральского форпоста, Богатинского и Скворкинского форпостов 2. Чегановского форпоста 3.Круглоозерного форпоста 4. г. Уральска 5.Гниловского форпоста 6.Рубежинского форпоста	
7.	1) султан Утеп-Галий Айшуаков 2) Ялпык Тайланов (род тама, отделение кенжебай), не грамотен 3)Туккуджин Джанмухамед, султан, знает татарский, русский 4)Утеп-Гали Сагандыков	1831-1836 гг. 1836-1845 гг. с 20 сентября 1845 г. / хорунжий (1846) 1864-1868 гг.	7	От Январцовского до Киндерлинского форпоста	1. Старшина Чулак Буранкулов (тама, джабал), не грамотен, зауряд-хорунжий (1840) 2. Старшина Ихляс Тулеев (род тама), не грамотен, зауряд-хорунжий (1840) 3. старшина Чакшак Дербинсалиев 4. Бий Атабегил Табулдин 5. старшина Алыпкара Мусрепов (род тама, кенжебай)	1. Январцевского форпоста 2. Кирсановского форпоста 3.Иртецкого форпоста 4.Бородинского форпоста 5.Киндерлинского форпоста	
8.	1)Махмуд Алгазыев султан сын султана Алгазы Айшуакова	1831-1836 гг. / зауряд-есаул (1830 г.), золотая медаль на	8	От Студеновского до Буранного форпоста	1. Казах Бикей Ямгурчин 2. стар. Касык Агыйдаров 3. Алдунгаров Баймухамед в 1850-е гг.	1. Студеновского ф., 2. Илецкого городка 3.Затонного ф.	

		аннинскрйленте (1833), есаул (1836 г.)			(простого происхождения, отд. кадырбек), зауряд-хорунжий, знает татарский 3.1.Джапар Илекбаев		
	2) Мухамеджан Баймухамедов, султан, войсковой старшина, генерал-майор, сын султана Баймухамеда Айшуакова, с 1855 г. султан-правитель Средней части	1836/41-1850-е гг/ хорунжий (1838/9), сотник (1840/41), войск. Старшина (1846), подполковник (1853), орден св. Анны 3-й ст. (1847), св. Станислава 2-й ст. (1857), полковник (1859), св. Анны 2-й с короной (1867), генерал-майор (1869), орден св. Станислава 1-й ст. (1881), пенсия 1176 руб. с 1856 г.			4. Илемес Боккарин 4.1. Бий Досмухамед Даукарин (простого происхождения, отд. ашибек), знает татарский 5. Турлубай Иманкулов (простого происх., род табын, отд. жиембет) 6. казах Тляс Байтуганов 7. Барсала Баккарин (простого происхождения, отд. карамунке), не грамотен 7.1. Имберген Куйбашев 7.2 Старшина Канга Буранчин (род табын), не грамотен, в службе с 1854 г. 8. Яксыбай Чубатаев / Асакбай Чеботаев (простого происхождения, отд. ашибек)	4.Сухореченского ф. 5.Озерского ф., 6. Линевского ф. 7.Новоилецкого ф-та 8.Буранного ф-та	
	3) Султан Исеналы Абдулмукминов (к роду не принадлежит), знает татарский 4)Ханчувак Байтоков (сын почетного бия Байтока Айбасова), выпускник школы при ОПК 1857 г.	1862-1864 гг. 1868 г.	1-я половина 8-й дист.				

	5)Бий Туяков 6)Старшина Утепгалий Сагандыков	1867-1868 гг.	2-я половина 8-й дист.	При Новоилецком форпосте [187] При Затонном форпосте [187]			
9.	1) Султан Асфендияр Сюгалин сын Сюгали Айшуакова, знает татарский, русский 2)Султан Кулмухаммед Баймухамедов в китинском роде 3)Султан Сугурали Сюгалин в роде уджра 4)Султан Исен-Али Абдулмукминов в родах тазлар и алшын 5) Султан Бигали Булхаиров	1835-1847 гг. / хорунжий (1836), сотник (1838), есаул (1842) с 1847 г. на службе, знает татарский с 1847 г. на службе, не грамотен с 1847 г. на службе, знает татарский с 1861 г. / хорунжий (1861), сотник (1866), серебряная медаль на станиславской ленте (1861)	31	От Прорвинского пикета до Ново-Александровского укрепления	1. почетный бий Шернияз Мулла Ярлыкашев (с 1842 г.) 2.Джурумбай Кыстаубаев (род адай, отд. туркмен, в должности в 1841-1845 гг., убит в 1845 г.) 2.1. Санабай Байданов (бий рода адай, в службе с 1845 г.) 3. старшина Баймухаммед Маяев	1. Прорвинского пикета 2.Ново-Александровского укрепления 3. Карабутакского форта	Асфендияр Сюгалин был начальником нескольких дистанций
10.	Бий Исиджан/ Исенджан Абызов	С 1845 г.	52		1.Акбулат Тышкарин 2.Кутебар Суюнкарин 3.Умурбай Даумчаров 4.Чапык Кидырчин 5.Тулан Тасымов 6.Худайберген Тукин	10 местностей	

					7.Мулла- Калпай Карамкулов 8.Куртай Игтубаев 9.Чурий Кучатыров 10. Суюндук Машаев		
	37				71	61	

СПИСОК ДИСТАНОЧЫНХ И МЕСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ КАЗАХОВ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА

№	Начальник дистанции (ФИО, происхождение)	Годы службы / чин	№ дистанции	Расположение дистанции	Местный начальник	Расположение местности	Примечание
1.	1) Султан Тауке Айшуаков 2) султан Арслан Джантюрин 3)Бий Мухамед-Сафар Байтенов (род табын, отделение кадырбек), не грамотен 4)Султан Сулейман Мухаммедгалиев, выпускник школы при ОПК 1857 г.	1831-1846 гг./ хорунжий есаул, надворный советник с 1840 г. помощник Тауке Айшуакова, исполнял должность начальника дистанции 1841-1858 гг./ хорунжий (1853) С 1858 г.	9	От Изобильного до Осторожного форпоста Близ Ветлянского отряда [187]	1.Актан Бучаков 2.Тогузбай Джанабаев/ Янабаев (род табын, в 1840-е годы) 2.1.Тогусбай Идильбаев в 1852-е гг. (табын, кадырбек), не грамотен 3.Мыктыбай Таймирикин 4.Биктурлы Тулямышев 5.Жолбаскан Утепов 6.Сердали Кангазин 7.Байсарык/Байсангрык Иманкулов в 1845-50-е гг. (простого происх., род табын, отделение буйра), не грамотен	1.Изобильной станицы 2.Ветлянского отряда 3.Мертвецовского отряда 4.Подгорного отряда 5.Илецкой защиты 6.Угольной станицы 7.Григорьевского форпоста	
2.	1) султан Таджик Бишбаев (род табын,	1831 - 1845 г.	10	От Куралинского до Каменно-Озерного форпоста	1. Старшина Турак Янмурзин 1.1. Асаф Кушаев (простого происхождения,	1.Благословенной станицы	

	отделение таушан) 2)султан Досан Алгазиев	1845-1850-е гг. / зауряд хорунжий (1847 г.)			род табын, отд. туатай), не грамотен, в должности в 1852-е гг. 2. Султан Хасан Джантурин (в 1850-е годы) 2.2. Джумабай Киикбаев (в должности с 1846 года) 3. Мусай Кичибаев (простого происхождения, род табын, отд. жиембет), не грамотен, в 1852-е гг. 3.1.Старшина Кадыр Нурлубаев 4. Бикбай Айбасов	2. г. Оренбург 3.Нежинского отряда 4.Каменно-озерной станицы	
3.	1) Старшина Кунгурбай Бутбаев 2) Султан Мухамед-газы Шергазыев 3)Старшина Жанбулат Бачантаев 4) Токтамыс Косваков, выпускник школы при ОПК 1857 г. 5)Бий Ибрам Байдусов	1831-1846 г. / сотник 1846-1852 гг. 1852-1858 гг. с 1862 г./зауряд-хорунжий (1858) 1868 г.	11	От Вязовского до Алабайтальского отряда При Каменно-Озерной станице [187]	1.Аралбай Денгизбаев 2.Старшина Жанбулат Бачентаев (род табын), не грамотен, в 1840-1852-е годы 3.Турмухамед Нурмухамедов 4.Ходжа Тлеумухамед Нурмухамедов с 1859 г. 5.Утеген Курманбаев 6.Кушкадам Бикенев	1.Вязовского отряда 2.Островного отряда 3.Красногорской станицы 4.Новочеркасского отряда 5.Гирьяльского отряда 6.Алабайтальского отряда	1. С 1 августа 1867 г. – бий Кадыр Чандыров (род тама, отд. курман), не грамотен 4.зауряд-хорунжий Тлеумухамед Нурмухамедов в апреле 1867 уволен, вместо него Ниятал Уралов
4.	1) Старшина Сатып-Алды 2)Ходжа Якуп/Жакып Худайкулов не грамотен	1831-1834 гг./ хорунжий (1848), сотник (1853) 1834-1852-е гг.	12	От Верхне-Озерной крепости до Никольского отряда	1. Старшина Кашкынбай Тасбулатов 1.1. Чуке Жанжигитов (род тама, отд. курман, в 1852-е гг.), не грамотен 2. Казах Юсуп Насанбаев 3. Куваныч Куйтанов	1.Верхнеозерной станицы 2.Донского отряда 3.Никольской станицы	

	3) Султан Салим Идигин	1860-е годы		Близ Алабайтальского отряда [187]	4. Кунакбай Айджанов (род жагалбайлы, отд. билиш, в 1845-е годы)	4. по речкам Кие Сары Булан и уроч. Ташик	
5.	1) Старшина Асан Ахметев 2)Султан Насанбай Акатов 3) Султан Суюнучгали Медетгалиев	1831-1833 гг. 1833-1846 гг. 1846-1868 гг./ хорунжий (1857), сотник (1861), серебряная медаль на станиславской ленте (1864)	13	От Ильинской до Губерлинской крепости При Ильинской станице [187]	1.Кальча Идильбаев 2.Жузжасар Аютаев 3.Якуп Уржин 3.1.Досмухамед Даукарин (род табын, отделение кадырбек), не грамотен, в 1850-е гг. 4.Исан Байсарин	1. Ильинской станицы 2. Подгорного отряда 3.Сухореченского отряда 4.Губерлинской станицы	
6.	1) Старшина Дары Байтувов 2)Султан Ирмухамед Рысалиев	С 1831 г. 1860-е гг.	14	От Хабарного до Калпацкого отряда г. Орск [187]	1.Тазик Бикетов 2. Бий Ударбай Уразбаев 3.Акман Ирубаев 4. Санхай Актанов 5.Ихляс Кылдыбаев	1.Хабарного отряда 2.Орской крепости 3.Татарских хуторов 4.Банного отряда 5.Калпацкого отряда	
7.	1)Султан Адиль Мучанов 2)Султан Урдабай Мучанов 3) Дербисали Беркимбаев (сын зауряд-хорунжего, из казахов)	С 1831 г. В 1840-е годы 1860-1863 гг. / серебр. медаль на станиславской ленте (1864), зауряд-хорунжий (1865)	15	От Тереклинского отряда до Уртазымской крепости Около Таналыцкой станицы [187]	1.Мати Таубасаров 2.Кочумбет Чурчин 3.Баян Амалдыков 4.Нуртай Бирдалин	1.Тереклинского отряда 2.Таналыцкой станицы 3.Орловского отряда 4.Уртазымской станицы	После реформ 1868 г. 15-я дистанция – в Кустанайском уезде Тургайской области
8.	1)Старшина Иглик Кутлубаев	1831-1836 гг.	16	От Березовского до Увальского отряда	1.Надырали Кандалин	1.Березовского отряда	

	2)Юзбай Джаманкин 3)Нарбутин Чавнобай 4)Бий Утегул Губин	с 1837 г. 1840-е годы/ зауряд-хорунжий (1844) 1860-е гг.		Близ Кизильской станицы [187]	2.Меирман Игликов 3.Исергеп Сутлебаев 4. Балта Малгильдинов	2.Грязнушенского отряда 3.Кизильской станицы 4.Увальского отряда	
9.	1)Бий, старшина Серкебай Каркынбаев (Каркынов) 2)Бий Кулмухамед Кусумов	1831-1860-е гг./ зауряд-хорунжий (1844) 1861-1868 гг.	17	От Сартинского отряда до Магнитной крепости Ок. Магнитной станицы [187]	1.Тунгатар Сагызбаев 2.Ильдес Аманбаев 3.Калмбай Иркебаев	1.Сыртинского отряда 2.Янгельской станицы 3.Магнитной станицы	
10.	1)Бий Джандыр Назаров 2) Старшина Мухамдияр Качаров	1831-1860-е гг. / зауряд-хорунжий (1839) 1868 г./ сотник	18	Верхне-Кизильского до Верхнеуральского отряда г. Верхнеуральск	1.Ильчибай Байбулатов 2.Аллаберды Рыскулов 3.Урманбай Янтелинов 4.Чукум Турумбаев	1. Верхнекизильской крепости 2. Фершампенуазской станицы 3.Спаского отряда 4.Верхнеуральска	1. вместо И. Байбулатова Алдаберды Рыскулов в 1846 г. 2. уволен в мае-июне 1868 г. бий Чакыш Кутенбаев, вместо него Насанбай (Найзабай) Сарабилев 3. ув. в феврале 1868 г. - бий Китан Куйканов против Спаского отряда; Июнь-октябрь 1868 г. - местный начальник Ускумбай Кустунбаев
11.	1)Старшина Байзак Арасланов	С 1841 г.	23	от Кулацкой станицы до Императорского укрепления	1.Токтагул Кунаков 2.Куламан Бишбаев	1.Кумакской станицы 2.Ново-Орской ст.	

	2)Бий Утеген Казыбаев (род жагалбайлы, урмантай) 3) Зауряд-хорунжий Дербисалий Беркинбаев	1849-1850-е гг. 1863-1868 гг.		Ново-Орской станицы [187]	3.Бикташ Ямангиреев	3.Императорского укр.	3) Дербисали Беркимбаев сверхштатный старший чиновник особых поручений при военном губернаторе Тургайской области с 1868 г.
12.	1)Султан Мусыр-Гали Кыдыров ни к какому роду не принадлежит, знает татарский	1840-1849 гг. / зауряд хорунжий (1844)	24	около Петровской до Наследницкой крепостей	1.Усан Кутманаев 2.Салпамбай Кулов 3.Мухамедьяр Кучаров/Качаров, сын простого казаха, род жагалбайлы, отделение урмантай, не грамотен 4.Чалбаш Чунаев	1.Петровской ст. 2.Елизаветинской станицы 3.Екатерининской станицы 4.Наследниковской станицы	24-я дистанция была упразднена
13.	1)Бий Байтюбет Уразалин (род жагалбайлы, отд.сераклы) 2)Бий Мендыкул Аккошкаров	1839-1860 / зауряд хорунжий (1843) 1860-1868 гг.	25	От Павловской до Андреевской станиц Наследницкой станицы [187]	1.Кутек Отарбаев 2.Баба Батаканов 3. Чимберген Исергепов 4. Кудас Барыков	1.Павловской станицы 2.Атаманской станицы 3.Мариинской станицы 4.Андреевской станицы	
14.	1)Бий Джатай Буранбаев 2)Султан Мухаммед-газы Арынгазыев (к роду не принадлежит), знает татарский	с 1844 г. с 1851 г.	28	1.По р. Жаксы-Каргале 2. от Джулан-тау до Джильды-Тау 3.по Жаксы-Каргале до урочища Кызыл-тас 4.по Илеку от устья Жаксы-Каргалы до урочища Бестамак	1.Мангильды Утяпов 2. бий Турдагалий Чиныбаев 3. Итемир Кундубаев 4.старшина Яманбай Уланов	1.От Биштамыка до устья Каргалки 2.От Каргалки до вершин ее 3.От Джильды-тау до Казылтам 4.От могилы Уте до р.Тамды и до	3. в марте 1868 г. бий Алибай Актасов уволен, вместо

				5. до Коктобе 6. от урочища Курусай до верховьев Илека	5.бий Менды Маматов 6. Султан-Галий Тунгачин	Каргалки на 3 версты 5. От Джулак-тау до Джигилды-тау 6.От р. Жаман Каргалы до вершин ее	него бий Альмухамед Бачбаев (жагалбайлы, билиш), знает татарский
15.	1) Бий Мукан Калдыбаев 2)Султан Аймухамед Арынгазыев	1840-е гг. С 1858 г./ сотник (1861)	29	От реки Ашыбулак до ур. Кускызыл-Яр и до р.Аксу и до устья р. Жаксы-Каргалы	1. Баян Кутепов 2.Кулмурза Идильбаев (род табын, отд. жылкышы, в 1845-е годы) 2.1 бий Тажикен Кулмурзин, умер в 1867 г. 2.2 бий Джиянчур Исельбаев (род тама, отделение сусир), знает татарский, избран в 1867 г. 3. Чукан Тюлемисов	1.Между устья Каргалки и уроч. Кускызыл-яр 2.От Кускызыл-Яра до р. Ащибулака 3.Между рр. Илеком и Акбулаком	
16.	1) Старшина Уркунбай Берчинбаев (род тама, отделение кызылкурт) 2) Мухаммед-Хусеин Мухамед-Газыев султан	С 1845 г. 1862-1868 гг.	30	от реки Кызыл Жар до урочища Базар и до урочища Улы-Тамды, от реки Карабутак до реки Акбулак, от урочища Кут-Аралга-Тамды и реки Аксу до Муртука	1. казах Кучанай Дичянбаев 2.бий Сакау Джайнаков 3.Дюйсенбай Акбаев 3.1. Бий Кусжан Айтулеков (умер в 1867 г.) 4.казах Тлеу Джайнаков (род тама, отд. курман) 4.1 Бий Умербек Ураков (род тама), не грамотен, ум. в 1867 г. 5.Бисанбай Сазанбаев (род тама, отд. кызылкурт)	1.От уроч. Каратугая до р. Ак Су 2.От р. Ак-Су до р. Улу-Тамды 3.От Улу-Тамды до устья р. Карабутака и места Базар Асты 4.От Карабутака до устья реки Акбулак 5.От Кумак Краснояра до Бузачи	
17.	1) Бий Алмат Тавабергенев		54-я особая дистанция	при Уральском укреплении	1.Бий Чиктемир Сагындыков 2.Бий Джилимбай Иртаев 3.Бий Амалдык Токбаев	1.уроч. Аксакал-таубе 2.В Джлукуляковском отделении	

					4.Бий Бутбай Джарлыгасов 5.Бий Джантурган Косбагаров	3.В Джагильдиевском отделении 4. В отделении асан 5.В отделении Бузгул	
18.	1)Беркинбай Бушбаев (Бучубаев)	1848 - 1868 г. (20 лет службы)	56-я особая дистанция (1848 г.)	от урочища Таш-Кичу до устья Тамдыур, через урочища Мендыбай, Базарбай Культабан, Тамды-Ор, п рекам Кайракты и Тамды р. Орь, близ г. Орска [187]	1.бий Урангул Актанов 2. бий Исентемир Суюнбаев 3. бий Унеремис Байтиев 4.казах Бука Токтагулов 5.бий Куаныш/Куваныч Куйчин (в должности в 1866 г.)	1. от уроч. Таш-кичу до Мендыбая 2. От Мендыбая до Базарбака 3. От Базарбики до Культабана 4. По рр. Кайракты и Тамды 5. От Культебака до Тамды-Ор	3. Бий Баймухаммед Утеулин в декабре 1867 г. вместо бия Мятибая Байтиева В 1868 г. новая местность от р. Камсакты до Кучен, назначен Баймухамед Утеулин (род жагалбайлы), знает татарский
19.	1) Токтамыс Косваков 2)Султан Бикбулат Туккуджин	1860-1862 гг. 1862-1868 гг.	57-я учреждена в 1850 г.	по р. Хобде, от р. Тересакан до р. Тамды и до р. Кызылшак, р. Ащисай, р.Аксай, р.Тинтек-кара, от р. Ильбулды до р. Каражал и до р. Кокбекты.	1. Бий Ташканбай Джанаков (уволен в 1866 г.) 1.1Бий Баймухамед Байчуваков (1866-1867 гг., у. в 1867) 1.2 Бий Джиенбай Тулеев (род табын, отд. айдар), не грамотен 2. бий Жамансарт Бикташев/Биктасов (с 1851 г.) 3. бий Тастемир Кушаев 4. бий Дюсенбай Джаныбеков 5. бий Нурмухамед Сапаков 6. бий Идига Кувантаев	1.от р. Кукбекты до р. Ибулды 2.От р. Тинтяк-кары до р. Ак-сай 3.От р. Ибулды до р. Караджар 4.От р. Ак-Сай до р. Ащи-Сай 5.От Ащи-Сай до р. Кысылчан 6.По рр. Терисаккану и Тамды	2. Ямансарт Бикташев в марте 1868 г. умер, вместо него казах Бигали Биктасов

					7. бий Кульбарыс Тунгатаров 8.бий Джанас Тогузбаев и Айджарык Бикбов	7.По р. Терек-аккану и Тамды 8.От Тамды вверх по Хобде	
	46				114	89	

СПИСОК ДИСТАНОЧНЫХ И МЕСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАЗАХОВ ОРЕНБУРГСКОГО ВЕДОМСТВА

№	Начальник дистанции (ФИО, происхождение)	Годы службы / чин	№ дистанции	Расположение дистанции	Местный начальник	Расположение местности	Примечание
1.	1) Старшина Тулек Айдаров 2)Султан Турмамбет Кунбасов (простого происхождения, род кыпшак, отделение усте), не грамотен 3)Бейбит Даулбаев (род кыпшак, отделение карабалык), сын простого казаха, знает русский	1831-1836 гг. 1836–1850-е гг. 1861-1868 гг./ зауряд-хорунжий	19	От Урлядинского отряда до Степной крепости При Великопетровской станице [187]	1.Кутум Урганчин 1.1Бий Сары Турмамбетов (род кыпшак, отд. усте), знает татарский 2.Алимбай Сатыбалдин 3. Костан Сартов (род кыпшак, отделение усте), не грамотен 3.1.Алдар Малтабаров 4.Темир Искильдин 5.Акберда Чункарин	1.Степная крепость 2.Бирюковский отряд 3.Кидышевский отряд 4.Петропавловская крепость 5.Деревня Ахуновой	Местные начальники назначены в 1835 г. 3) в 1849 г. письмоводитель начальника 27-й дистанции, кочевал близ Михайловского укрепления с начальником 27-й дистанции
2.	1) султан Кул-Мухамед Бабин 2) Старшина Иса Кубеков 3)Бий Суюнуч-Галий Жанбурин/Янбурин (кыпшак,	1831-1837 гг. с 1837 г. 1839-1844 г.	20	От Стрелецкого до Ключевского отряда	1.Тюребек Мурзагулов (с 1836 г.) 2.Кирейбай Байгарин (с 1836 г.) 3.Худайменды Янбурин/Янбурчин (род кыпшак, отд. токбериш), знает татарский, в должности с 1832 г.	1.Троицк 2.Санарский отряд 3.Осиповский отряд	

	карта), не грамотен 4)Бий Матен Чутанов / Шотанов (простого происхождения, род кыпшак, отделение кульдене), не грамотен 5)Старшина Каумен Алдияров (род кыпшак, кульдене, в 1849 году отмечен как местный начальник против Веринской станицы)	с 1849 г. / зауряд-хорунжий (1847) 1856-1868 г./ сотник		При г. Троицк [187]	3.1. Бигибай Мунайтпасов (в должности с 1861 г.) 4.Ямангыз Сайдалов (с 1832 г.) 5.Калмак Кунбасов (с 1832 г.) 6.Чуман Кармысов+ (с 1833 г.) 7.Матен Чутанов (с 1835 г.) 7.1.Умурзак Карымсаков (кыпшак, булгашын), грамотен 7.2.Сагындык Муратов (с 1837 г.) 8.Байгазы Тастемиров (простого происхождения, род кыпшак, отделение кульдене), не грамотен, в должности с 1832 г.	4.Черноречинский отряд 5.Стрелецкий 6.Подгорный 7.Бобровский отряд 8.Ключевская станица	8. в 1849 г. местный начальник против г. Троицка
3.	1) Старшина Акназар Мугалов 2) Бий Найман Кабанбаев (простого происхождения, род кыпшак, отделение теныбек), не грамотен 3)Старшина Карагужа / Каракожа Каракаев (род кыпшак, отделение ташкур), не грамотен 4) Султан Сермухам-мед Джигангиров 5)Султан Махмуд Джантюрин, выпускник НКК 1851 г, знает русский	1831-1836 гг. 1836/37-1841 гг., с 1841 г. управляющий отделением кульдене рода кыпшак 1841-1846 гг./ хорунжий 1846-1858 гг. 1858-1868 гг./ сотник (1857), есаул	21	От Каракульского отряда до Усть-Уйской крепости При Крутоярской станице [187]	1.Джиеналы Испулаев (род кыпшак, отделение акбурин), не грамотен 1.1.Бабика Саркин (с 1838 г.) 2.Найман Кабанбаев (1832-1836 гг.) 2.1.Исенали Байменкулов/Баймункин (род кыпшак, отделение теныбек), не грамотен, в должности с 1837 г. 3.Каракужа Каракаев (1832-1841) 3.1.Ульджабай Сагындыков (кыпшак, ташкур), не грамотен, с 1841 г. в должности 4.Сасык Сартанов (кыпшак, ташкур), в должности с 1832 г., не грамотен 5.Малмак Бабасов (кыпшак, булгашын), в должности с 1832 г., не грамотен	1.Усть-Уйская крепость 2.Луговой отряд 3.Крутоярская станица 4.Березовский отряд 5.Каракульская станица	

4.	1) Старшина, тархан Бикбулат Бикбов (род керей, отделение балта) 2)Бий Юсуп Бикбулатов (из почетных казахов, сын тархана, род керей, отделение балта), знает татарский и русский языки	1831-1836 гг. 1836-1850-е гг. гг./серебряная медаль на аннинской ленте (1837)	22	От Кочердыкского отряда до Алабужского отряда	1.Юсуп Бикбулатов (1832-1836 гг.) 1.1.Старшина Нарынбай Бикбулатов (керей, балта), в должности с 1836 г., не грамотен 2.Старшина Саванбай Бикбулатов (керей, балта), в должности с 1836 г., не грамотен 3. Старшина Алибек Казыбаев 3.1.Баимбет Алибеков (керей, кочуба), не грамотен, с 1837 г. 3.2Исетай Баимбетов (керей, кочуба), не грамотен, с 1867 г. 4. Кабул Тюбетев 4.1.Темир Жумагулов (керей, кочубин), не грамотен, с 1837 г. 5. Бий Биктемир Караменев 5.1.Тлеубай Биктемиров (с 1837 г.) 5.2 Муса Тлеубаев в 1860-е годы	1.Кочердыкский отряд 2.Озерный отряд 3.Звериноголовская крепость 4.Алабужский отряд 5.Прорывной отряд	В 22-й дистанции прослеживается преемственность власти и переход должности дистаночного начальника и местного начальника от отца к сыну
5.	1)Почетный бий Кокбаш/ Кунбас Баубеков (род кыпшак, отделение карабалык) 2) Бий Суюнуч-Гали Янбурин, (простого происхождения, род кыпшак, отделение карабалык/ карта), не грамотен 3)Бий Наурызбай Казыбаев (род кыпшак, отделение танабуга), не грамотен	1839-1845 гг. 1845-1850-е гг. 1857/8-1865 гг.	26	От Георгиевской станицы до Софийской	1. Асан Акбердин (род кыпшак, карабалык, сын простого казаха), не грамотен 1.1. Мурзабай Джамангулов 2.Усеке Даутбаев 2.1 Кулатай Утетлевов (1857-1867 г.) 2.2.Бекентай Кетебаев (род кыпшак), знает татарский 3.Рыспай Амангулов (сын простого казаха, род кыпшак, отделение карабалык), не грамотен 4. Бий Утемис Табулдин (простого происх., род кыпшак, карабалык)	1.Георгиевской ст. 2.Анненской ст. 3.Ольгинской ст. 4.Константиновского укр.	

	4) Баймухамед Наурызбаев (сын дистаночного начальника Наурызбая Казыбаева, выпускник казахской школы при ОПК)	1865 - 1868 г.		При Николаевской станице [187]	4.1. Доскара Сатыбалдин с 1860 г. 5. Байдавлет Байсалов 6. Акмалай Кунакаев 7. Исеп Балыкбаев 8. Мунан Сайбулов 9.Курпалы Джамбурин 10. Бий Илеман Тулегенов (простого происхождения, род кыпшак, отделение кыдырбай), знает татарский 10.1. Джакуп Кудасов	5. Еленинской ст. 6. Княжинской ст. 7.Владимирск. ст. 8.Александров. ст. 9.Николаевского укр. 10. Софийской ст.	
6.	1) Бий Чукан Татыбаев (Тангыбаев) 2)Бий Наурызбай Казыбаев (род кыпшак, отделение танабуга), не грамотен 3)Ишмухам-мед Тукин 4)Бий Махамбет (Мухамед) Унбаев	Прим. 1839-1846 гг. Прим. 1846-1857 гг. 1857-1866/ зауряд-сотник (1861) 1866-1868 гг.	27	От Алексеевской станицы до Варваринской станицы При Михайловской станице [187]	1. казах Туркебай Джурумбаев 2. Тирекбай Чалпанов (кыпшак, абызкушук), не грамотен 3. Чанач Чангыев 4. Матен Чутанов 4.1. Кутужол Сугуров (кыпшак, жука), не грамотен 4.2. Таныбай Тангычев 5. Джукуп Сандыбаев 6.Каумен Алдияров (род кыпшак, отделение кульдене), не грамотен, в 1849 г. 6.1. Нази Тюлекин 7. Абудлла Карагузин (кыпшак, арык), не грамотен 7.1. Тюлькубай Минджасаров.	1.Алексеевской станицы 2.Натальинской станицы 3. Кириловской ст. 4.Михайловского укрепления 5.Надеждинской станицы 6. Веринской ст. 7.Варваринской станицы	1. в сентябре 1867 г. Яманбай Мамыков умер, вместо него бий Микебай Искарин (род кыпшак, отд. коккоз), не грамотен 6. В октябре 1867 г. вместо уволенного Джуртчи Кужебергенева бий Кул Малбагаров (род кыпшак), знает татарский
7.	*В томен шекты:* 1) Тлемис Конгурчин род аргын, отделение утей ст. прапорщик, не грамотен 2) Старшина Саутбай Тлемисов	1841-1859 гг. /прапорщик (1833), сотник (1844) 1859-1868 гг.	32	бор Аман-Карагай, рр. Абуга и Тургай			
8.	1) Старшина Телемис Мурзабаев	С 1841 г.	33	между рр. Тургай и Тобол			

9.	Бабакай Абилев (род аргын, отделение тазлар), почетный бий, не грамотен	С 1841 г.	34	между рр. Тургай и Тобол, урочище Сарыкопа			
10.	Тултан Кучуков (род аргын, отделение утей), почетный бий, не грамотен	С 1841 г./ зауряд - хорунжий (1844)	35	между рр. Тургаем и Тоболом			
11.	1)Турлубай Айтуваров, почетный казах 2) Бультрук Турлубаев почетный казах	С 1841 г.	36	урочище Сарыкопа, между р. Тургай и Аман-Карагайским бором	1.Тулак Кыставов ум. в 1867 г. 2.Курганбек Тулаков, почетный казах	2	
12.	*В жогары шекты:* 1) Старшина Курсабай Доскарин 2) Старшина Чучак Тангабаев род аргын, отделение умбетей, не грамотен	С 1841 г. С 1844 г./ зауряд - хорунжий (1844)	37	между рр. Тургаем и Тоболом			
13.	1) Кут Азатов почетный бий 2) Бий Кульжабай Шарабасов (простого происхождения, род аргын, отделение кырык-мылтык) 3) Асфендияр Сюгалин, сын султана Сюгали Айшуакова 4)Бисен Байжанов	с 1841 г. с 1849-1852 гг. г. 1852-1861 гг./ сотник (1838), есаул (1842) 1861-1868 гг.	38	р. Тобол, уроч. Аман-Козанбаш, оз. Бурлы-Шубар, пески Тусым, р.Тургай			
14.	1) Кунак Жайсанбаев (род аргын, отделение кошкар), почетный бий, не грамотен	с 1841-1845 гг.	39	между рр. Тургаем и Тоболом			

15.	Анак Алтаев (род аргын, отделение кадрымбет), почетный бий, не грамотен 2) Кунак Жайсанбаев (род аргын, отделение кошкар), почетный бий, не грамотен	с 1841 г. с 1846 г.	40	В районе Оренбургского укрепления, между рр. Тургаем и Тоболом			
16.	1)Казангап Джандыров (род аргын, отделение аю), почетный бий, не грамотен	С 1841 года / зауряд - хорунжий (1844)	41	между рр. Тургаем и Тоболом			
17.	1)Бий Айтока (Айтун) Калданов (кыпшак, алтыбас), не грамотен 2) Бий Кошан Балгуджин (род кыпшак), не грамотен 3)Бий Юртеке Баубеков (простого происхождения, род кыпшак, отделение кульдене), грамотен	с 1841 г. 1860-е годы с 1863 г./ зауряд-хорунжий (1847)	42	от урочища Кин Аралы до р. Аят	1.Бий Кылышбай Ханходжин 2.Старшина Шуанбай/Чувакбай Тлеспаев (кыпшак, алтыбас), грамотен 3. Бий Куджам-Жар Кенебаев 4. Бакай Рахметев (уволен в 1868 г.) 4.1 Байчулен Сансызбаев (род кыпшак, отд. узын)	2.местный начальник отделения алтыбас, по р. Тобол	4. В январе 1868 г. вместо Бакая Рахметева (180 руб. хищение) назначен бий Байчулен Сансызбаев
18.	1)Ахмед Байсакалов (простого происхождения, сын поручика, род жаппас, отделение калкаман, утетлеу), не грамотен 2) Мирхайдар Яраспаев	1841-1865 гг./ зауряд-хорунжий (1839), хорунжий (1853) с 1865г.	43	Между рек Тоболом и Тургаем, при Новой линии	1.Мендыгара Джаныбеков (род жаппас, отделение утетлеу), граомту не знает 2.Чонбай Кабанбаев 3.Ит-Аяк Узденбаев 4.Биктемис Алибеков 5.Мадияр Избастин	5 местностей	Местные начальники в роде жаппас назначены с 1842 года
19.	Почетный бий Кашкынбай Нурбаев (род жаппас, отделение калкаман), не грамотен	с 1841 г.	44	Между рек Тоболом и Тургаем, по р. Сырдарья	1.Берджан Янкучуков 2. Санкы Каканов 3.Иралий Исенгельдин (род жаппас, отделение	5 местностей	Местные начальники в роде жаппас назначены с 1842 года

					исенбай), не грамотен 4. Мурзабек Кулманов 5. Манкушук Туленев		
20.	1) Байкасын Самуратов (род жаппас, отделение каракоз), не грамотен 2)Бий Басыкара Алтыбаев (род жаппас, отд. каракоз), не грамотен	с 1841 г. С 1867 г.	45	Между рек Тоболом и Тургаем, по р. Сырдарья	1.Туменбай Биккулов, 2. Танкы Мыктыбаев 3. Али Токиев 4.Имангул Казангапов 5. Ирназар Альжанов	5 местностей	Местные начальники в роде жаппас назначены с 1842 года
21.	1) Султан Илемес Султабаев (род жаппас, отделение курманай), не грамотен 2)Бий Жангабыл Толегенев (простого происхождения, род жаппас, отделение каракоз), не грамотен 3) Бий Чулак Абилев (род жаппас, отд. каракоз), не грамотен	с 1841-1844 г. /зауряд-хорунжий (1840) 1844-1867 гг./ зауряд-хорунжий (1840) С 1867 г.	46	верхний Тобол, Сырдарья Между рек Тоболом и Тургаем, по р. Сырдарья	1.Турдугул Куджамкулов 2. Беис Букатанов 3. Нуржан Урунбаев 4. Тарбак Усенев	4 местности	Местные начальники в роде жаппас назначены с 1842 года
22.	1) Мурзабай Тышканбаев (род жаппас, отделение сумурун), не грамотен 2)Мамбет Кулибаев	с 1841 г.	47	Между рек Тоболом и Тургаем, по р. Сырдарья	1.Итбатыр Данаков 2. Сарбас Умуртаев 3. Джалбыр Бурюбаев 4. Майбасар Мурзагулов	4 местности	Местные начальники в роде жаппас назначены с 1842 года
23.	Буркутбай Тагимов/ Таимов (род жаппас, отделение унгут), не грамотен 2) Почетный бий Алимбай Байгозин	с 1841 г. 1859-1868 гг./серебряная медаль на	48	Между рек Тоболом и Тургаем, по р. Сырдарья	1.Баянбай Урусов 2.Тамыбай Урусов, 3. Адай Юзов, 4. Кудабай Мурзабеков	4 местности	Местные начальники в роде жаппас назначены с 1842 года

		станиславской ленте (1864)					
24.	1) Бий Даир Джанжигитов 2) Джангуджа Джабаев	с 1841 г. 1862-1868 гг.	49		1.Иргара Кабаев 2.Абын Сакавов 3.Сарсембай Тунгачин 4. Баймурат Туркебаев (с 1863 г)	4 местности	Местные начальники в роде алтын назначены с 1842 года
25.	Мусрепе Кулов		50		1.Медет Култин 2.Урунбай Умюров 3.Яхсыгул Ирсарин 4. Джанмухамедов Асыбай (с 1863 года)	4 местности	Местные начальники в роде алтын назначены с 1842 года
26.	Кочкенбай Мажегулов		51		1.Усентай Джумагулов 2.Исет Исалин 3.Исип Баймурзин 4.Сят Джангелев	4 местности	Местные начальники в роде алтын назначены с 1842 года
27.	Султан Сулейман Джигангиров (сын надворного советника султана Джигангира Каипова), грамотен	с 1846 г./ сотник (1847), есаул (1848), орден св. Анны 3-й степ. (1850), войсковой старшина (1858), подполковник (1859), орден св. Станислава 2-й ст. с короной(1864), орден св. Анны 2-й степ. (1867), орден св. владимира 4-й ст. (1870)	53	в районе Оренбургского укрепления, между рр. Тургаем, Тоболом и Аятом		1 местность среди рода аргын	
28.	Бий Кудабай Кучбин (род аргын), не грамотен	с 1848 г.	55	между рр. Тургаем и Тоболом	1.казах Тлеумбет Кулатаев 2.казах Булаубек Туманчин 3.казах Карасат Каркынов		
	61				113	87	